

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФОНД ИМ. ФРИДРИХА ЭБЕРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**БЕЗОПАСНОСТЬ  
КАК ЦЕННОСТЬ И НОРМА:  
ОПЫТ РАЗНЫХ ЭПОХ И КУЛЬТУР**

(МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА  
г. СУЗДАЛЬ, 15–17 НОЯБРЯ 2011 г.)

Санкт-Петербург  
2012

ББК Т3(0)63

Б40

**Б40      Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / Отв. ред. Сергей Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012. — 296 с.**

ISBN 978-5-94348-067-6

В сборнике представлены материалы поддержанного Фондом Фридриха Науманна и Фондом Фридриха Эберта (оба — Германия) Международного семинара в Суздале, которым завершился первый этап осуществления двухэтапного исследовательского проекта Института востоковедения РАН «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления и концепции». В Семинаре участвовали как молодые исследователи, так и известные специалисты из Москвы (ИВ РАН, ИЭА РАН, ИСАА, РГГУ), Иваново (ИвГУ), Барнаула (АлтГУ), Владивостока (ДВФУ), а также учёные из Казахстана, Монголии и Италии.

Публикуются не только доклады, но и тексты дискуссий. Публикуемые тексты показывают, как в пространстве различных культур и государств, начиная с Древнего Египта, Двуречья и Китая и заканчивая современными Россией, Италией, Монголией и Центральной Азией, формировались, изменялись, усложнялись лексемы, обозначающие безопасность и родственные понятия. Рассматриваются представления о безопасности (обыденные и книжные, религиозные и светские) и их концептуализации политическим сознанием.

Книга предназначена для всех интересующихся историческим ракурсом проблемы безопасности в контексте культуры.

*В оформлении обложки использована репродукция  
центральной панели полиптиха Мизерикордиа работы  
Пьеро делла Франческо (сер. XV в.), хранящегося  
в Коммунальной пинакотеке г. Сан-Сеполькро (Италия)*

ISBN 978-5-94348-067-6

© Институт востоковедения РАН, 2012  
© Фонд им. Фридриха Эберта в Российской Федерации, 2012  
© Интерсоцис, 2012

## СОДЕРЖАНИЕ

От редактора. <i>Сергей Панарин</i> . . . . .	6
Дискурсивный анализ безопасности: дефиниция как элемент культуры <i>Сергей Панарин, Айгуль Есимова</i> . . . . .	16
Безопасность в языке, политической мысли и религиозной традиции монголов <i>Тудэв Батбаяр</i> . . . . .	33
Дикуссия по докладу Т. Батбаяра . . . . .	41
Представления о безопасности российских и иностранных студентов Владивостока (по материалам опросов в Дальневосточном федеральном университете) <i>Надежда Цой</i> . . . . .	52
Дикуссия по докладу Н. Цой . . . . .	69
Безопасность в Китае: термин и коннотации <i>Сергей Дмитриев</i> . . . . .	70
Дикуссия по докладу С. Дмитриева . . . . .	78
О философско-религиозном содержании термина <b>аман</b> <i>Мария Рудакова</i> . . . . .	82
Безопасность согласно Корану и Сунне <i>Раиса Шарипова</i> . . . . .	86
Дикуссия по докладу Р. Шариповой . . . . .	95
Понятие <b>аман</b> в арабо-мусульманской правовой культуре <i>Дмитрий Микульский</i> . . . . .	99
Дикуссия по докладу Д. Микульского . . . . .	105
Безопасность в социальной доктрине и практической политике Русской православной церкви <i>Сергей Филатов</i> . . . . .	107
Дикуссия по докладу С. Филатова . . . . .	120

Царь как гарант безопасности и стабильности государства (на примере Древней Месопотамии и Древнего Египта) <i>Галина Колганова, Анастасия Петрова</i> . . . . .	128
Дискуссия по докладу Г. Калгановой и А. Петровой . . . . .	138
Коннотации и приоритеты безопасности в бирманской культуре в исторической перспективе <i>Алексей Кириченко</i> . . . . .	145
Дискуссия по докладу А. Кириченко . . . . .	156
Эволюция концепции безопасности Японии: XVII — первая половина XX века <i>Александр Мещеряков</i> . . . . .	160
Дискуссия по докладу А. Мещерякова . . . . .	174
От Сенеки до <i>publica sicurezza</i> : эволюция понятия «безопасность» в итальянской культуре <i>Уго Перси</i> . . . . .	177
Дискуссия по докладу У. Перси . . . . .	188
Представления о безопасности монгольских студентов (по материалам опроса студентов Монгольского государственного университета науки и технологии) <i>Нямаа Галиймаа</i> . . . . .	191
Дискуссия по докладу Н. Галиймы . . . . .	199
Сравнительный анализ представлений о безопасности российских и казахстанских студентов <i>Ирина Бочкарева, Айгуль Есимова</i> . . . . .	201
Дискуссия по докладу И. Бочкарёвой и А. Есимовой . . . . .	212
Представления о безопасности студентов-международников (по материалам экспресс-исследования в Ивановском государственном университете) <i>Ирина Буданова</i> . . . . .	215
Дискуссия по докладу И. Будановой . . . . .	225

Развитие атомной промышленности КНР: новый курс — новые риски? <i>Татьяна Тутнова</i> . . . . .	227
Дискуссия по докладу Т. Тутновой . . . . .	244
Право на сецессию как новый элемент групповой и индивидуальной безопасности: критика основных концепций <i>Фёдор Попов</i> . . . . .	248
Дискуссия по докладу Ф. Попова . . . . .	259
Противоречия безопасности на примере водно-энергетических проблем Центральной Азии <i>Екатерина Борисова, Сергей Панарин</i> . . . . .	268
Дискуссия по докладу Е. Борисовой и С. Панарина . . . . .	276
Повседневные опасности в Узбекистане <i>Сергей Абашин</i> . . . . .	280
Дискуссия по докладу С. Абашина . . . . .	289
Сведения об авторах . . . . .	294

## ОТ РЕДАКТОРА

*Сергей Панарин*

XX век, очень точно определённый Эриком Хобсбаумом как *age of extremes* — «век крайностей»<sup>1</sup>, заслужил это своё прозвание, помимо прочего, потому, что по другому меткому определению, сделанному Ортегой-и-Гассетом несколькими десятилетиями ранее, стал веком «восстания масс»<sup>2</sup>. Сначала в одних частях мира, первыми вступивших на путь неудержимой правовой и бытовой эмансипации, затем и во всех остальных его частях начали рушиться социальные и культурные нормы, которыми поддерживалась стратификация поведения и потребления. Где обвалились, где пошли зияющими трещинами сословные перегородки; появились и заработали новые, куда более вместительные, чем в недавнем прошлом, социальные лифты; массы втянулись или были втянуты в большую политику, приобщились к нефольклорной культуре и, не до конца расставшись с религией, всласть одурманились идеологией. Восстание масс победило — то было действительно массовое

---

<sup>1</sup> Это определение вынесено в заголовок последней книги в тетралогии прославленного английского историка “Age of Extremes. The Short Twentieth century 1914–1991”. В русском издании: *Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991)*. М.: Независимая газета, 2004.

<sup>2</sup> Тоже заголовок знаменитого эссе. См.: *Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс // Вопросы философии, 1989, № 3. С. 119–169.*

освобождение — но цена новой свободы для всех оказалась и высокой для всех. Ибо, хотя штучные вещи, люди и идеи остались, их время прошло. Тон задают не они — наступило время массы во всё. Воцарилась массовая культура, стали преобладающими ориентированная на запросы масс номенклатура производства и растиражированный рекламой ассортимент массового потребления, политические решения получили как минимум формальную санкцию в массовом голосовании, а масштабы преступлений против человечества тоже вознеслись на невиданную высоту массовых истреблений «враждебных» классов и народов.

То был, повторим, век крайностей — крайностей во всё, в том числе и в предельном парадоксе его итогов. В частности, оборотной стороной массовой индивидуализация сознания оказалась его же массовое порабощение той или иной модой, той или иной доктриной, тем или иным стандартом. В не получившем пока своего прозвища XXI веке цифровые информационно-коммуникационные технологии обеспечили новые обширные плацдармы для победоносного наступления массового на неповторимое. Попав в сильнейшую зависимость от картинки, явленной экраном, от мира виртуального, мир вещей и мир индивидуальных поступков сделались единообразными во всех своих проявлениях, будь то интимные предметы личной гигиены или перформанс футбольных фанатов, единообразный и в его маскарадной, и в его агрессивной ипостаси. Поневоле на ум приходят бунинские строки: «Нет в мире разных душ...»<sup>1</sup>. В самом деле, столь ли уж существенна разница между фанатичным шахидом, жертвующим чужими жизнями, и либеральным гарвардским профессором, свято блюдущим чужие права — по крайней мере, под прицелом политкорректности? Или между ними обоими и искренне убеждённым во всемогуществе тайных сил озлобленным слушателем «Русской службы новостей»?<sup>2</sup> Ведь и первый, и второй, и третий, как бы ни различались они по внешним при-

---

<sup>1</sup> Здесь и далее цитируется стихотворение И.А. Бунина «В горах» («Поэзия темна, в словах невыразима...»).

<sup>2</sup> Радиостанция, основанная известным журналистом Сергеем Доренко после его ухода с «Эха Москвы». Судя по звонкам и голосованиям в эфире, основную её аудиторию образуют люди выраженной антилиберальной и антизападной направленности, в то же время относящиеся в целом критически к правящему в России режиму.

знакам, едины в том смысле, что своими представлениями и соответствующим им поведением воплощают всего лишь разные вариации массовидного.

## I

Всё так — и всё не так. Не так не потому, что шахид, профессор и поклонник теории заговора стандартизированы и, так сказать, омассовидены по разным лекалам. Насколько эти лекала различаются, вопрос спорный и, самое главное, не столь уж важный. Важно иное: пусть принцип стандартизации действительно всеобъемлющ, пусть варианты стандарта действительно массовидны, само их восприятие остаётся **массово разнообразным** — не сглаженным, не унифицированным и, смею надеяться, не унифицируемым. И одним из важнейших защитников разнообразия восприятия, в том числе и восприятия стандарта, остаётся то, что, говоря опять-таки словами Бунина, «пращур мой воспринял в древнем детстве», — глубинные пласты культуры (локальной, региональной, национальной), фильтрующие и адаптирующие любые принимаемые каждым отдельным человеком инновации и стандарты. Любой из нас по-прежнему зависит от «тех неисчислимых движений человеческой природы, которые цветут и плодоносят независимо от решений имярека... Эти движения — мотивы поступков, образцы и способы действий и противодействий — гораздо чаще, чем мы полагаем, восходят к началам человеческой истории. Древнее, но ещё живое, это многовековое прошлое вливается в настоящее подобно тому, как Амазонка извергает мутный поток своих вод в Атлантический океан»<sup>1</sup>.

Я вовсе не хочу сказать, что прошлое однозначно определяет будущее, а старые основания культуры совершенно неподвластны покушениям со стороны ранее не случавшихся ситуаций, прежде не делавшихся открытий. Неподвижные традиции существуют только в воображении их национально озабоченных ревнителей, наследие предков постоянно перерабатывается и преобразуется, часто до неузнаваемости. Я только хочу подчеркнуть, что даже, казалось бы, целиком изжив приписываемые ей исходные, родовые свойства, культура сохраняет свою самость, свою идентичность как минимум тем, как ею при столкновении с инновацией задаётся путь преобразования / изживания традиции.

---

<sup>1</sup> Braudel, Fernand. *Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism*. Baltimore and London: The John Hopkins Univ. Press, 1977. P. 6–7.



## II

Скорее всего, сказанное мною выше покажется азбучной истиной историкам, этнологам, антропологам, археологам, лингвистам, короче, всем тем, кому по роду занятий приходится работать с фактами и артефактами, рассматриваемыми в более или менее протяжённой исторической ретроспективе. Несколько иначе может обстоять дело с теми, кто специализируется в области политической науки. Не то чтобы они вовсе незнакомы с диахронией: в университетах разных стран в той или иной форме присутствует дисциплины, аналогичные тем, что в российских вузах называются «Историей политических учений», «Историей и теорией международных отношений», «Историей государства и права» и т.п. В конце концов, достаточно сказать «вестфальская система», чтобы убедиться в историзме политического знания. Вместе с тем большинство политологов и международников, образно говоря, самой их специализацией прикованы к галере синхронии, поневоле замкнуты на «здесь и сейчас», а не на «там и тогда». Поэтому им рассуждения о знаниях пращура, мутных водах Амазонки и пути изживания традиции, задаваемом ею самой, могут показаться бессодержательной спекуляцией.

Предлагаемая читателю книга, как и коллективный исследовательский проект, в рамках которого стало возможным её появление, ставили своей целью доказать обратное. Доказать на примере одной из ключевых категорий политики и политической науки, что и самые что ни на есть универсальные по видимости понятия в действительности могут считаться таковыми лишь до известных пределов. И что рано или поздно, но и в них обнаруживается — пусть даже в виде плохо различимых следов — иное, не стандартизированное, с точки зрения стандарта просто незаконное, содержание. Содержание, уводящее из поля политического в поле культуры, из времени настоящего — во время прошлое, но отнюдь не теряющее из-за такой передислокации своей политической значимости, пусть по преимуществу и неявной.

На этом я расстаюсь с философами и поэтами, с лирикой и метафорами и перехожу непосредственно к краткому описанию проекта и к представлению книги.

## III

Большинство современных политиков и экспертов в области политического развития и международных отношений, независимо от

того, какую идеологию они разделяют, с пиететом относятся к *БЕЗОПАСНОСТИ* — и как к предмету концептуализации, и как к сфере деятельности. Тем не менее, обретя в мировом политическом сознании статус почти общепризнанной ценности, безопасность осталась полем разногласий, проявляющихся как в теоретических подходах к ней, так и в практической политике. И одной из главных причин этих разногласий являются различия в **представлениях** о том, **какая** безопасность нужна той или иной стране, тем или иным людям. Точнее, в первую очередь разногласия определяются несовпадением интересов разных политических акторов, но сами несовпадения интересов во многом оказываются результатом несовпадений иного рода — следствием уникального исторического опыта, особенного мировидения.

Не приходится сомневаться в том, что представления о безопасности, в том числе и выходящие за пределы обыденного сознания, распространены повсеместно. Однако как продукт чётко обособившегося политического сознания и термин «безопасность», и его, производные от определённого исторического опыта, коннотации, равно как и его субъективные концептуальные осмысления, — всё это впервые появилось на Западе. Другие культурные миры, в том числе миры Востока и мир России, заимствовали западный продукт в готовом виде — как заимствовали они, скажем, принцип разделения властей или доктрину национализма. Они научились говорить на политическом языке безопасности, пользоваться его идиомами; но вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в их исполнении эти идиомы аутентичны первоисточнику. Впрочем, даже в рамках западного мира различия в подходах к международной безопасности не могут трактоваться исключительно как следствие сугубо рационального осознания различий в интересах: действуют и «идеальные» факторы — такие, как особенности истории и культуры разных стран, влияющие на политическое сознание. Тем с большей уверенностью можно предположить, что в странах Восточной Европы и на Балканах, в государствах Ближнего и Дальнего Востока, в Иране и в Индии, в России и в Средней Азии наличествуют если не коренные отличия, то, как минимум, весьма значимые оттенки в восприятии безопасности. И что эти отличия и оттенки в том или ином объёме улавливаются местным политическим сознанием, в явном или неявном виде отражаются в официальных концепциях безопасности и в политической практике.

Вопрос о содержании представлений о безопасности на Востоке и в России — в их сравнении с такими представлениями на Западе — и о воздействии этих представлений на местную политическую мысль ещё не становился в России предметом специального исследования. Именно поэтому Центр исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения Российской Академии наук (ИВ РАН) и Ивановский государственный университет (ИвГУ) решили провести на базе ИВ РАН международную по составу участников конференцию «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления и концепции». А в качестве подготовительного мероприятия к этой конференции, намеченной на октябрь 2012 года, в ноябре 2011 года в уютном сказочном городе Суздале состоялся компактный международный семинар «Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур». Практически все его материалы — за четырьмя исключениями, о которых я скажу позже, — и представлены в предлагаемой вниманию читателей книге.

#### IV

В семинаре участвовали 22 человека, из них 19 сами сделали свои презентации, тогда как тексты троих отсутствовавших участников озвучил бессменный ведущий всех заседаний Сергей Панарин. Иностранных участников было четверо. Это профессора Тудэв Батбаяр и Нямаа Галиймаа из Монгольского государственного университета науки и технологии, профессор Уго Перси из университета г. Бергамо (Италия) и доцент Академического инновационного университета (на тот момент) в г. Шымкенте (Казахстан) Айгуль Есимова, которая вскоре сменила место работы, а статью на основе доклада написала совместно с Панариным.

Все остальные участники были москвичами, за исключением Ирины Бочкарёвой из Алтайского государственного университета (г. Барнаул), Ирины Будановой из ИвГУ, Надежды Липатовой из Ульяновского государственного университета и Надежды Цой из Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). Не смогли приехать Есимова, Липатова и Мария Рудакова (ИВ РАН). Среди москвичей большинство составили исследователи из Института востоковедения, к ним присоединились: бывший «иврановец» Александр Мещеряков из Российского государственного гуманитарного университета, Сергей



Рис. 1. Группа участников семинара.

Слева направо: сидят — Ирина Буданова, Татьяна Тутнова, Ирина Бочкарёва, Нямаа Галиймаа, Галина Колганова; стоят — Уго Перси, Анастасия Петрова, Сергей Панарин, Екатерина Борисова, Александр Мешеряков, Сергей Абашин, Тудэв Батбаяр, Фёдор Попов, Алексей Кириченко. Фото Надежды Цой.

Абашин из Института этнологии и антропологии РАН и Алексей Кириченко из Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. В работе семинара от Фонда Эберга принимал участие Ян Фальбуш.

Семинар длился два с половиной рабочих дня, в течение которых были проведены девять заседаний, объединённых в пять проблемно-тематических блоков. Были заслушаны 18 «полновесных» докладов (один из них — в форме содоклада двух авторов, Галины Колгановой и Анастасии Петровой) и два сообщения: одно, присланное Рудаковой, — в форме небольшого эссе, другое, присланное Липатовой, — в форме краткой презентации результатов экспресс-опроса «Что такое безопасность» участников состоявшейся в сентябре 2011 года в Иркутске Школы молодого автора. Аналогичному опросу внезапно подверглись и участники семинара; кроме того, на второй день была проведена ролевая игра, а на третий — обсуждение концепции будущей конференции.

## V

В сборнике публикуются 18 статей, подготовленные на основе всех докладов, эссе Рудаковой, а также краткие изложения обсуждений 17 докладов. Не обсуждались оба сообщения и доклад Есимовой, поскольку представлялось некорректным делать это публично в отсутствие авторов. Впрочем, мини-комиссия из добровольцев всё-таки подготовила письменные пожелания для Есимовой на предмет усиления аргументации, и они были использованы Панариным во время работы над совместной с Есимовой статьёй. Что касается замечаний, высказанных остальным докладчикам, то многие из них были учтены при переработке докладов в статьи; однако я не стал их убирать из изложения дискуссии по докладам, так как в целом ряде случаев это разрушило бы её логику. Сами дискуссии, несмотря на то, что нередко они отклонялись, казалось бы, далеко в сторону от темы семинара, представляют, на мой взгляд, немалый интерес не только в содержательном плане, но ещё и потому, что показывают, какие ассоциативные ряды могут выстраиваться при исследовании понятия «безопасность».

Статьи в сборнике следуют абсолютно в том же порядке, в каком на семинаре прозвучали доклады, следовательно, воспроизводят программные блоки, по которым доклады были изначально распределены.

В первый блок вошли: во многом вводная статья Панарина и Есимовой, преимущественно филологические по своему характеру статьи Батбаяра и Сергея Дмитриева о лексемах «безопасность» в монгольском и китайском языках и статья Надежды Цой, которая, хотя и основывается на результатах социологического мини-исследования, «подсоединена» к статье Дмитриева, поскольку значительную часть респондентов Цой составили китайские студенты. Второй блок образуют статьи с выраженным историко-религиоведческим уклоном; в него же вошло эссе Рудаковой о понятии *аман*, прямо перекликающееся с прекрасно фундированной статьёй Дмитрия Микульского об одноименной практике. Очень цельный блок охватывает совокупность статей, авторов которых, при всех различиях между ними в дисциплинарной принадлежности, используемых подходах и временных срезах исследования объединяет углублённый интерес к содержанию и эволюции понятия «безопасность» либо близких ему понятий в культурах, далеко отстоящих друг от друга и во времени, и в пространстве. Четвёртый, самый монолитный, блок объединил статьи, в которых в систематизированном виде излагаются и анализируются по результатам экспресс-исследований (отчасти в сравнении), представления монгольских, российских и казахстанских студентов о том, что такое безопасность. Наконец, в пятом блоке, в сравнении с предыдущими наиболее политологическом, собраны статьи, в большей или меньшей степени показывающие обусловленные разным пониманием безопасности потенциальные и реальные противоречия между различными её аспектами или видами — противоречия, в пределе оборачивающиеся возникновением угроз безопасности сразу на нескольких её уровнях.

\* \* \*

В заключение хотелось бы выразить искреннюю благодарность организациям и людям, без содействия которых семинар вряд ли бы состоялся в том месте, в том составе и в той атмосфере, в каких он состоялся. Первое слово благодарности — Фонду им. Фридриха Наумана и тогдашнему директору его Московского отделения д-ру Саше Тамму: именно благодаря финансовой поддержке Фонда стали возможными, во-первых, проезд на семинар Бочкарёвой и Цой, во-вторых, проведение семинара за пределами Москвы, а значит, вне досягаемости повседневными отвлекающими заботами и обязанностями. (Да ещё в таком

чудесном месте, как Суздаль, побаловавшем нас солнечной погодой!) Второе слово благодарности — Фонду им. Фридриха Эберта и тогдашнему директору его Московского отделения д-ру Райнхарду Крумму: их вклад заключался в оплате проезда и проживания наших монгольских коллег и расходов на издание самого сборника. Третье же слово адресуется хозяйке послужившей нам домом прекрасной гостиницы «Суздаль-Inn» Марине Михайловне Большаковой, особо привечающей (в том числе и скидками) участников выездных научных мероприятий, и всем работникам этой гостиницы, радушно нас встретивших и обеспечивших комфортными условиями для работы и отдыха.

## ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ БЕЗОПАСНОСТИ: ДЕФИНИЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ

*Сергей Панарин, Айгуль Есимова*

Можно объясняться с теми, кто говорит на другом языке, но не с теми, кто в те же слова вкладывает совсем другой смысл.

*Жан Ростан*

Состояние безопасности в том или ином обществе напрямую зависит от происходящих в нём процессов, социальный эффект которых с каждой эпохой в возрастающей степени определяется самой скоростью их протекания. Ныне эта скорость столь возросла, что, по мнению Зигмунта Баумана, которое мы во многом разделяем, человечество вступило в период текучей современности. В условиях постоянно изменчивой, постоянно не консолидированной современности «объём безопасности быстро сокращается, в то время как объём индивидуальных обязанностей (номинальных, если не осуществляемых практически) растёт в масштабах, беспрецедентных для послевоенных поколений»<sup>1</sup>. Под воздействием «широкого набора конструктивных из-

---

<sup>1</sup> *Бауман, З.* Текучая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. С. 183.



менений, относящихся к категории текущей современности», и индивиды, и сообщества оказываются в состоянии, определяемом Бауманом как «новое одиночество». И одним из характерных признаков этого состояния, равно как и одной из его важнейших причин является фактический отказ государства — скорее неявный, чем открытый, но от того отнюдь не малозначимый для жизни — «от всех главных аксессуаров роли основного (возможно, даже монопольного) поставщика уверенности и безопасности»<sup>1</sup>.

Развивавшиеся в лоне государства, им инициировавшиеся, корректировавшиеся, усложнявшиеся институты обеспечения безопасности при всём сходстве их номенклатуры и структуры по всему миру отнюдь не были отделены непреодолимой стеной от тех культурных миров, в которых они создавались. В том числе они неизбежно подпадали под влияние специфических культур безопасности, различавшихся, — когда в большом, когда в малом, — от страны к стране, от региона к региону, от континента к континенту. Это влияние сохранялось и раньше — под нивелирующим давлением повсеместно единообразно формализованных государственных институтов обеспечения безопасности. С тех же пор, как государство становится скорее номинальным, чем реальным «поставщиком уверенности и безопасности» культуры безопасности обретают ещё большую значимость, а их изучение становится одним из важных направлений исследований не только для политической науки, но и для социальной и культурной антропологии.

Моника Гэриап, акцентируя внимание на проблемах европейской культуры безопасности, подчеркивает, что в строительстве этой культуры важную роль играют язык и дискурс<sup>2</sup>, используемые в ней слова являются своеобразными показателями её личности. Своей умеренностью это признание роли слова в культуре контрастирует со многими известными высказываниями, куда более яркими. Демокрит говорил: «Слово — тень дела»; спустя полтора тысячелетия русский поэт, утверждал, что в древности слово и было делом («солнце останавливали словом, / словом разрушали города»), а вот в его время слова, увы, умерли и «дур-

---

<sup>1</sup> Бауман, З. Указ соч. С. 198.

<sup>2</sup> См.: Gariup, Monica. European Security Culture: Language, Theory and Policy. Farnham: Ashgate, 2009.

но пахнут». В XVII веке Паскаль утверждал, что «мысль меняется в зависимости от слов, которые её выражают»; в конце XX египетский социолог Хасан Ханафи с горечью констатировал, что в его стране «слова стали полем псевдодеятельности, на котором возводят псевдосооружения и где существуют псевдореалии»<sup>1</sup>. Наконец, Ролан Барт однажды воскликнул: «Слово — это жизнь!». Отбросим, однако, все эти суждения, как образные, метафорические, поэтические и потому не заслуживающие учёного внимания; ограничимся конвенциональной банальностью: слова и их смысл представляют собой часть той культуры, — неважно, этнической ли, национальной или же «отраслевой», то есть развивающейся в пределах определённых видов деятельности, — в которой эти слова функционируют.

Язык уникален. Он конструирует социальную реальность; насколько структурирован текст, настолько структурирован мир; «мысли, которые конструируют институциональные факты, зависят от языка»<sup>2</sup>. Язык служит информационным кодом, расшифровка которого позволяет составить представление о людях, на нём говорящих. Языковое разнообразие, проявляющееся при выработке, использовании и эволюции того или иного понятия, свидетельствует о значимости для общества, разделяющего данную культуру, определяемого этим понятием явления / объекта. В самом деле, средневековые арабские лексикографы могли подобрать тысячу синонимов для слова «верблюд»<sup>3</sup>; жители аридных зон различают и обозначают куда больше оттенков коричневого, чем жители районов повышенного увлажнения; а в словаре практикующих подсечно-огневое земледелие хануда на Филиппинах имеется свыше 1600 слов для обозначения типов растений — на 400 больше, чем

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Васильев А.М.* Египет и египтяне. М.: Наука, 1986. С. 243.

<sup>2</sup> *Serl, Дж. Р.* Конструирование социальной реальности / Реферативный перевод с английского А. Романовой / Русский Гуманитарный Интернет Университет. Библиотека учебной и научной литературы. 1999. Доступно на: [http://sbiblio.com/biblio/archive/serl\\_social\\_reality\\_creation/](http://sbiblio.com/biblio/archive/serl_social_reality_creation/), последнее посещение 15.04.2012.

<sup>3</sup> *Нелюбин Л.Л.* Арабская лингвистическая традиция // История развития языкознания. Языкознание в Древнем мире, в Средние века, в эпоху Возрождения, Новое время и сейчас. Доступно на: [http://langhist.ru/lh/Lev-Lvovich-Nelyubin\\_Istoriya-nauki-o-yazyke/11.shtml](http://langhist.ru/lh/Lev-Lvovich-Nelyubin_Istoriya-nauki-o-yazyke/11.shtml), последнее посещение 07.04.2012.

у западных учёных-ботаников для классификации того же самого набора растений<sup>1</sup>.

Сказанное относится и к языку культур безопасности, и к ключевому во всех этих культурах понятию «безопасность».

## I

В современном обществе, а значит, и в языке, безопасность имеет различные виды. И в каждом языке эти виды имеют свою степень распространения.

С помощью функционирующей с 1997 года крупнейшей многоязычной поисковой системы Google<sup>2</sup> нами предпринята попытка сравнить особенности употребления слова «безопасность» в трёх индоевропейских языках: русском, английском, немецком. Для этого в поисковой строке были последовательно набраны слова «безопасность», “security” и “Sicherheit”. Полученные результаты означают, что на дату поиска, 22 октября 2011 года, в базе данных Google было размещено именно столько прошедших индексирование электронных записей с каждым из этих слов, сколько указано в табл. 1.

Как видим, наибольшее количество результатов дал набор слова “security”. Это не удивительно: английский — международный язык, чем и объясняется его резкий — по сути, на порядок — отрыв по количеству результатов от немецкого и русского. Также бросается в глаза, что, в зависимости от языковой принадлежности, виды безопасности ранжируются по-разному. В русском и английском языке наиболее «популярной», то есть чаще других упоминаемой, является государственная безопасность, тогда как её немецкий аналог оказался на последнем месте, лидирует же в немецкоязычном секторе Интернета международная безопасность. Следует отметить, что в немецком языке, в отличие от русского и английского, вообще нет деления безопасности на

---

<sup>1</sup> *Chambers, Robert*. Rural Development: Putting the Last First. Harlow: Longman, 1983. P. 87, 93–94.

<sup>2</sup> Google — первая по популярности система такого рода, обрабатывает 41 млрд 345 млн запросов в месяц (доля на рынке 62,4%), индексирует более 25 миллиардов веб-страниц, с 15 октября 2009 года может находить информацию на 191 языке (см.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Google>, последнее посещение 14.04.2012).

Таблица 1

**Количество результатов  
в поисковой системе Google (на 22.10.2011)**

<b>Русский язык</b>	google.ru	<b>Английский</b>	google.com
<i>Безопасность</i> , всего	103 000 000	<i>Security</i> , всего	2 360 000 000
в том числе распределение по видам и ранги видов:			
Государственная безо- пасность (1)	35 500 000	State Security (1)	767 000 000
Международная (2)	6 910 000	International (6)	104 000 000
Индивидуальная (3)	6 530 000	Individual (5)	160 000 000
Глобальная (4)	2 320 000	Global (3)	539 000 000
Региональная (5)	1 590 000	Regional (4)	183 000 000
Личная (6)	1 100 000	Personal (7)	94 700 000
Национальная (7)	427 000	National (2)	646 000 000
<b>Немецкий</b>		google.de	
<i>Sicherheit</i> , всего		169 000 000	
в том числе распределение по видам и ранги видов:			
Staatssicherheit (6)		847 000	
Internationale (1)		39 700 000	
Individuelle (4)		9 040 000	
Globale (5)		5 440 000	
Regionale (3)		19 600 000	
Persönliche (2)		29 500 000	
Staatssicherheit		-	

государственную и национальную: обе обозначаются одним и тем же словом “Staatssicherheit”. Далее в тройку наиболее употребляемых слов вошли: в английском языке — определения безопасности в качестве национальной (“National Security”) и глобальной (“Global”), в немецком языке — в качестве личной (“Persönliche”) и региональной (“Regionale Sicherheit”), а в русском — как «международной» и «индивидуальной».

Далеко не все различия в рангах — следствия несовпадения реальных приоритетов людей, пользующихся в Интернете разными языками. Например, если в англоязычном Интернете личная безопасность

попадает на последнее место, в русскоязычном — на предпоследнее, а в немецкоязычном — на второе, то различия между разными языками в присущих им коннотациях определения «личная» сказываются на ранжировании едва ли не сильнее, чем сами предпочтения пользователей. Видимо, на несовпадения рангов заметно влияет и неполное тождество передачи разными языками различий в оттенках значений таких близких определений безопасности, как «индивидуальная» и «личная», «государственная» и «национальная», «международная» и «глобальная». И, конечно, не стоит забывать о различиях в степени распространённости русского и немецкого языков, с одной стороны, английского — с другой. Будучи в своей ипостаси языка мирового общения наиболее востребованным из всех крупных языков и в то же время — государственным и литературным языком не одной, а нескольких крупных стран, английский язык как бы впитывает в себя, усредняет в себе, отчасти даже нивелирует оттенки значений таких международных по употреблению терминов, как «безопасность». Это мешает проявлению в англоязычном Интернете выраженных особенностей английской, американской, канадской и т.д. культур безопасности. Русский и немецкий языки менее глобальны, лучше, если можно так выразиться, индивидуализированы, и поэтому при их сравнении больше шансов выделить именно те различия и совпадения в смыслах дефиниции «безопасность», которые обусловлены культурно и исторически.

Так, с большой долей уверенности можно предположить: то, что в русском Интернете государственная безопасность оказалась на первом месте, а в немецком — на последнем, объясняется разной степенью деэтактизации сознания двух народов. А куда большее, чем в российском Интернете, внимание к региональной безопасности в Интернете немецком — формированием у граждан Германии в рамках ЕС общеевропейской идентичности. В то же время представляется, что языковая нерасчленённость государственной и национальной безопасности в немецком Интернете и слабое их размежевание в Интернете русском — из-за чего, собственно, отдельное представление о национальной безопасности всплывает в нём сравнительно редко, — следствия определённого сходства в историческом опыте двух стран. Германия в лице Пруссии дала образец бюрократического «регулярного» государства, подавлявшего, или, как минимум, затмевавшего в сознании обще-

ство («нацию»), в России же неоднократно предпринимались более или менее успешные попытки воспроизвести этот образец<sup>1</sup>.

В послевоенном политическом устройстве Германии прусское наследие в основном было преодолено, но в языке оно инерционно живёт. В постсоветской России с её засильем бюрократии государство по-прежнему доминирует над обществом. Кроме того, с советских времён слово «национальный» у многих российских граждан ассоциируется с представлением об этнической принадлежности. Тем не менее, после того, как современные информационные технологии позволили многим россиянам познакомиться с отличающимся от унаследованным из СССР смыслом слова «национальность», его понимание как со-гражданства распространяется всё шире. Об этом свидетельствуют приводимые ниже определения из русской Википедии<sup>2</sup>: в них хорошо видны различия между терминами «государственная» и «национальная» безопасность.

<i>Национальная безопасность — понятие, характеризующее уровень защищённости и меры по обеспечению защиты отдельно взятой нации от внешних и внутренних угроз.</i>	<i>Государственная безопасность — одна из составляющих национальной безопасности, понятие, характеризующее уровень защищённости государства от внешних и внутренних угроз.</i>
--	--

Посмотрим заодно определения безопасности как таковой в немецкой и английской Википедии. В немецкой термин «безопасность» трактуется следующим образом<sup>3</sup>:

<i>Sicherheit bezeichnet einen Zustand, der frei von unvermeidbaren Risiken der Beeinträchtigung ist oder als gefahrlos angesehen wird.</i>	<i>Безопасность обозначает состояние, свободное от неприемлемого риска, чреватого ущербом, либо такое, которое рассматривается как безопасное.</i>
---	--

<sup>1</sup> См. в этой связи: *Андерсон, Перри*. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010. С. 221–259; *Нефёдов С.А.* История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. М.: Территория будущего, 2011.

<sup>2</sup> Википедия — самый популярный информационно-справочный портал. На нём каждый может дать определение чему угодно или исправить уже вышешенное определение; но именно эта анонимность и изменчивость и обеспечивают передачу некоего усреднённого, «всеобщего» представления о содержании понятия.

<sup>3</sup> См.: <http://de.wikipedia.org/wiki/Sicherheit>, last visited on 23.10.2011.

Стоит вспомнить интерпретацию известным польским лингвистом Анной Вежбицкой значения концепта “Angst” («страх») в немецкой культуре. Приблизительно соответствуя словам со значением «страх» в других языках, он в то же время антонимически связан с понятием “Ordnung” (порядок). А тот подразумевает состояния, передаваемые понятиями “Sicherheit: — «безопасность, приобретаемая в уверенности» и “Geborgenheit” — «укрытость» или «нахождение там, где чувствуешь себя защищенным»<sup>1</sup>. В сходном ключе рассуждают о содержании и взаимосвязи Sicherheit, Ordnung и Angst Х. Просс, Б. Нусс и М. Матуссек<sup>2</sup>.

В английском языке слово “security” фиксируется, начиная с XV века. Происходит оно от латинского слова «securus», означающего «беззаботный, беспечный; безопасный»; а то, в свою очередь, образовано посредством присоединения отрицательно-привативного префикса «se-» к основе «cura» — «забота, попечение», которая восходит к праиндоевропейскому \*kois- «забота»<sup>3</sup>. Определение же безопасности в английской Википедии гласит<sup>4</sup>:

<p><i>Security is the degree of protection against danger, damage, loss, and crime. Security as a form of protection are structures and processes that provide or improve security as a condition.</i></p>	<p><i>Безопасность — это степень защищённости от угроз, убытков, урона и преступлений. Как форма защиты безопасность представляет собой совокупность структур и процессов, обеспечивающих или улучшающих безопасность как состояние.</i></p>
--	--

Наконец, в русской Википедии фигурируют целых семь определений безопасности без разделения её на виды. Самое краткое из них, заимствованное из Концепции национальной безопасности<sup>5</sup> и обретшее

<sup>1</sup> См.: Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 601–602. Изложено по: Карасик В.И. Культурные доминанты в языке. Электронная версия доступна на: <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>, последнее посещение 22.10.2011.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Медведева Т.С. Концепт Sicherheit в немецкой лингвокультуре // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и философия, 2011. Вып. 2.

<sup>3</sup> Источник: <http://ru.wiktionary.org/wiki/seguridad>, последнее посещение 22.10.2011.

<sup>4</sup> См.: <http://en.wikipedia.org/wiki/Security>, последнее посещение 23.10.2011.

<sup>5</sup> Принятая в 1997 году, она была подвергнута значительной редакции в 2000 году, но определение безопасности осталось в ней неизменным. Текст

силу Государственного стандарта (sic!) сообщает нам, что безопасность — это «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»<sup>1</sup>. Согласно же популярному словарю С. И. Ожегова безопасность — *это состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности*; синонимами этого слова в русском языке являются слова «надёжность», «защищённость», «устойчивость», «сохранность», «безобидность», «безвредность»<sup>2</sup>.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и в определении национальной безопасности в русской Википедии, и в определении безопасности в Википедии английской обязательно присутствует, с одной стороны, отождествление безопасности с защитой или защищённостью, с другой, некая мера этой защищённости — уровень или степень. В немецком определении нет указания на меру, но отождествление с защищённостью в неявной форме присутствует, поскольку словосочетание “unvertretbaren Risiken” означает риск не только неприемлемый или неоправданный, но и риск чрезвычайно высокий, такой, от которого не просто **защититься**<sup>3</sup>.

## II

Посмотрим теперь, к каким языковым средам более всего тяготеет слово «безопасность». Для этого лучше всего подходят национальные языковые корпуса — информационно-справочные системы, включающие в себя все типы письменных и устных текстов с различными аннотациями, созданные для научных исследований по вопросам развития языка. Из данных Британского национального корпуса следует, что в охватываемый им период данная дефиниция наиболее часто употреблялась в категориях использования, описываемых в табл. 2 как исполь-

---

первой редакции см. в «Российской газете» от 26 декабря 1997 года, второй — в «Независимом военном обозрении» от 14 января 2000 года.

<sup>1</sup> См.: [ru.wikipedia.org/wiki/Безопасность](http://ru.wikipedia.org/wiki/Безопасность), последнее посещение 08.04.2012.

<sup>2</sup> См.: Словарь русских синонимов. Электронная версия доступна на: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-2915.htm>, последнее посещение 23.10.2011.

<sup>3</sup> Это видно по переводам данного словосочетания, взятого в разных контекстах, на английский язык. См., например: <http://www.linguee.com/german-english/translation/unvertretbare+risiken.html>, last visited on 15.04.2012.



зование «неакадемическое», «разное» и «в газетах». «Газетное» использование не нуждается в пояснениях. Категория «разное» составлена из подкатегорий, обозначающих множество разнородных видов деятельности, по ходу которых может возникнуть необходимость в употреблении слова. Сложнее с «неакадемическим» использованием: судя по его подкатегориям, это определение означает словоупотребление не столько людьми, находящимися вне сферы науки и образования, сколько теми, кто, вполне пребывая в этих сферах, решает в них практические задачи и говорит на соответствующем языке. Что касается «академического» использования, то под ним подразумевается употребление “security” в теоретическом дискурсе, и в этом случае чаще всего оно встречается в юриспруденции и социальных науках.

Таблица 2

**Использование слова “security” в разных разделах Британского национального корпуса, 1980 — 1993 годы**

<i>Разделы корпуса</i>							
Встречаемость в разделе:	Разговорная речь	Худож. лит-ра	Журналы	Газеты	Неакадемический текст	Академический текст	Разное
всего употреблений	499	826	680	2199	4518	2033	2920
употреблений на 1 млн слов раздела	50,08	51,92	93,64	210,10	273,90	132,60	140,15
<i>Подразделы раздела «Академический текст»</i>							
Встречаемость в подразделе:	Юриспруденция	Медицина	Гуманитарные науки	Естественные науки	Социальные науки	Технические науки	
всего употреблений	1087	29	242	2	652	21	
употреблений на 1 млн слов подраздела	235,53	20,53	73,42	1,81	154,34	30,95	

Источник: <http://corpus.byu.edu/bnc/>

Данные Корпуса современного американского английского языка показывают, что чаще всего слово употреблялось в разговорной речи, заметно меньше — в художественной литературе и в журналах (табл. 3). По времени пик его популярности пришелся на 2000 — 2004 годы, что неудивительно, если вспомнить о террористической атаке на США 11 сентября 2001 года. Видно также, что в научно-теоретической языковой среде слово “security” наиболее часто использовалось в юридической и политической науке и в истории.

Таблица 3

**Использование слова “security” в разных разделах Корпуса  
современного американского английского языка в целом  
и по годам, 1990–2011 годы**

<i>Разделы корпуса</i>						<i>Годы</i>				
Встречаемость в разделе:	Разговорная речь	Худож. лит-ра	Журналы	Газеты	Академический текст	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2009	2010–2011
всего употреблений	28711	6501	13140	20306	19027	17430	15992	26172	22454	5637
употреблений на 1 млн слов раздела	318,78	76,51	145,53	234,29	221,78	167,60	154,59	254,24	220,08	222,18
<i>Подразделы раздела «Академический текст»</i>										
Встречаемость в подразделе:	История	Образование	География / социальные науки	Юриспруденция / политические науки	Гуманитарные науки	Философия / религия	Естественные / технич. науки	Медицина	Разное	
всего употреблений	73334	438	1918	5315	375	620	2317	374	279	
употреблений на 1 млн. слов подраздела	621,95	54,54	212,53	624,21	33,75	93,10	173,39	65,45	70,75	

Источник: <http://corpus.byu.edu/coca/>

Вернёмся к русскому языку. Для выявления дискурса безопасности из содержания его определений нами были выбраны основные подходящие дефиниции, затем по словарю О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова прослежена частота их употребления и её динамика во времени.

Таблица 4

**Частота употребления дефиниции «безопасность» и связанных с ней слов в художественной литературе и публицистике (по двадцатилетиям)**

Лемма	Употреблений на 1 млн слов	Художественная литература			Публицистика		
		1950–1960	1970–1980	1990–2000	1950–1960	1970–1980	1990–2000
Безопасность	137,1	37,2	19,6	47,7	34,1	37,4	193,3
Охрана	90,9	54,2	37,7	73,8	72,6	100,2	91,4
Оборона	79,6	37,9	24,9	22,1	44,5	105,7	136,7
Угроза	74,5	32,6	33,9	46,9	34,1	64,9	106,4
Опасность	68,4	84,7	54,0	53,7	62,3	87,3	75,4
Уверенность	46,3	46,4	42,3	41,4	31,1	68,2	50,2
Спокойствие	20,4	32,6	29,8	21,9	20,8	34,9	18,7
Самосохранение	4,6	2,5	3,5	5,6	1,5	5,5	5,2
Защищённость	3,5	0,0	0,0	1,3	0,0	2,2	4,0

Составлено по: *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.

К концу XX века и в художественной, и в публицистической литературе снизилось употребление слова «спокойствие» и, напротив, увеличилось использование слов «безопасность», «охрана», «угроза», «самосохранение» и «защищённость». Учитывая же, что чаще читают публицистику, происходящие в ней изменения в словоупотреблении представляются наиболее интересными (см. рис. 1, 2). В динамике здесь явный лидер — слово «безопасность»: в 1950–1960-е годы оно делило 4/5-е место со словом «угроза», а в 1990–2000-е годы заняло первое место. Частота его употребления выросла за полвека в почти в 6 раз! Также наблюдалось увеличение использования слов «оборона» (в 4 раза) и «угроза» (в 3 раза), появилась дефиниция «защищённость»,

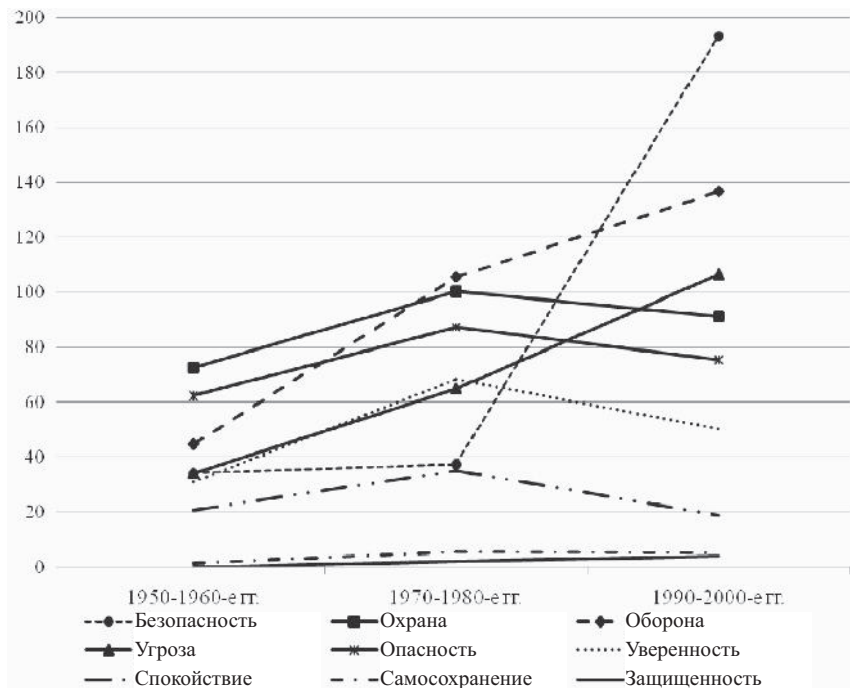


Рис. 1. Частотные показатели в публицистике. Источник: таблица 4

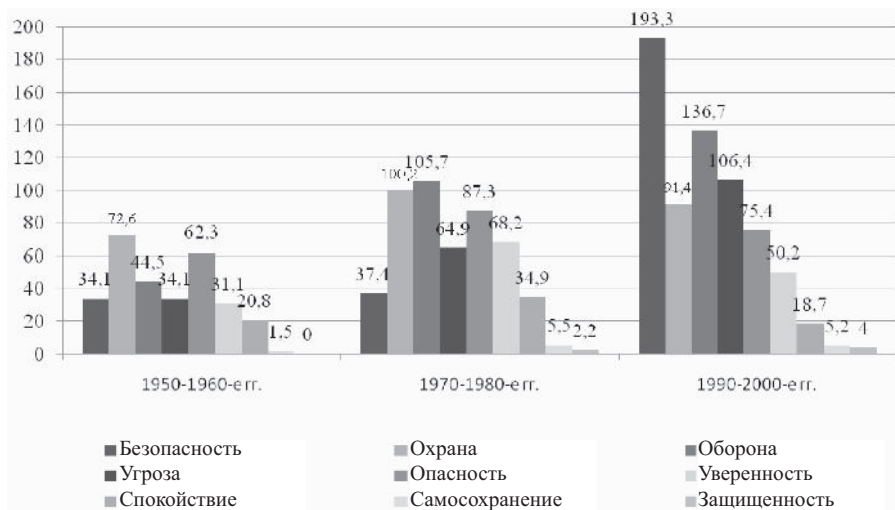


Рис. 2. Частотные показатели в публицистике. Источник: таблица 4

в 3,5 раза выросла частота использования слова «самосохранение». По остальным словам из лексикона безопасности наблюдалось снижение частоты.

Материалы Национального корпуса русского языка позволили проследить степень популярности дефиниций «безопасность», «спокойствие» и «защита» за более длительный период времени — с 1900 по 2010 год (рис. 3). В этой триаде вплоть до середины 1980-х годов, то есть до начала перестройки, практически непрерывно первенствовало по частоте употребления слово «спокойствие». Было только два кратковременных исключения из данного правила: в 1950 году лидерство ненадолго перешло к слову «безопасность», в 1970 — к слову «защита». С начала 1990-х годов прослеживается тенденция к сокращению употребления «спокойствия», и происходит это на фоне хорошо заметного всплеска употреблений «защиты» и просто головокружительного роста популярности «безопасности». По этому показателю динамика частотности «безопасности» в русском языке в последнее двадцатилетие заметно отличается от намного более спокойной, сглаженной динамики употребления “security” в американском английском. На наш взгляд, главная причина этого различия заключается в том, что граждане США,

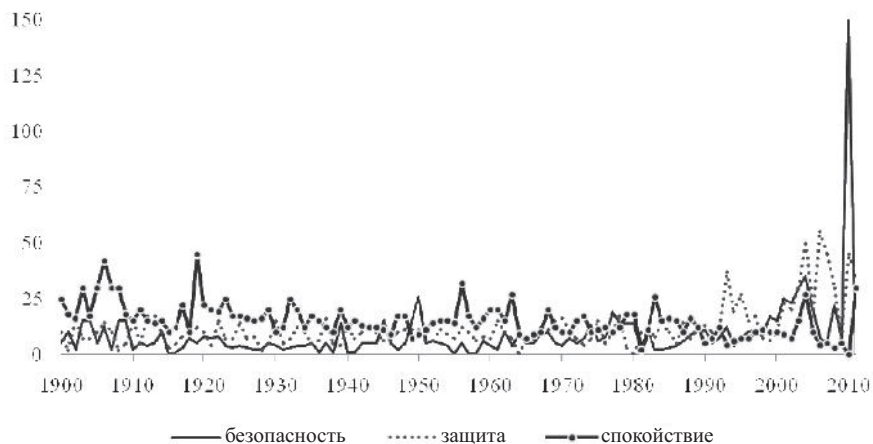


Рис. 3. Распределение слов по годам, 1900–2010 годы, частота на миллион словоформ.

Источник: Национальный корпус русского языка. Электронная версия доступна на: <http://search.ruscorpora.ru/ngram.xml?mode=main&t1=...0>

несмотря на сильнейшее потрясение национального сознания терактом 11 сентября 2001 года, в целом продолжали жить в социально-политических условиях, не отличавшихся кардинальным образом от более раннего периода. В России эти условия изменились круто, для большинства — внезапно, а одним из важнейших компонентов изменений стала утрата её жителями былой патерналистской защиты со стороны государства, гарантировавшей им при условии политического конформизма.

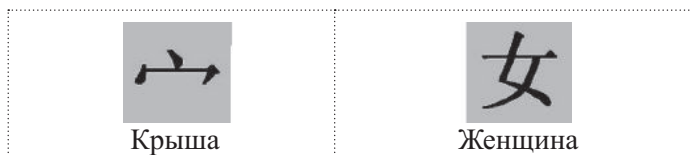
### III

Не вызывает сомнений, что восточные языки, как и европейские, влияют на формирование культур безопасности. Не имея, как и в случае с европейскими языками, возможности охватить все восточные языки, ограничимся примерами, почёрпнутыми только из двух — китайского и японского.

Рассмотрим сначала этимологию слова «безопасность» в китайском языке.

Одно из изречений Конфуция звучит так: «Когда не знаешь слов, нечем познавать людей». В отличие от английского или русского, в китайском языке у каждого слова есть своя уникальная изобразительная форма — свой иероглиф. И, как точно отметила переводчик О.М. Городецкая, «китайский иероглиф — это структурная клеточка китайского мировоззрения, в своём микрообъёме равная целому»<sup>1</sup>.

Слово безопасность обозначается сочетанием иероглифов 安全 и в официальной транскрипции китайских имён и названий *пиньинь* пишется как ānquán<sup>2</sup>. Первый иероглиф 安 (ān) «ань» означает: 1) покой, отдых; здоровье, благополучие; 2) мир, покой, безопасность; 3) спокойствие, порядок<sup>3</sup>. В свою очередь, он состоит из двух частей:



<sup>1</sup> Городецкая О.М. Поэтика иероглифа (размышления переводчика). Электронная версия доступна на: <http://baruchim.narod.ru/Gorodetskaya.html>, последнее посещение: 23.10.2011.

<sup>2</sup> См.: <http://slovarium.ru/dic.php?wd=%E1&ln=zh&pg=3&ino>.

<sup>3</sup> См.: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%E7%AB%8B%E5%AE%89>.

Если соединить значения этих частей, то получится «женщина под крышей» или «женщина в доме». «Женщина слабее мужчины, поэтому она нуждается в защите. Считалось, что когда женщина в доме, значит она в безопасности, и всё благополучно и спокойно»<sup>1</sup>. Соответственно, наилучший перевод этого иероглифа — «спокойствие» или «благополучие».

Второй иероглиф 全 (quán) переводится как «полностью», «весь», «целиком». Таким образом, в китайском языке значение иероглифического аналога слов «безопасность», “security” и “Sicherheit” образуется сложением двух идеограмм: «спокойствие» + «весь, полностью» = *полное спокойствие*. Однако такой смысл необязательно предполагает тождественность безопасности неизменности. По крайней мере, на уровне философского сознания в китайской культуре не ставился знак равенства между безопасностью и вековой стабильностью. В частности, в одном из трёх основополагающих текстов даосизма направления «цюаньчжэнь», в трактате о чистоте и спокойствии «Цин цзин цзин», есть такой стих<sup>2</sup>:

«Дао-путь  
Бывает чистым, бывает грязным.  
Бывает подвижным, бывает спокойным.  
Подвижное — основа спокойного».

В японском языке безопасность представлена теми же иероглифами, что и в китайском: 安全 [あんぜん] [ан’дзэн’]<sup>3</sup>. И переводятся они сходным образом: 安 — «спокойствие», 全 — «весь». Иероглифы 安全性 [あんぜんせい] [ан’дзэн’сэи] означают непосредственно «безопасность»: здесь к двум первым символам прибавляется символ 性, означающий «характер». Сочетание же 安危 [あんき] [ан’ки] означает «судьба», «безопасность», «благополучие». Если его «разобрать», то получается 安 — «спокойствие» и 危 — «опасность». Есть ещё и сочетание 安否 [あんぴ] [ан’пи], где иероглиф 否 — это слово «отрицать»; в переводе данное сочетание также означает «безопасность», но кроме того имеет значения «судьба», «положение», «самочувствие».

<sup>1</sup> См.: <http://www.epochtimes.com.ua/ru/china/learn-chinese/udyvyteln-e-ky-tajskye-yeroglyf-blagopoluchye-85581.html>, последнее посещение 12.10.2011.

<sup>2</sup> Перевод Олега Бойко. Доступно на: [http://daolao.ru/qjj/qjj\\_boik.htm](http://daolao.ru/qjj/qjj_boik.htm), последнее посещение 23.10.2011.

<sup>3</sup> Слова с сайта <http://www.yakusu.ru/index.php>., последнее посещение 24.10.2011.

## IV

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на языковые оттенки, в трёх рассмотренных нами индоевропейских языках прослеживается общая содержательная особенность дефиниции «безопасность». По нашему мнению, она заключается в том, что один из главных, — если не самый главный, — смысл этой дефиниции не только для массового, но и для политического сознания заключается в представлении о защищённости / защите от угроз. Этимология понятия «безопасность» в двух восточноазиатских языках иероглифической письменности зримо выводит нас к представлению о ней как о состоянии спокойствия. Конечно, и в китайских и японских иероглифах фигурирует символ защиты — схематический рисунок крыши дома, а в латинском языке, оказавшем мощное воздействие на языки европейские, мы в исходном, начальном значении *secures* обнаруживаем представление об отсутствии заботы, которого легко можно уравнивать с состоянием спокойствия. Но при высокой этимологической и семантической близости всё же сохраняется различие в акцентах, в том ударении, которое каждый раз ставится языком при произнесении слова «безопасность». В Европе это ударение падает на положение субъекта относительно среды, что предполагает некоторое **действие** самого субъекта или какого-то института, в Восточной Азии — на его внутреннее самоощущение, вытекающее из некоего **состояния**.



## БЕЗОПАСНОСТЬ В ЯЗЫКЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ МОНГОЛОВ

*Тудэв Батбаяр*

По образованию и основной специализации я филолог, заниматься проблемами безопасности мне до сих пор не доводилось. В области политической науки в Монголии имеется немалое число работ, в большей или меньшей степени касающихся различных аспектов национальной и международной безопасности<sup>1</sup>. Более того, печатные и электронные тексты, посвящённые безопасности Монголии и её концептуализации, имеются и на других языках, например, на русском и английском<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См., например: *Болд Р.* Монголын аюулгүй байдлын орчин, батлан хамгаалах бодлогын зарим асуудалд (Состояние безопасности и некоторые проблемы оборонной политики Монголии). Улан-Батор, 1996; *Баабар Б.* Одоогийн Монголын гадаад бодлого, геополитикийн сонирхол (Внешняя политика и геополитические интересы современной Монголии) // Ардын эрх, 19.03.1998; *Алтанцэцэг Н.* 90-өөнд оноос хойшхи үеийн Орос-Монгол, Хятад-Монголын харилцаа // Олон улсын харилцан, 2002. № 2. (Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения после 90-х гг. // Международные отношения, 2002. № 2).

<sup>2</sup> См., например: *Эрдэнэбат Б.* Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки // Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сб. ст. М.: Российский институт стратегических исследований, 1998;

Однако ни среди первых, ни среди вторых мне не удалось обнаружить такие, в которых рассматривалось бы культурно и исторически обусловленное понимание безопасности монголами. Да и сама лексема «безопасность» как таковая, её этимология и значения в монгольском языке, исторически появившиеся коннотации, судя по всему, не привлекали специального внимания монгольских политологов. Это даёт мне основания надеяться, что предлагаемый текст, несмотря на его краткость и неполноту — неизбежные следствия первого опыта автора в непривычной для него сфере — всё-таки может оказаться полезным и для ветеранов, и для новичков научных дискуссий о безопасности.

## I

В современном монгольском языке понятие «безопасность» передаётся словосочетанием *аюулгүй байдал* — весьма распространённым и широко используемым в качестве термина с довольно чётко очерченным значением.

Рассмотрим поочерёдно каждую из двух лексических составляющих этого термина.

Прилагательное *аюулгүй* так же, как и термин в целом, «сложено» из двух частей. Его первая, главная смысловая, часть *аюул* является производной от глагола *ай*, имеющего следующие основные значения: «испугаться»; «растеряться»; «беспокоиться из-за какого-либо явления, опас-

---

*Грайворонский В.В.* Новая концепция национальной безопасности Монголии и России // Там же; *Отгонбаяр Ё.* Становление и основные тенденции формирования концепции безопасности малых стран. Автореф. канд. дис. М., 2003; *Авирмед Б.* Монголия в поисках стратегии безопасности // *Обозреватель*, 2007. № 12; *Цыренова Т.* Экологические аспекты концепции национальной безопасности Российской Федерации и Монголии // *Власть*, 2011. № 2; *Enkhsaikhan J.* Mongolia's Security Policy: Regional and International Aspects // *The Mongol Messenger*, 14 July 1995; *Bold, R.* The Security of Small State: Option for Mongolia. Ulaanbaatar: The Institute for Strategic Studies, 2000; *Rupen R.* Mongols of the 21st Century // *Geopolitical Relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. Chinese Culture University, Taiwan, 2004; *Dorjjugder M.-O.* Same Rules, New Dimensions for Mongolia's National Security: Adapting to the New Geo-Economic Environment // *Brookings Northeast Asia Commentary*, 2009. Vol. 10. No. 32. Available at: [http://www.brookings.edu/opinions/2009/10\\_mongolia\\_dorjjugder.aspx](http://www.brookings.edu/opinions/2009/10_mongolia_dorjjugder.aspx), last visited on 06.05.2012.

ности, несчастья». При помощи окончания -л этот глагол преобразуется в отглагольное существительное *аюул*, передающее представление об угрозе и/или опасности, которая может привести к какой-то беде, какому-то несчастью<sup>1</sup>. В свою очередь, с послелогом *-тай* данное существительное образует прилагательное *аюултай*, переводимое на русский язык словами «опасный», «устрашающий», «вредный», «рискованный», «катастрофический» и т.п.<sup>2</sup> Вторая часть прилагательного *аюулгүй* образована от слова *үгүй*, признаваемого в монгольском языке самостоятельным, но в языке современном теряющего собственное значение: начав писаться слитно с предыдущим словом, оно обрело функцию отрицания. Конкретно с *аюул* оно образует прилагательное с прямо противоположным *аюултай* значением отсутствия опасности, испуга, беспокойства. В литературном языке им передаются такие определения, как «безопасный», «неопасный» (например, *аюулгүй амьтан* — «неопасный зверь»), «не приносящий вреда» (*аюулгүй байх*), «не таящий опасности», в переносном значении — «мирно настроенный», «хороший».

Существительное *байдал* имеет следующие лексические значения.

1. Вид, наружность; внешний облик; образ (мышления, явлений природы и т.д.). Например: *Газрын байдал дүр нь улмаар зэрлэгшээд байлаа.* — Вид местности становился всё более диким; *Эртний тэр хэрмийн дүр байдал манай ар нутгийн хуучин балгасны эвдэрсэн хэрэмтэй ив ижил байв* (Б. Ринчин. Бэр цэцэг). — Облик тех древних стен казался мне очень похожим на наши разрушенные древние стены.

2. Внутреннее состояние; состояние, положение того времени, в какое-то время. Например: *Би тэр үеийн байдал, ялангуяа багишийнхаа тухай их боддог юм* (С. Лочин. Сэтгэлийн өнгө). — Я часто вспоминаю те времена, а особенно своего учителя<sup>3</sup>.

Когда существительное *байдал* входит в устойчивые фразеологические выражения, оно при переводе на русский язык редуцируется

<sup>1</sup> Кручкин Ю. Большой современный русско-монгольский — монгольско-русский словарь = Орос-монгол — монгол-орос орчин үеийн хэлний дэлгэрэнгүй толь бичиг. М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. С. 620.

<sup>2</sup> См.: Аюултай // Словари русского языка. Монгольско-русский. Электронная версия доступна на: <http://www.jiport.com/?sname=mggu>, последнее посещение 05.05.2012.

<sup>3</sup> Монголын нэвтэрхий толь. Улаанбаатар, 2001. Х. 235.

в суффикс -ость. И тут ярким примером как раз и является фразеологизм *аюулг үй байдал*, смысл которого на русском передаётся одним словом — «безопасность».

## II

Термин «безопасность» в его современном политическом значении пришёл в Монголию в XX веке, фактически как калька с русского языка. Однако представление о безопасности имело для монголов жизненно важное значение со времён создания монгольской государственности. На золотых и серебряных *гэрэгэ*<sup>1</sup> Чингисхана выгравировывались три слова, олицетворявшие силу и мощь созданной им империи: «опасайтесь», «восхищайтесь» и «следуйте». Безопасность внутри её границ была заметно выше, чем в других современных ей государствах. Для разобщённых же и ослабленных ханств, которые образовались после распада империи, вопросы безопасности и независимости от минского, затем цинского Китая становятся нераздельными. Даже после обретения Внешней Монголией в 1911 году автономии они сохраняют актуальность, поскольку и в экономическом, и в политическом отношении Монголия вплоть до конца прошлого века оставалась зависимой то от одного, то от другого из её могущественных соседей — Китая и России. В результате в сознании монгольского народа понятие «безопасность» оказалось в значительной степени синонимом понятия «независимость». Отчасти представление о неразрывной связи независимости и безопасности отразилось даже в Концепции национальной безопасности 1994 года, как видно из следующей фразы<sup>2</sup>:

«Жизненно важные национальные интересы Монголии состоят в существовании монгольского народа и его цивилизации, в независимости, суверенитете, территориальной целостности страны, нерушимости государственных границ, относительной экономической независимости, устойчивом экономическом развитии и национальном единстве».

---

<sup>1</sup> В Монгольской империи металлическая пластинка *гэрэгэ* (кит. *пайцза*) была своего рода охранной и верительной грамотой, выдававшейся ханами. Она гарантировала её обладателю безопасность перемещений по всей территории империи (Монголын түүх / Ш. Лувсандорж нар. Боть 1. Улаанбаатар, 2008. X. 140).

<sup>2</sup> Цит. по русскому переводу Концепции национальной безопасности Монголии. Доступно на: [http://asiapacific.narod.ru/analise\\_apr/russia\\_mongolia](http://asiapacific.narod.ru/analise_apr/russia_mongolia), последнее посещение 05.05.2012.

После демократической революции 1991 года Монголия начинает проводить открытую внешнюю политику, благодаря установленным ею в этот период связям с другими странами мира она избавляется от односторонних внешнеполитических ориентаций, ограничивавших её политическую самостоятельность на мировой арене. Как следствие, молодое поколение начинает понимать «безопасность» и «независимость» как отдельные, различающиеся понятия. Фактически молодые люди в Монголии воспринимают сейчас безопасность примерно так же, как и их сверстники в России или Казахстане.

Современное понимание безопасности ещё раньше нашло отражение в монгольском «Юридическом словаре». В нём термин *аюулгүй байдал* трактуется следующим образом (выделение полужирным шрифтом сделано в тексте. — Т. Б.)

**«Аюулгүй байдал** (англ. safety, security, оп. [русск.] безопасность) — обеспечение политической, экономической, социальной устойчивости; беспрекословное соблюдение законов, обеспечение правовой защиты; защита личности, общества и политических интересов, являющихся основой развития международного сотрудничества, от политической, экономической, социальной, военной, экологической, информационной и других внутренних и внешних угроз»<sup>1</sup>.

Это определение отразилось в Концепции Национальной безопасности Монголии, впервые принятой в 1994 году<sup>2</sup> и обновлённой в 2010. Обновления коснулись главным образом характеристики внешних вызовов и внешнего окружения страны, основные идеи концепции, как явствует из интервью с одним из её разработчиков М. Батчимэг<sup>3</sup>, остались без изменения. Содержание Концепции соответствует Конституции Монголии, для её практической реализации были приняты специальные законы «О национальной безопасности» и «О Совете безопасности», а также целый ряд отраслевых законов: «О правилах дорожного движения»,

---

<sup>1</sup> Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1964. Х. 234.

<sup>2</sup> Монгол Улсын үндэсний Аюулгүй байдлын үзэл баримтал. Улан-Батор, 1995. Англиязычную версию см.: The Mongolian Journal of International Affairs, 1995, № 2. Русский перевод, выполненный в Ин-те Дальнего Востока РАН, размещён на: [http://asiapacific.narod.ru/analise\\_apr/russia\\_mongolia/top.htm](http://asiapacific.narod.ru/analise_apr/russia_mongolia/top.htm).

<sup>3</sup> См.: Interview with Batchimeg Migeedorj, National Security Policy Advisor to the President of Mongolia // Mongol Survey, 2011, No. 24. Available at: [http://www.mongoliasociety.org/survey/survey\\_24.pdf](http://www.mongoliasociety.org/survey/survey_24.pdf), last visited on 05.05.2012.

«О безопасности на железнодорожном транспорте», «О пожарной безопасности», «О радиационной безопасности» и т.п.

В соответствии с Концепцией, основным объектом усилий общества и государства по обеспечению безопасности Монголии являются следующие «блоки» безопасности.

1. **Безопасность личности.** Имеются в виду в первую очередь неприкосновенность конституционных прав и свобод человека, обеспечение его личной безопасности, создание необходимых условий для развития его тела и разума, роста его благосостояния.

2. **Безопасность общества.** Она заключается в защите социального устройства и достигается через укрепление демократии и национального единства, посредством активизации созидательных чувств людей, образующих общество, их коллективного разума и коллективной воли.

3. **Безопасность государства.** Она напрямую увязывается с защитой государственного суверенитета, конституционного устройства и отвечающих ему конституционных структур, а также общественных отношений, которые регулируются Конституцией, «Законом о национальной безопасности» и «Законом о Совете безопасности».

Основными гарантами национальной безопасности Концепция объявляет непосредственно народ Монголии и монгольское государство. В то же время в ней подчёркивается чрезвычайная важность для безопасности страны комбинации односторонних, двусторонних и многосторонних мер — вплоть до участия в системе коллективной безопасности, — посредством которых могут быть предотвращены внешние угрозы и тем самым обеспечена военно-политическая безопасность Монголии.

### III

В Концепции национальной безопасности Монголии есть раздел, посвященный безопасности идентичности монголов — их культуры и образа жизни. Исторически одной из важнейших составных частей монгольской идентичности стала буддийская религия. И в её наследии прослеживается собственное оригинальное видение безопасности.

Основы учения Будды кратко могут быть представлены следующим образом<sup>1</sup>:

---

<sup>1</sup> Здесь и далее по: [www.asuu.mn/medleg/tuuu...](http://www.asuu.mn/medleg/tuuu...), последнее посещение 24.03.2012.

«Нүгэл хилэнцийг хэзээ ч бүү үйлд,  
 Буяныг хотол чуулган болгон үйлд,  
 Өрийнхөө сэтгэлийг огоот номхотго —  
 Чингэвээс энэ нь бурханы шашин болно».

(«Откажитесь от всех дурных деяний,  
 Всегда действуйте только во благо,  
 Полностью овладейте своим умом —  
 Вот учение Будды».)

Из вышесказанного явствует, что покой, жизнь без страдания, бозни и стыда, безопасность существования — всё это обусловлено не внешними причинами, а внутренним состоянием человека. Основное послы буддизма к человеку заключается в достижении духовного просветления, правильного речевого выражения мысли и физического покоя. Любое человеческое действие обретает форму через тело, речь и душу и либо приносит реальную пользу и знание (= развитие и прогресс), либо влечёт за собой ошибки и падение (= ослабление и вымирание). Благоприятные результаты достигаются посредством десяти белых благодеяний, дурные — следствия десяти чёрных прегрешений.

В горькой участи человека, во всех встречающихся на его пути бедах и вызываемых бедами страданиях повинны дурные деяния, а их источником является *нисванис* — нравственно нечистые элементы сознания или пять элементов зла: незнание, любовь, гнев, гордость и зависть<sup>1</sup>. Великий реформатор северного буддизма Богда Зонхова (Цзонхава, Цзонкхапа) отмечал в своём знаменитом сочинении *Ламрим чэн-мо* («Великий свод сведений о ступенях Пути»), что первоначальными причинами возникновения Вселенной были деяние и нисванис и что нисванис был важнее деяния, так как без него «собранные деяния состояли из чисел, и как не могут возникнуть растения без влаги и земли, так и не могут возникнуть растения страдания без обстоятельства совместного с нисванисом действия...»<sup>2</sup> Чтобы обрести безопасность, необходимо знать дурные деяния, являющиеся причинами страдания, и их источник, искать и находить пути и способы воздерживаться от

<sup>1</sup> Дандарон, Бидия. Письма о буддийской этике. Письмо 48. Доступно на: [http://www.sunhome.ru/books/b.pisma\\_o\\_buddiyskoy\\_etike/48](http://www.sunhome.ru/books/b.pisma_o_buddiyskoy_etike/48).

<sup>2</sup> Цит. по: [www.asuu.mn/medleg/tuuh...](http://www.asuu.mn/medleg/tuuh...), последнее посещение 24.03.2012.

них и, если следовать этому пути, можно считать, что есть все возможности обеспечить себе и другим безопасность спокойной жизни. Именно об этом гласят «Четыре благородные истины», которые проповедовал Будда: 1) благородная истина страдания; 2) благородная истина о возникновении или происхождении страдания; 3) благородная истина спасения, избавления, свободы от страдания; 4) благородная истина Срединного (восьмеричного) пути к прекращению страдания.

С точки зрения буддийской религии, чтобы жить благополучно и счастливо, человек должен найти во Вселенной четыре «открытые вершины». Это открытая вершина тела, открытая вершина товара, открытая вершина товарищества и открытая вершина творчества<sup>1</sup>. Как понимать эти «вершины» обычному человеку, мирянину? Думается, что подняться на вершины означает для него обрести здоровое тело, чтобы без помех трудиться, не испытывать недостатка в необходимом для жизни имуществе, иметь товарищей, оказывающих поддержку в правом деле, иметь прилежание для того, чтобы в совершенстве закончить любое начатое дело. Кроме того, «открытая вершина» для мирянина — это ещё и осуществление инстинктивного стремления не поддаваться под влиянием других, что на уровне общественного сознания монголов преобразуется в заботу о безопасности буддизма и буддийской культуры. А для высших святых, которые достигли просветления и, созерцая, постигают бытие Вселенной, значение достижения «открытых вершин» заключается в овладении совершенным, просвещённым разумом, в познании Вселенной, в отыскании и указании путей спасения от страданий всех живых существ. Они вырабатывают в себе такие благие намерения, как милосердие и чистосердечность, посвящают себя искоренению алчности, гнева и злобы, уводящих тело, речь и душу в дурную сторону.

Человек, исповедующий буддизм, познаёт свою духовную суть, ищет и находит путь, на котором научается управлять своей душой и смирять её, ставит перед собой подлинно истинную цель — всю свою жизнь посвятить душевному просветлению всех живых существ. В терминах концепции безопасности это может быть интерпретировано как создание внутриличностных условий для обретения спокойствия и безопасности.

---

<sup>1</sup> Цит. по: [www.asuu.mn/medleg/tuuh...](http://www.asuu.mn/medleg/tuuh...), последнее посещение 24.03.2012.



Проповеди Будды, заложившие основу самопознания человека, ориентирующие на достижение идеала свободных от алчности и борьбы органических взаимоотношений людей друг с другом, возвышающие ценности дружбы, товарищества, взаимной поддержки, можно обоснованно называть духовной концепцией безопасности, предназначенной обеспечить безопасность как мира людей, так и мира природы.

### Дискуссия по докладу Т. Батбаяра

**Абашин.** Я, кажется, пропустил важный момент: а это слово, «безопасность», — какое-то исконное, или это всё-таки было придуманное слово? И, если придумано, какой его исток, на что ориентировались?

**Батбаяр.** Безопасность считается научным термином, который перевели на монгольский язык. Но на самом деле это явление, которое существовало в монгольском быту, в монгольской жизни. Только безопасность больше соотносилась с независимостью. Сейчас это уже разные слова, они как бы разошлись. Раньше понимались как синонимы монголами, а сейчас видение этого, уже начиная с 1990-х годов, у молодёжи в какой-то степени начинает меняться. И эти слова сейчас, можно сказать, рассматриваются не как синонимы.

**Панарин.** Грубо говоря, с XVII века по 1990-й год в той или иной степени зависимости от того или иного соседа Монголия находилась постоянно. Соответственно, вот эта коннотация, если я правильно понял Батбаяра, усиливалась, усиливалась и фактически стала синонимичной, по крайней мере, на уровне если не политического сознания, то в размышлениях на тему политики. Честно скажу, я даже как-то не предполагал, что так может быть, — что безопасность может ассоциироваться с независимостью.

**Микульский.** Вот если группа какая-то, скажем, племя или клан, зависит от других, и те в любой момент могут прийти там, ограбить, перебить, лошадей отобрать, верблюдов отобрать и всё — они в опасности постоянной находятся. А если они независимы, то попробуй их достань, правда?

**Батбаяр.** Точно, да. Но это если смотреть на ситуацию внутри, да? А когда учитывается географическое положение — вот Россия, вот Китай, а вот монголы — между двумя державами находятся, всё время опасаются двух держав — в этой ситуации слово «независимость» соответствовало слову «безопасность».

**Попов.** Скажите, пожалуйста, в то время, когда безопасность и независимость были синонимичны, что было объектом этой безопасности-независимости? Это была безопасность-независимость государства или безопасность народа монгольского?

**Галиймаа.** Государства.

**Батбаяр.** Государства.

**Попов.** Государства?

**Батбаяр.** Именно государства, потому что вся угроза исходила от двух держав, от двух соседних государств. Поэтому, хочешь не хочешь, когда в таком состоянии находится человек или же целый народ, у них всё это ассоциируется со словом «независимость».

**Попов.** Так государство или народ всё-таки?

**Батбаяр.** Государство.

**Панарин.** Если можно, я со своей стороны дополню чисто эмпирическими наблюдениями. Я всё-таки в Монголии бывал с 1974 года по 1990 каждый год, а с 2000-го — тоже каждый год, а то и по два раза в году. И для меня есть четкое различие: когда приехал в 2000-м году, меня многие вещи поразили после десятилетнего перерыва, но больше всего поразили люди. У меня было ощущение к концу социалистического периода, что монголы — отчасти внутренние психопаты: у них всё время был какой-то напряг в душе. И насколько люди стали в каком-то смысле спокойнее! Они обрели достоинство, я бы сказал. Даже на бытовом уровне все время была какая-то такая внутренняя напряжённость, какая-то, условно говоря, шизофрения. А сейчас исчезла. Ну, вот это впечатление, взгляд со стороны человека, который не совсем чужой стране, потому что часто и много в ней был. Исчезла! Там масса других проблем, это понятно. Но люди живут в значительной степени увереннее, несмотря на то, что, если посмотреть с точки зрения социальной защиты, они её сейчас такой, какую они имели в социалистические времена, точно не имеют. А всё равно они живут как-то увереннее. В этом сильное отличие от нашей страны.

**Мещеряков.** Мне, кажется, что здесь страшно важная тема — что понимается под государством. Потому что по японскому опыту я скажу: то, что потом стало определяться термином «государство», означало либо государя, либо государя плюс двор. Причем не весь двор, а только придворных высших рангов, с первого по третий — это приблизительно 300–400 человек. Это и было раньше государством.

**Галиймаа.** Я вам скажу своё мнение: под государством понимается независимость. Кто представляет государство — это неважно, самое главное — независимость. А свобода для монголов, для традиционного монгольского мышления свобода — это свобода движения, на мой взгляд.

**Мещеряков.** Я думаю, что это очень-очень важная вещь. В нашей современной действительности, совершенно не стесняясь, нам говорят наши высокие люди «государство», явно совершенно понимая под этим себя. Абсолютно. Возьмите понятие «государственный служащий». Государственным служащим, в принципе, если брать западный опыт, является преподаватель государственного университета. Он — государственный служащий. Человек, который работает на железной дороге государственной, — государственный служащий. Почтальон — государственный служащий. А наши государственные служа-

щие — это люди совершенно определённого положения, их тоже три с половиной человека. Я так считаю, что мы все к государству не относимся.

**Филатов.** Ну, что такое суверенитет? Суверенитет — это возможность нашего президента делать то, что хочешь. Да?

**Панарин.** Есть определение в концепции национальной безопасности Республики Казахстан. Может быть, сейчас они его всё-таки убрали — там потрясающее было определение. Вот такая фраза, дословно почти цитирую: «Гражданин — величина временная, преходящая, а государство — постоянная» (*смех*).

**Колганова.** Это спорно. Государства приходят и уходят.

**Панарин.** Это понятно. Но тут просто сам пафос замечательный: люди так наивно, по-простому написали, что вы все — ничто, а мы вот одни — ценность.

**Галиймаа.** Ну, это потому, что стали независимыми недавно, поэтому там есть такой акцент.

**Панарин.** Конечно, этот фактор тоже мог сказаться. Но дело в том, что Россия давно независимая, но то, что государство превыше всего — это да.

**Галиймаа.** Насчет российского государства... Служить государству и думать, что «я и есть государство, потому что представляю государство» — есть такое мнение и у монголов. Это, во-первых. Во-вторых, (это традиционно отмечается) независимость от кого-то — это очень важно, поскольку мы же кочевники, а для кочевника свобода движения — это очень важная вещь, очень важная вещь. Быть независимым в движении — это подразумевалось, на мой взгляд, для монгола под независимым государством.

**Мещеряков.** Чтобы прописки не было.

**Панарин.** Не только.

**Галиймаа.** Хотя они были под игом династии Цин более двухсот лет, всё равно монголы на эмпирическом уровне не чувствовали стеснения: они как двигались, так и двигались. Но зато чувство несвободы было. Чувство, что нужна государственная независимость. А ещё советское влияние тоже есть — чиновничье, типа этого: «Я представляю государство!» Что-то типа этого есть. Но не так сильно выражено, как...

**Панарин.** Как у нас.

**Галиймаа.** Наверное, как у вас.

**Панарин.** Да, и вот, кстати, тоже одна из вещей, которая меня поразила после возвращения в Монголию. Понятно, что это 2000-й год, всего десять лет прошло после демократической революции, это всё живо, так сказать... Такого отчуждения от государства, которое у нас, там нет. Люди себя с ним ассоциируют. То есть представление о том, что это наше государство, оно там куда более сильно развито. У нас оно, конечно, есть, но у нас оно какую-то извращённую форму принимает: с одной стороны, само государство надувает щеки

и всем показывает, какие мы до сих пор великие и многим это нравится, а с другой стороны, — дистанцирование от власти, доходящее до абсурда.

**Мещеряков.** Чудовищное совершенно.

**Микульский.** Но ведь, коллеги, понимаете, что касается России и русских, как мне представляется, то внутренняя отчуждённость от государства у нас была, на самом деле, всегда. Фигу в кармане казали ему и при Иване Васильевиче Грозном, и при Петре Великом, и при Екатерине-матушке, и т.д. и т.п. Недаром одним из популярнейших и в наибольшей степени отражающих наш национальный характер является образ Обломова, который ничего не делает, от всего отстраняется — ну, на грани безумия, конечно, — и вот, чувствует себя безопасно. Но потом, правда, эта безопасность оборачивается гибелью.

**Филатов.** Для этого нашего разговора о безопасности — очень важное указание, потому что получается, что безопасность для российского гражданина в значительной степени — это безопасность от государства. И это мы должны учесть.

**Дмитриев.** Нет, как ни банально это звучит, но возможность выбирать собственную власть очень увеличивает принадлежность гражданина к собственному государству. Государственная наша традиция — «фига в кармане», потому что за всю историю России никакой возможности, за редким там исключением, когда ты с винтовкой в руке, повлиять на собственную власть, собственно, не было. Поэтому понятно, какой может быть менталитет в этом плане, почему у нас совершенно другое...

**Колганова.** Я, во-первых, хотела бы сказать, что сейчас фигура Обломова подвергается переоценке — гораздо в более позитивную сторону (*смех*). В этом видится определённый выход, выход из создавшейся ситуации. Во-вторых, прозвучала мысль о нарастании нестабильности, некоей внутренней неуверенности... На самом деле, психологи бьют тревогу и считают, что заболевание номер один вообще в современном мире — это разного рода фобии и психологические штуки, которые выходят на первое место. И уже тридцать процентов населения этим болеет. То есть мы живем с вами в крайне нездоровом обществе, глобально нездоровом.

**Мещеряков.** Здесь очень трудно сказать что-то определённое. Я, с одной стороны, тоже говорю про катастрофизм сознания, с другой стороны, современные психологи, психиатры — это люди безумные.

**Колганова.** Ну, они порождение современного мира!

**Мещеряков.** Нет, это абсолютно точно. Эта американская школа, это выкачивание денег из населения, у каждого должен быть психоаналитик и т.д., и т.п. Согласно американским критериям, все здесь присутствующие — ну, может быть, не все, но мы с Серёжей точно — мы алкоголики (*смех*). Потому что, согласно этим критериям, если ты употребляешь чаще, чем раз в два месяца —

всё, ты зависимый. Поэтому просто так на психологов очень трудно сослаться. А они ещё внушают, что вы больны.

**Колганова.** Это тоже определённая тенденция.

**Панарин.** И это рынок ещё.

**Филатов.** Мы их слушаем, дураки, вот в чём проблема.

**Мещеряков.** Многие слушают, да. Многие слушают.

**Панарин.** Как у нас депрессия появилась? В советское время такой болезни вообще не знали, а сейчас депрессия у молодых на каждом шагу.

**Колганова.** В своё время был озвучен потрясающий опыт, проведённый с крысами. Их сознательно помещали в депрессивную ситуацию и наблюдали за поведением. И сравнивали процент выживаемости при определённых поведенческих особенностях. Пришли к выводу, что в крайне сложной ситуации выживают только те крысы, которые либо, как Обломов, затаились и тихо сидят, ничего не делают, либо те, которые сознательно предпринимают какие-то действия. Те же, которые мечутся, не выживают.

**Дмитриев.** То же самое можно увидеть в одном из рассказов Шаламова. Ровно то же самое он пишет. Кто выживает? Либо человек, который максимально не двигается, либо который пытается что-то сделать. Хотя у первого шансов больше.

**Панарин.** Всё-таки давайте мы закроем российскую тему и продолжим по Монголии.

**Попов.** Хотел у Вас спросить, вернуться к теме соединения понятий «безопасность» и «независимость»; а есть ли в монгольском языке или был ли в монгольском языке, или появилось ли в монгольском языке понятие «суверенитет» либо какой-нибудь аналог? Независимость — суверенитет. Или: независимость — безопасность — суверенитет.

**Батбаяр.** Суверенитет был и остаётся. Было и остается слово «суверенитет».

**Галиймаа.** Монголы, наверное, до XX века не понимали, что такое суверенитет по западному научному термину. Но это, естественно, важное слово.

**Батбаяр.** Само слово было, если это взять его как лексему.

**Галиймаа.** Это слово появилось после национальной демократической революции 1911-го года, когда стали отправлять некоторых людей в Россию и другие страны учиться. Ну, мечтали они создать независимое государство, как Швейцария, ни от кого не зависимое, поэтому тогда пришли слова «конституция», «суверенитет», «автономия» — слова как научные термины.

**Панарин.** Но при этом они все именно в монгольском.

**Галиймаа.** Да, да.

**Панарин.** Это не заимствования. Вот что характерно для монгольского языка.

**Батбаяр.** Слово было, да, но по-разному понималось в разные эпохи и разными людьми.

**Попов.** Но коннотации с безопасностью, какая была у слова «независимость», у слова «суверенитет» не было?

**Батбаяр.** Не было. Коннотация была больше с «независимостью». А «суверенитет», можно сказать, был немного в отдалённости. Само слово, конечно, существовало.

**Филатов.** Я хочу спросить, возвращаясь, к основной теме нашей конференции — к опыту разных культур и эпох. Вот Вы сказали о восприятии понятия «безопасности» как возможности находиться в движении. Следовательно, скажем, опасностью является урбанизация, борьба за безопасность — это борьба с урбанизацией. Конечно, я утрирую... Какие, кроме естественной для всякого народа, всё время находившегося под угрозой лишения своей государственности, какие есть вещи, связанные с традиционной культурой кочевников и с религией буддизма? Какие бы Вы видели особенности монгольского сознания, которые отличает его, по представлению о безопасности, от христианского, атеистического, мусульманского мира? Наверное, всё-таки есть что-то, потому что само сознание довольно-таки сильно отличается.

**Галиймаа.** Ну, точно не смогу сказать. Если Вы так поняли, значит, я, наверное, неправильно выразилась по-русски. Всё-таки не хватает знания языка. Во-вторых, отличается буддизм в классическом смысле. В монгольском трактате буддизм учит, как Обломов: сесть — и безделье. Мы учимся этому очень быстро, хорошо (*смех*)

**Миккульский.** Милюков, кажется, считал, что Россия — страна буддийская, между прочим.

**Панарин.** Внутренне — да.

**Дмитриев.** Я бы хотел сделать тут небольшое замечание — если я скажу неправильно, пусть меня поправят. Если я правильно понимаю, то основное отличие любого понятия, связанного с государством, у монголов и остальных кочевых народов состоит в том, что, если обратим внимание на средневековые тексты и многие исследования, то государство, улус — это не территория, в отличие от западной цивилизации, а люди. Поскольку государство может быть в любом месте. Потому что это совокупность людей, которые могут перекочевать в другое место, и тогда то же государство будет там. И «монгол улус», которое переводится как Монгольское государство, во время Чингисхана, на самом деле, его ровно с той же возможностью можно переводить «монгольский народ», потому что он может быть в любом месте, где, собственно говоря, ему угодно находиться. Дело в том, что кочевая культура, она по определению гораздо больше завязана на личную свободу, потому что в отличие от оседлого человека, кочевник — и в великой степи мы это наблюдаем — значительную часть времени существовал без какого бы то ни было правителя. Он спокойно

может жить сам, по своему собственному маршруту кочёвок, сам расписывая свой годовой цикл, сам выпасая свои стада и прочее. То есть, если в условиях оседлой культуры это анархические некие фантазии насчет того, что человек может жить без государства, потому что на самом деле он не может по ряду причин, то в условиях кочевой культуры это действительно реально возможно. Именно отсюда эта идея независимости как главного аспекта безопасности очень легко объяснима, потому что, действительно, для кочевника как для личности и главы семейства основное — в том, чтобы он мог передвигаться по тому маршруту, где ему нужно, и кочевать по тем местам, где ему нужно кочевать. Потому что от этого зависит его личное выживание и физическое выживание его семьи, вот и всё. Тут действительно, безопасность и независимость, они во всех отношениях неразрывны.

**Панарин.** Сергей, я Вам должен сразу же ответить, что эта точка зрения, в принципе, очень распространённая была среди нomaдологов, но в последние лет двадцать она подвергнута жесточайшей критике. У нас в России это Крадин первый начал делать, этим заниматься — кстати, тоже по китайским источникам, когда он хунну занимался. И Хазанов написал свою книгу «Кочевники и внешний мир». И еще какие-то я читал статьи и дискуссии... Так что сейчас, более или менее такое — не то чтобы всеобщее, но наиболее распространенное — мнение заключается в том, что кочевничество как особый вид без земледельческой государственности выжить не может просто по определению. Потому что есть такие необходимые компоненты воспроизводства, которые ему даёт только внешний мир. Вот земледельцы без кочевников могли бы жить. Кочевники — нет. На мой взгляд, эта точка зрения справедливая. Ну, относительно справедливая, до определённых пределов. Скажем, когда происходит... когда джут и падеж скота, если рядом нет где-то поблизости земледельческой культуры с государством, то всё, просто вообще всё, конец всякой безопасности.

**Кириченко.** Но это государство не своё.

**Панарин.** Нет, не своё. И для того, чтобы это государство с кочевниками взаимодействовало, необходимо было как-то его заставлять. Заставлять организованной силой. То есть какие-то политики всё равно возникали. Другое дело, что они не были таким постоянным обязательным условием выживания, как у земледельцев.

**Дмитриев.** Это точка зрения Крадина, и смею Вас уверить, что в мире она не является преобладающей.

**Панарин.** Нет, это точка зрения не только Крадина.

**Дмитриев.** Ну, у нас в значительной степени сейчас она популярна потому, что этим много занимается Крадин: кочевым государством, ролью правителя в кочевых государствах... Ну, скажем так: в любом случае — не будем сейчас об этом спорить, потому что это отдельный вопрос — степень зависи-

мости кочевника от собственного государства несравнима со степенью зависимости оседлого человека от своего государства.

**Панарин.** От собственного, да, но от другого государства...

**Филатов.** Ну, она же всё равно меньше.

**Панарин.** Да, на определённых условиях. Как бывший «аграрник» — все-таки пятнадцать лет занимался аграрно-крестьянскими проблемами — совершенно железно могу вам сказать, что чем меньше вмешательство человека в природу в процессе производства, тем он незащищённее. Поэтому крестьянин в традиционном понимании этого слова — не арат, кочевник, а оседлый крестьянин, который занимается земледелием, — он платит за защищённость, может быть, куда большей зависимостью, но в смысле физического выживания он в более безопасной ситуации находится.

**Дмитриев.** Кочевник человек свободный, но ему кроме цепей обычно терять нечего. Потому что сегодня он богатый, а завтра снег выпал на двадцать сантиметров выше, и он умер. У оседлого, конечно, таких проблем обычно не возникает. Кстати, между прочим, всё-таки у нас есть примеры кочевников, которые не были связаны с государствами. Например, те же якуты. Я уже не говорю про оленных чукчей, у которых вообще никаких государств рядом не было — тем не менее, они там отлично жили.

**Панарин.** Ну, мы сейчас далеко уйдем... Если бы не пришло Русское государство, не было бы якутов просто, я бы даже так сказал, понимаете? Фантастический демографический рост — это за счёт их высочайшей лояльности Русскому государству. Вот эвенков стало мало именно потому, что они-то бились с нами по-чёрному. А якуты были только проводниками и союзниками.

**Дмитриев.** Это вообще другой вопрос. Но степень зависимости кочевников от природы гораздо выше, чем у оседлого населения, а от государства — гораздо ниже. В основном.

**Панарин.** Ну, хорошо, степень, согласен. Мы далеко опять удалились.

**Мещеряков.** Степень и ценность, да? Как бы в норме кочевник не хочет стать земледельцем, правильно?

**Панарин.** Мы говорим сейчас не об этом, хочет ли стать земледельцем или нет, мы говорим о государственности.

**Мещеряков.** Мы говорим о безопасности. Безопасность, независимость от природы, от государства. Очень многое определяется сознанием, а совершенно не теми «объективными» критериями, которыми мы пытаемся пользоваться.

**Панарин.** Саша, меня не надо убеждать в том, что это определяется сознанием — как раз мне приходится постоянно спорить с людьми, которые утверждают, что безопасность — это объективная категория исключительно.



Еще вопросы есть?

**Попов.** Да, у меня вопрос. Собственно, два момента, которые меня зацепили во всём этом рассказе с самого начала, это то, что для монголов «государство» как понятие равно понятию «народ». И то, что это государство — не территориальное понятие... Насколько именно с этим может быть связано сближение понятий «безопасность» и «независимость»? Связь действительно какая-то была именно с этими вещами?

**Дмитриев.** Государство — это некая общность конкретных людей и семей. А основа их личного выживания и вообще хозяйствования — это возможность осуществлять в течение года определённый кочевой цикл в удобных условиях. Или, если условия меняются, возможность перейти на новое место, чтобы, соответственно, делать это там. Поэтому действительно получается, что от возможности государства обеспечить своим подданным вот эту возможность свободно передвижения зависит, собственно, личное выживание каждого конкретного человека. Естественно, если эта совокупность... Чем больше они зависят от окружающих государств и народов, чем хуже они живут, тем меньше у них возможностей выбора в таких условиях — выбора мест кочевания.

**Панарин.** Ну, не обязательно была такая жёсткая детерминация в реальности.

**Дмитриев.** Нет, нет, не в реальности, естественно. Я имею в виду, в традиционном понимании. Сейчас это вообще всё не так — что говорить-то.

**Панарин.** Всё не так — и так. Любимым отдыхом у монголов — и я участвую в таком отдыхе каждый год — это сесть в машину и ехать, ехать, ехать целый день. Когда я свою дочь возил в Монголию в первый раз, после десятого класса, она где-то на третий день возопила: «Мы когда-нибудь остановимся, покупаемся?»

**Мещеряков.** Потому что вы были на машине. Если бы на конях, совсем другое дело.

**Панарин.** А конь, кстати сказать, во многих отношениях до сих пор быстрее. Потому что он где угодно проскачет, где машина не проедет.

**Мещеряков.** А в некоторых условиях — горных — ножки быстрее коня.

**Панарин.** Больше вопросов нет?

**Попов.** Я просто сделаю ремарку. Дело в том, что мой доклад — я его сейчас немного переосмыслил — будет, в общем, вертеться вокруг сближения понятий «безопасность» и «независимость», но скорее в современном представлении, под соусом национализма, национального самоопределения и т.д. Понятно, что в те времена, о которых сейчас говорили, о таких вещах ещё не задумывались — о принципе национализма, суверенитета, вообще о понятии «нация». Тем не менее то, что я услышал от Вас, говорит о том, что в какой-то форме это сближение, во-первых, было, и, во-вторых, оно было связано с тем, что государство — это народ, а не территория. Государство — это совокупность людей, в первую очередь.

**Галиймаа.** Ну, на мой взгляд, это, скорее всего, территория, но, конечно, оно отличается от государства у оседлых народов. И понятие территории тоже отличается, наверное. Во-вторых, в собственном государстве человек может самовыразиться полностью, государство просто нужно для самовыражения. А если, представьте себе с географической точки зрения, два гиганта соседних — угроза с одной стороны и с другой — какое самовыражение?

**Попов.** А понятие «наши земли» было?

**Галиймаа.** Конечно, было.

**Кириченко.** У кочевников в принципе понятие территории — это определённый маршрут миграции. У оседлых культур понятие пространства завязано на населённые пункты. А всё, что их разделяет, это — в зависимости от того, насколько заселённое это пространство, — либо просто лес или джунгли, или горы. То, что определяется как пространство — дикое, населённое людьми (если там они вообще есть) дикими, со всеми уничижительными эпитетами, которые в отношении этих людей можно применить. Если мы сейчас в русском языке будем искать аналоги, то «чурками» и т.д. Две тысячи лет назад они составляют всю вот эту периферию, обитают в пространстве, где нет крупных населённых пунктов, где нет, собственно, регулярного земледелия в соответствии с теми технологиями, которые являются основными для этой области. То есть понятие территории как пространства, оно принципиально разное: в одном случае это маршрут, в другом случае — набор точек.

**Батбаяр.** У кочевников, Вы думаете, что нет пространственных...

**Кириченко.** Я как раз говорю, что есть.

**Батбаяр.** Тогда я с Вами согласен. Вот... например, волки — они же дикие животные. Они же свою территорию отличают, никого туда не пускают. Так и наши кочевники, наверное... Пасут четыре раза в год: летом в одном месте, осенью в другом, зимой в определённом месте зимуют, а весной уже охраняют всю эту территорию для следующего зимовья и для весны. Четко её определяют. Они знают, что на эти места, на эти уголья никто не придёт. Поэтому чувство земли своей у них есть. На одном месте не живут, но всё равно же у них — уголья, и чувство земли, какого-то сплошного пространства у них у всех присутствует. Что вообще этого чувства у них нет, нельзя говорить.

**Дмитриев.** Нет, конечно.

**Панарин.** Я бы добавил: вспомним анимизм, шаманизм, которые очень сильны в монгольской кочевой культуре, в бурятской и т.д. Там привязка к месту ассоциировалась ещё с привязкой к духам. И место, оно благорасположено к тебе или не благорасположено в зависимости от того, какие духи там живут. Это ещё очень сильно было в 1930-е годы, когда началась коллективизация. Мне просто рассказывали, в деревне Торы, в бурятской, какая это была жуткая травма — высылка. Страшнее, чем расстрел, потому что разрывалась связь с местом. То есть связь с местом играла колоссальную роль... может быть,

даже большую, чем у земледельцев. Потому что у земледельцев представления на этот счёт более абстрактные, что ли, не столь зацикленные на реальное место — представления о должном, о порядке и т.д.

**Кириченко.** Если земледельцы имеют развитые представления о мире духов, то они что, кочевники?

**Панарин.** Ну, я не настаиваю. Просто в данном случае сравнивал, скажем, те представления о месте, которые существовали у русского крестьянства конца XIX века и начала XX — тоже, конечно, уже значительное разложение традиций — с тем, что ещё в 1930-е годы было характерно, скажем, для бурят. Всё-таки большое различие в смысле этой конкретной привязки. Это не мешало им двигаться. Но ведь то было движение, ограниченное определёнными пределами. И когда за эти пределы выходили, это было вступление во враждебный мир. Причем в рамках одного и того же бурятского этноареала. Даже брачные союзы заключались по этому принципу. Например, считалось, что тункинским бурятам нельзя ни в коем случае жениться на ольхонских бурятках, потому что это, ну, просто принесет гибель семье, роду.

**Дмитриев.** Эта привязка к территории на уровне семьи или какой-то большой семейной группы. Тут нет представления развитого о территории государственной — оно всё-таки, мне кажется, довольно позднее явление.

**Панарин.** Это с одной стороны, наверное, так, а с другой стороны... Вот, Яса Чингисхана. Она не существует как сохранившийся целиком документ, но она существует в извлечениях и т.д. Всё, что я читал — ну, чётко видно, что Чингис воспитывал свой народ как народ государственный. Он просто его воспитывал. И насколько я себе представляю, память об этом жива — я все юбилейные торжества, связанные с монгольским государством и с Чингисханом, наблюдал своими глазами... Даже один монгольский ученый сказал: «Мы свое государство несём на плечах!»

**Мещеряков.** Я бы сказал, что Чингисхана воспитывали китайцы сначала.

**Панарин.** Это неважно!

**Дмитриев.** Чингисхан — это как раз взлёт государственности монгольской, потому что, действительно, он занимался организацией всего этого — ввёл иерархическую структуру, которая время от времени для кочевого общества характерна, после этого следует, так сказать, распад до уровня фактически семейных групп, а потом опять сбор... Я завершу, если можно, именно иллюстрацией к теме. У нас часто можно прочесть, что Чингисхан разделил между своими детьми империю: потомки Джучи получили Поволжье и все, что к западу, Угэдей получил то-то... На самом деле, если посмотреть того же Рашид-ад-дина, они получили не земли: каждый из них получил конкретное количество тысяч человек, и один с ними ушёл туда-то, другой со своими ушёл туда-то, то есть именно разделение людей. Хан управляет не территорией с людьми, а людьми. А где он их поставит, зависит от того, куда он их может поставить, насколько хватает его силы.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ  
И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ВЛАДИВОСТОКА  
(по материалам опросов в Дальневосточном  
федеральном университете)**

*Надежда Цой*

Исследование представлений о безопасности российских и иностранных студентов ДВФУ проводилось автором 15 апреля и 5 мая 2011 года. Целью его было попытаться выявить влияние на эти представления социокультурных факторов. Я исходила из гипотезы, что в разных странах существуют значимые отличия в восприятии безопасности, которые обусловлены особенностями культуры и истории той или иной страны и находят своё отражение в политическом сознании её жителей. Под социокультурными факторами имелись в виду детерминанты формирования определённого, культурно специфичного, типа / вида представлений о безопасности.

Для достижения поставленной цели было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие две различавшиеся по национальному составу группы студентов общей численностью в 30 человек. В первую группу вошли студенты IV–V курсов Института русского языка и литературы ДВФУ, обучающиеся по специальностям «регионоведение» и «филология» и изучающие русский язык как иностранный, всего 17 человек: 16 граждан КНР и 1 гражданин Республики Корея.

Вторую группу образовали 13 студентов IV курса Юридического института ДВФУ, специальность — «правоведение»; все они были гражданами России, по этнической принадлежности причисляющими себя к русским.

В обеих группах исследование проходило в форме аудиторного анкетирования по сценарию, в целом идентичному принятому в Барнауле, Шымкенте и Иваново<sup>1</sup>, и включало три этапа. На первом этапе проводился экспресс-опрос, во время которого студенты должны были дать своё определение понятию «безопасность» и предложить к нему ассоциативный ряд. На втором участники исследования ранжировали полученные определения и ассоциации по степени их приоритетности, на третьем — занимались расширением смыслов слова «безопасность» посредством отыскания синонимов ему в родном и иностранном языке.

### Определения и ассоциации

Они даются ниже в алфавитном порядке. Ответы, одинаковые по содержанию, выделены полужирным шрифтом в тех случаях, когда они были предложены более двух раз. Сначала идут ответы иностранных студентов на вопрос: «Что такое безопасность?»:

Антоним опасности	Имущественная безопасность
<b>Без болезни</b>	Милиционер
В семье никто не болеет	<b>Мирный</b>
Весёлый	Небо
<b>Витамины</b>	Нет войны
Всё в порядке	Нет засухи
Всё нормально	Нет конфликтов
Всё хорошо	Нет метеорологических бедствий
<b>Деньги</b>	Нет наводнения
Доверие	Нет несчастья
<b>Дом</b>	Нет оружия
<b>Друзья</b>	Нет преступников среди друзей
<b>Защита от опасности</b>	Нет споров
<b>Здоровье</b>	Нет терроризма

<sup>1</sup> См. статью И. Бочкарёвой и А. Есимовой и статью И. Будановой в настоящем сборнике.

**Нет тревоги****Нет угрозы**

Нет угрозы государству

Нет угрозы как физической, так и идеологической

Нет угрозы региону

**Нет угрозы человеку (физической или психической)**

Овощи

Одежда

**Охрана**

Парк

**Питьё****Пища**

Полиция

Полноценная жизнь

Пресная вода

Прогулки

Путешествия

Редко общаться с незнакомцами

Редко поздно возвращаться домой

Родители встречаются вечером

Родители дома

Свобода

Сначала это человечество, потом общество, окружающая среда

Собака

**Солнце**

Спокойная ночь

**Спокойствие**

Спорт

Стабильное состояние

То, что не вредит своему здоровью и другим людям

**Удобство****Фрукты**

Хорошая погода

Хорошее настроение

Хороший пейзаж

Цветы

Чистый воздух

А вот ответы русских студентов на тот же вопрос:

Гарантия сохранности чести, достоинства и личности в целом

Жизнь без страха

**Защита личного характера****Защита от внешних угроз**

Защита от негативных внешних факторов, которые могут проявляться в разных сферах

Защита собственности правоохранительными органами

Защищённость любого индивида

Индивидуум находится в системе, чувствует себя защищённым

Комфортное состояние, отсутствуют факторы, тормозящие развитие личности

**Мир и правопорядок**

Обеспечение охраны различных жизненно важных ценностей

Охрана жизни и здоровья

Ощущение свободы в своих действиях (законных)

**Правопорядок**

**Сохранность**

Защита от негативных источников воздействия.

Как видно, примерно треть ответов иностранных участников исследования носят конкретизированный характер. Иначе говоря, представления о безопасности получают у них образное и предметное воплощение. В ответах русских студентов преобладают абстрактные и субъективные понятия, некоторые из них можно отнести к профессионализмам.

### РАССТАНОВКА ПРИОРИТЕТОВ

С помощью участников опроса я разделила предложенные определения и ассоциации на категории. Ответы иностранных студентов распределились по трём категориям, обозначенным буквами А, Б и В:

#### **Категория А**

Антоним опасности  
Имущественная  
безопасность  
Нет войны  
Нет конфликтов  
Нет оружия  
Нет споров  
Нет терроризма  
Нет тревоги  
Нет угрозы  
Нет угрозы госу-  
дарству  
Нет угрозы как фи-  
зической, так  
и идеологической  
Нет угрозы региону

#### **Категория Б**

Весёлый  
Всё в порядке  
Всё нормально  
Всё хорошо  
Доверие  
Нет преступников среди  
друзей  
Защита от опасности  
Милиционер  
Мирный  
Нет засухи  
Нет метеорологических бед-  
ствий  
Нет наводнения  
Нет несчастья  
Охрана

#### **Категория В**

Без болезни  
В семье никто не  
болеет  
Витамины  
Деньги  
Дом  
Друзья  
Здоровье  
Небо  
Овощи  
Одежда  
Парк  
Питьё  
Пища  
Пресная вода  
Прогулки

<b>Категория А</b>	<b>Категория Б</b>	<b>Категория В</b>
Нет угрозы человеку (в физическом или психическом смысле)	Полиция	Путешествия
Свобода	Полноценная жизнь	Солнце
Сначала это человечество, потом общество, окружающая среда	Редко общаться с незнакомцами	Спорт
То, что не вредит своему здоровью и другим людям	Редко поздно возвращаться домой	Удобство
	Родители встречаются вечером	Фрукты
	Родители дома	Цветы
	Собака	Чистый воздух
	Спокойная ночь	
	Спокойствие	
	Стабильное состояние	
	Хорошая погода	
	Хорошее настроение	
	Хороший пейзаж	

Категория определений А относится к макроуровню: глобальный характер входящих в неё определений и ассоциаций (последних, впрочем, здесь почти нет), очевиден — они указывают на отсутствие разного рода угроз, войны, конфликтов и т.д., то есть состояний, представляющих собой полную противоположность безопасности в широком смысле. Категория Б находится скорее на мезоуровне социальной структуры: одни из включённых в неё определений и ассоциаций содержат относительный оттенок восприятия реальности (всё нормально, в порядке, хорошо, хорошее настроение, полноценная жизнь, спокойствие и т.д.), другие напрямую указывают на отсутствие природных угроз (хорошая погода, хороший пейзаж, отсутствие засухи, наводнения и др.), третьи касаются социальных угроз, а также институтов и ситуаций, при наличии которых эти угрозы можно предотвратить (защита от опасности, милиционер, полиция, охрана, редко общаться с незнакомцами, редко поздно возвращаться домой, нет преступников среди друзей). Определения и ассоциации мезоуровня изменчивы и подвижны, зависят от влияния многих факторов. Наконец, категория В объединяет наиболее конкретные определения и ассоциации (витамины, деньги, дом, друзья, овощи, фрукты, одежда, питьё, пища и др.) и локализуема преимущественно на микроуровне.



Хотя количество ассоциаций и определений, предложенных российскими студентами, оказалось, по сравнению с иностранной группой, небольшим, их ответы были распределены не по трём, а по четырём категориям. При этом в процессе категоризации участники отмечали условность некоторых вариантов определений, таких как «Защита от негативных внешних факторов, которые могут проявляться в разных сферах» или «Обеспечение охраны различных жизненно важных ценностей»: трактуются они по-разному, значит, относить их к той или иной категории можно в зависимости от целей распределения.

<b>Категория А</b>	<b>Категория Б</b>	<b>Категория В</b>	<b>Категория Г</b>
Гарантия сохранности чести, достоинства и личности в целом	Защита от внешних угроз	Защита собственности	Жизнь без страха
Защита личного характера	Защита от негативных внешних факторов, которые могут проявляться в разных сферах	(правоохранительными органами)	Комфортное состояние, отсутствуют факторы тормозящие развитие личности
Защита от негативных источников воздействия	Мир и правопорядок	Обеспечение охраны различных жизненно важных ценностей	Ощущение свободы в своих действиях (законных)
Защищённость любого индивида	Правопорядок		
Индивидуум находится в системе, чувствует себя защищённым			
Охрана жизни и здоровья			
Сохранность			

Далее, согласно сценарию, иностранные студенты разделились на три мини-группы, и после десятиминутного внутригруппового обсуждения ими были разработаны следующие варианты ранжирования категорий и объяснения причин расстановки, выбранной каждой мини-группой.

Первая мини-группа предложила следующую расстановку: А — В — Б. Обоснование: практически всё, что вошло в категорию В, есть

не что иное, как конкретное материальное воплощение различных аспектов понятия «безопасность», передаваемых определениями категории А. А и В вообще следовало бы объединить в единую категорию. А вот определения и ассоциации категории В в большинстве своём относятся к проблеме безопасности не напрямую: скорее ими фиксируются последствия тех или иных ситуаций с безопасностью.

Внутри категории А первая мини-группа увидела следующую иерархию: *«В первую очередь, человеческая безопасность — это физическая безопасность, когда нет угрозы физической целостности, жизни, когда никто не хочет убить, нет угрозы от окружения. Вторые по степени важности — экологические условия, окружающая среда (стихийные бедствия, катастрофы). В случае землетрясений и наводнений, это может коснуться и нас. Следующее — имущественная безопасность: деньги, поскольку без денег нельзя прожить. Далее — общественная стабильность: она обеспечивает безопасность, это условие спокойной жизни».*

Данная расстановка приоритетов имеет некоторое сходство с пирамидой потребностей А. Маслоу<sup>1</sup>, то есть степень значимости вида безопасности варьируется в зависимости от потребностей индивида, начиная с потребностей базовых — физических.

У второй и третьей мини-группы иностранных студентов расстановка категорий оказалась одинаковой: В — В — А, но её обоснования различались. Критерием расстановки приоритетов второй мини-группой послужила степень влияния субъекта на факторы риска, степень его контроля над условиями, создающими или способными создать угрозы безопасности: *«Определения из группы В важны для общества и государства, касаются абсолютно всех, поэтому их (точнее, обозначаемые ими состояния или аспекты безопасности. — Н. Ц.) нужно обеспечить в первую очередь. Определения группы В — личные и материальные, тесно связаны с жизнью (выживанием). Группа А содержит абстрактные понятия, они больше касаются морали».* Для третьей мини-группы решающее значение при расстановке приоритетов имел масштаб угроз безопасности, то есть количественный критерий. Чем больше людей подвергается риску или угрозе, тем более значимой является проблема. Природные по происхождению риски представляют

---

<sup>1</sup> Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2011. С. 60–65.

наибольшую угрозу: «*Определения категории В являются самыми важными, так как [состояния, ими описываемые,] не зависят от человека. От них невозможно избавиться, несмотря на все усилия. Что касается категории В, то в этом случае человек может постараться как-то улучшить свое состояние, предпринимая конкретные действия. Определения категории А на последнем месте, потому что есть возможность влияния на объективные условия. Как правило, угрозы имеют определённое воплощение, человека-нарушителя (преступника) можно наказать, применяя к нему уголовную или другую ответственность, тем самым поддерживая порядок*».

Складывается впечатление, что представления о безопасности иностранных студентов во многом близки концепции общей безопасности<sup>1</sup>. Однако, как увидим далее, результаты третьего этапа, а также заключительной свободной дискуссии заставляют сомневаться в справедливости этого впечатления.

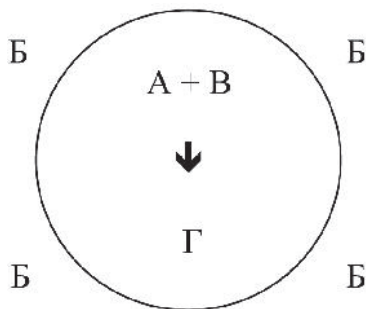
Российские студенты тоже разделились на три мини-группы. Рассмотрим последовательно представленные ими варианты расстановки приоритетов безопасности.

Первая мини-группа выделила в качестве важнейшего приоритета безопасность жизни, здоровья и интересов индивида, которая в итоге и даёт чувство защищённости, но не менее значимым условием достижения индивидом безопасности посчитала правопорядок в государстве. Группа изобразила визуальную модель разработанной ею иерархии приоритетов и снабдила её комментарием.

*«Начнем с того, что, во-первых, чтобы человек чувствовал себя защищённым, то есть жил без страха, в свободе, прежде всего, должны сохраняться его жизнь и здоровье (А). А также должны охраняться его собственность и другие интересы (В), то есть А + В — это и есть защита индивида. Из этого вытекает его чувство защищённости (Г). Но всё вышесказанное невозможно, если в мире нет правопорядка, то есть всё это мы ограничиваем правопорядком (Б). Только в состоянии правопорядка сохраняются его личные права, право собственности и, соответственно, человек чувствует себя защищённым».*

---

<sup>1</sup> О ней, а также о концепциях национальной и социетальной безопасности см.: Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина / Московский Центр Карнеги. М.: Интердиалект+, 2000. С. 22–34.



Участники двух других мини-групп задали участникам первой уточняющие вопросы относительно расстановки приоритетов в данной модели. Из ответов стало ясно, что, с точки зрения первой мини-группы, определения безопасности из категории Б обозначают желательные условия защиты жизни, здоровья и собственности. Если один человек обретёт чувство безопасности, купив оружие, у других людей ощущения защищённости от этого не прибавится. По-настоящему безопасность для всех может дать только идеальный правопорядок, так сказать, безупречное право, к которому должна стремиться каждая страна: *«В зависимости от того, насколько демократично государство, насколько обеспечиваются права и какая форма правления, всё это влияет на то, насколько выстроена эта модель. Россия не безупречна, нет в ней идеального правопорядка и, соответственно, не идеально защищаются все права, нет чувства защищённости».*

Вторая группа предложила иную точку зрения, согласно которой иерархия выглядит следующим образом:

**Б**  
Г — А — Б — В или Г — А — В

Группа пояснила: *«На первое место мы ставим внутренние, личные интересы человека, состояние комфорта. Согласно теории развития личности, жизнь человека представляет собой постоянное развитие, от начала до конца. Соответственно факторы, которые тормозят развитие личности, должны рассматриваться в первую очередь. То есть на первом месте у нас личность в духовном плане, внутренняя безопасность, далее идёт безопасность в физическом плане (защита от негативных воздействий, безопасность с физической*

точки зрения). Дальше мы сомневались, что поставить после, Б или В, но защита собственности без правопорядка невозможна, следовательно, мы на третье место поставили правопорядок и мир, то есть это уже общество. И в завершение — защита собственности и охрана жизненно важных ценностей».

Таким образом, для участников второй российской мини-группы безопасность состоит из двух блоков: первый из них касается личности как индивидуальности, второй — личности как части общества. При этом определение духовной, внутренней безопасности вызвало у ребят затруднения, а под ценностями они подразумевали исключительно материальные интересы.

Третья мини-группа так представила и объяснила приоритеты безопасности:

**Б — А — В — Г**

*«В основу мы поставили правопорядок, то есть роль законодателя и органов правопорядка, которые непосредственно должны обеспечивать правопорядок в стране. Из чего, соответственно, будут вытекать мир, защита от внешних угроз и т.д. Как вывод всему вышеизложенному будет следовать защита индивида, то есть состояние охраны его жизни и здоровья. Таким образом, приоритет отдаётся личности в обществе. Далее следует неотъемлемое право личности — это право иметь собственность, следовательно, мы выделяем защиту собственности и охрану жизненно важных ценностей, в частности, материальных ценностей. И как итог всему, будет обеспечиваться жизнь без страха, ощущение свободы и т.д.»*

Расстановки приоритетов первой и третьей мини-группами частично совпали, но обоснование, предложенное третьей, вызвало активную дискуссию.

Во-первых, оппоненты из двух других мини-групп указывали, что бывают ситуации, в которых человек и в отсутствие правопорядка может чувствовать себя свободно, без страха. На что третья мини-группа возразила, что без правопорядка будет хаос, а человек, спокойно себя чувствующий среди хаоса, — просто анархист без каких-либо сдерживающих рамок. Этот ответ тут же вызвал новый вопрос: *«По Вашему мнению, сдерживающий фактор для личности — нахождение человека в состоянии потенциального страха?»* — *«Нет.*

*В состоянии, когда свобода очерчена рамками определённых границ, в частности, рамками законов. Свобода одного не должна нарушать свободы другого».*

Во-вторых, было высказано сомнение насчёт того, что правопорядок является обязательным условием безопасности. Первая мини-группа, признав сходство своей модели с моделью третьей мини-группы, подчеркнула, что для неё определения категории Б являются условием желательным, но не необходимым: *«У нас центр круга занимают А+В и, как следствие — Г. И все это в оболочке Б, которая должна быть, но не факт, что она есть и что она будет».* На это третья мини-группа ответила, что если в стране не будет правопорядка и защиты от внешних угроз, то не может быть и речи о безопасности отдельного человека.

В-третьих, встал вопрос о необходимости рассмотрения безопасности, с одной стороны, с точки зрения «большой триады» — мира, государства и общества, с другой, со стороны человека. Вторая мини-группа настаивала на правильности своей расстановки приоритетов, аргументируя это тем, что чувство опасности является одним из первобытных состояний человека, соответственно безопасность государства нельзя ставить на первое место: *«Само понятие “безопасность” у человека сформировалось задолго до того, как государство вообще было придумано».* Контраргумент третьей мини-группы заключался в том, что и в первобытном обществе существовали ограничители анархической свободы, только это было не писаное право, как в наше время, а сила обычаев и традиций: *«Если у нас сейчас правопорядок, то раньше были обычаи и традиции, то есть по смыслу ничего не изменилось».*

Дискуссия закончилась вопросом: *«Что тогда должно быть, чтобы человек не боялся?»* Закончилась потому, что ни одна из мини-групп не нашла на него ответа.

Следует отметить, что, в отличие от иностранных студентов, у российских студентов модели безопасности = иерархии определений выстроены таким образом, что одно определение / аспект безопасности оказывается либо причиной, либо следствием другого. И, конечно, важным фактором, повлиявшим на восприятие ими безопасности, является их специальность, о чём свидетельствует использование ими концептуального аппарата юриспруденции.

## РАСШИРЕНИЕ СМЫСЛОВ

Напомню: на третьем этапе надо было предложить синонимы слову «безопасность» в «своём» и «чужом» языке. Китайские студенты во время всего опроса активно использовали электронные словари, несмотря на достаточно хороший, по мнению преподавателей Института, уровень владения русским языком. Тем не менее они сетовали: *«Трудно назвать синонимы, их мало в русском языке, легче найти антонимы: угроза, тревога, катастрофа, убийство, беда»*. В родном языке поиск синонимов слову «безопасность» не вызвал никаких затруднений. Соответствующие иероглифы записывались на отдельные листы, затем давались пояснения самими участниками исследования.

Китайско-корейской группой студентов были предложены следующие эквиваленты (с пояснениями).

**«Спокойствие (покой):** Больше относится к настроению, состоянию, касается конкретного человека, ситуации. Если ситуация вызывает беспокойство, то человек не в безопасности».

**«Мир:** Отношения без конфликтов, войны; больше относится к безопасности, чем спокойствие»; *«Когда нет войны, каждая страна развивается хорошо»*.

**«Стабильность:** Употребляется как описание состояния государства, человека. Шире, чем безопасность».

**«Гармония:** Состояние согласия с окружающей средой».

**«Гарантия:** Гарантия на защиту своего права, здоровья, семьи, существования».

**«Благополучие и спокойствие:** Когда кто-то уходит из дома, ему говорят “Счастливого пути!” Это означает, что не случится ничего плохого».

**«Мир, покой, нет опасности, нет беспокойства, гарантия, соблюдение закона:** из этих определений “мир” и “соблюдение закона” наиболее важны. Если каждый будет действовать строго по закону, тогда не будет преступности, это в свою очередь обеспечит безопасность».

**«Всё в порядке, ничего страшного, всё как обычно:** если находишься в лесу, в котором живёт зверь, не столкнуться с ним — это хорошо: повезло, удача».

**«Спокойствие, нет войны, нет экономического кризиса — для человека это хорошие условия жизни».**

*«Тишина, радость, благополучие: Важны окружающие условия. Не нужно что-то делать, предпринимать. В состоянии благополучия в спокойных условиях можно делать то, что нравится».*

*«Физическая безопасность: Я чувствую безопасность, общественную безопасность, чувствую себя спокойно. На улице нет войн, грабителей, аварий и т.д.».*

*«Life, жизнь — это самое важное, мир — отношение между двумя субъектами, гарантия — обещание, обеспечение защиты. Безопасность — основа остального».*

*«Нет катастрофы, нет войны, сохранение суверенитета государства».*

**Вопрос ведущего:** *А личная безопасность?*

**Ответ участника:** *«Если государство в состоянии безопасности, то и личная безопасность есть». «Безопасность — это состояние государства».*

**Вопрос:** *А как же все-таки с личной безопасностью?*

**Ответ:** *«Безопасность не может означать личное».*

Последнее высказывание показалось мне наиболее важным для понимания особенностей представлений группы о безопасности. Оно свидетельствует, что в этих представлениях центральное положение занимает всё-таки национальная безопасность. Косвенным подтверждением этому послужили результаты обсуждения трагических событий в Японии: землетрясения 11 марта 2011 года, цунами, взрыва на АЭС в Фукусиме. Я попросила участников обозначить отношение к этим событиям, возникшие в связи с ними опасения. Привожу самые интересные высказывания.

*«Раньше, во время войны японцы убили много китайцев. Поэтому сложилось такое впечатление, что японцы — жестокие люди, недружесливо относятся к китайцам. Большинство людей в Китае жалеют их, несмотря на прошлые события, оказывают гуманитарную помощь, но это всё еще проблема» (проблема взаимоотношений двух стран. — Н. Ц.)*

*«Мы посчитали, что, возможно, это судьба (из-за прошлых событий). Потом, когда мы увидели много жертв, то, конечно же, стало жалко, несмотря на то, что в Японии землетрясения происходят всегда. Там опасно. Это авария не только для Японии, но и для всего мира — из-за радиации, которая может сильно повлиять на нас. Для России, для Приморского края так же опасно, как и для Китая, потому что находятся на берегу моря».*



*«Сразу вспомнилось землетрясение 2008 года в провинции Сычуань. Мы увидели видео, картину катастрофы, это страшно и, несмотря на прошлые события, их жалко. Но влияет не только то, что они убили много китайцев, но и то, что они до сих пор это не признают, по-другому описывают и представляют события прошлого в настоящем. Это обидно. Но потом, понятно, что мы все люди, одинаковые, много невинных людей погибло, много жертв, стали жалеть».*

*«В первую очередь, возникло беспокойство о друзьях в Японии, потом о том, как последствия скажутся на нас».*

*«Сначала тоже стало жалко. Но сейчас их поведение не очень хорошее, потому что даже сейчас японцы утверждают, что остров Токто принадлежит им. И ещё, выброс радиоактивной воды в океан идет в сторону Кореи. Это влияет на отношение к ним».*

Очевидно, что в данном случае воспоминания о былых обидах, подогреваемые национальной исторической политикой<sup>1</sup>, то есть сочетание культурно-исторического по своей природе и политического факторов, если не доминирует в оценке произошедшего в Японии, то, как минимум, воздействует на её формирование с той же силой, что и понимание масштабов экологической катастрофы, последствий случившегося для людей, лично не повинных в преступлениях прошлого. По существу, индивидуальное сознание иностранных студентов — граждан КНР и Южной Кореи, восприятие ими трагического «слома» безопасности в соседней стране и представления о безопасности в целом испытали и испытывают сильное влияние национальной идентичности, государственного контроля, исторической памяти.

Российские студенты нашли в русском языке, иллюстрировали и комментировали следующие синонимы понятия «безопасность».

*«Спокойствие: По содержанию безопасность шире, потому как спокойствие является частью безопасности; если будет безопасность, будет и спокойствие; а если спокойно, то ещё не значит, что безопасно».*

---

<sup>1</sup> Под исторической политикой подразумеваются целенаправленные усилия государства по формированию устраивающей власть версии прошлого. Об исторической политике в России, Китае и некоторых других странах см. специальный выпуск журнала Pro et Contra, 2009, № 3–4.

**Вопрос ведущего:** «В каких ситуациях больше применимо слово “спокойствие”, в каких — “безопасность”?»

**Ответы участников:** «Когда спать ложилась, тебе страшно, что под кроватью чудовище какое-нибудь, мама приходит и успокаивает»; «Когда замуж выходишь»; «Это душевное состояние человека».

**«Сохранность:** Сохранность либо личностных ценностей, либо государственных. Сохранность имущества, жизни».

**«Уверенность:** Уверенность в себе — ситуативное состояние. Человек может быть уверен, что он не в безопасности. Поэтому слово может быть и антонимом [безопасности]».

**«Мир».** Без комментариев.

**«Защищённость:** Моя милиция меня бережет»; «Когда человек чувствует себя под защитой кого-либо»; «Состояние защищённости можно отнести и к государству — защищённость от внешних угроз со стороны других государств».

Некоторые синонимы ассоциируются у участников с чувствами, которые может испытывать только человек, что подтверждается таким высказыванием: «Государство, общество не могут **чувствовать** себя защищёнными». При этом его автор на вопрос, может ли государство **быть** на деле защищённым, ответил утвердительно. Также было отмечено, что трактовать все синонимы, кроме «спокойствия» и «комфорта», можно двояко, а эти два могут относиться только к человеку.

**«Спокойствие:** внутреннее состояние, чувство [идущее] изнутри вовне».

**«Комфорт:** телесные ощущения [, идущие] снаружи вовнутрь». «Обстановка может быть комфортная».

Дополнительно были предложены антонимы слову безопасность: все вышеперечисленные синонимы с частицей «не» плюс «опасность», «страх», «угроза», «беспокойство».

В английском языке в качестве синонимов “security” были найдены всего два слова.

**«Peace:** Более широкое понятие, чем безопасность»; «Мир — это не война, используется в ситуации приветствия».

**«Safety:** Это тоже безопасность, сохранность (ценностей, вещей и т.д.)».

Представляется, что в группе российских студентов преобладает восприятие безопасности, по своему содержанию находящее определённо

ные соответствия в концепции социетальной безопасности. Имеется в виду продемонстрированные группой акценты на обеспечение порядка в обществе и на внешние угрозы. Результаты свободной дискуссии внесли дополнительную ясность в понимание представлений российских студентов о безопасности — ещё раз высветили озабоченность уровнем преступности в любом месте проживания и первостепенную важность для молодых экономической безопасности на личностном уровне.

Прежде всего, группе было предложено поставить себя в ситуацию выбора — дальше жить в Приморском крае или переехать в другой регион — и оценить каждый вариант с точки зрения достижения безопасности. Ниже приводятся ответы.

*«Здесь возможна агрессия на наши территории. А в Москве — взрывы».*

*«Если говорить о каком-то регионе, то имеет значение эффективность работы правоохранительных органов, возможно в европейской части лучше. Но в больших городах небезопасно, поскольку там больше преступников...».*

*«Чем больше территория и плотность населения, тем больше угроз. Но, например, в Китае большая плотность населения, однако чувствуешь себя в безопасности. В Пекине — чувствуешь безопасно, но в Суйфунхэ — небезопасно... там постоянно обворовывают».*

*«Во всех странах, во всех городах есть какая-то незащищённость. В каких-то отношениях везде будет небезопасно».*

*«Нужно смотреть, что нам не нравится в плане безопасности. Более важными факторами являются экономические условия».*

Затем я спросила ребят, какие, по их мнению, существуют потенциальные угрозы для населения Приморского края, и получила три мнения.

*«Агрессия со стороны Японии, Северной Кореи и Китая. Это территориальные претензии, нападение...».*

*«Всё зависит от ситуации. Раньше мы переживали по поводу испытаний [ядерного оружия] Северной Кореи, потом Япония пыталась отобрать у нас Курилы. Сегодня для нас актуальна экологическая угроза в связи с радиацией в Японии».*

*«Нас волнуют большие другие факторы, экономические, потому что мы знаем, что наши права, здоровье, жизнь защищены, мы успокоились, и для нас теперь экономические факторы важны...».*

Наконец, для сравнения представлений иностранных студентов с российскими был задан аналогичный вопрос об отношении к событиям в Японии. Прозвучавшие ответы показывают, что позиция по этому вопросу российских участников исследования влиянию государственной политики и негативных воспоминаний о прошлом подвержена меньше, чем позиция студентов китайско-корейской группы.

*«Главное, чтобы нас не зацепило».*

*«Пострадало много невинных людей».*

*«Если мы говорим о будущем поколении, нет смысла смотреть на прошлое. Нужно идти дальше, выстраивать отношения в новом русле, а не оглаживаться на прошлые события, воевали или не воевали...».*

**Вопрос ведущего:** Хорошо, не будет смотреть на прошлое. А Курильские острова стоит отдать?

**Ответы участников:** *«Нет!»; «Если мы будем ставить вопрос Курильских островов, давайте прекратим все отношения с Японией, не будем ездить на японских машинах... с этой точки зрения, звучит глупо... Курильские острова — это отдельный вопрос».*

\* \* \*

Мною были представлены скорее систематизированные данные пилотного исследования, чем результаты глубокого анализа проблемы. Для основательных, уверенных выводов время ещё не пришло: и число опрошенных должно быть увеличено, и автору предстоит расширить свои познания в той области, в которую прежде ему не приходилось вторгаться, — в области теории безопасности. Всё-таки рискну сделать два предварительных заключения.

Во-первых, культурно обусловленные различия в представлениях о безопасности действительно прослеживаются — как минимум, в способах их вербализации. У иностранных студентов она оказалась в значительной мере образной и предметной, у российских — в основном воспроизводит образцы абстрактно-логического представления проблемы, почерпнутые из текстов (учебных, информационных, идеологических).

Во-вторых, у обеих групп представления о безопасности формируются под влиянием не только тех **фактов** жизни, с которыми студенты сталкиваются повседневно, но и тех произносимых родителями, учителями, политиками, и журналистами **слов**, с помощью которых в сознание молодых внедряются взгляды и представления, близкие кон-

цепциям национальной безопасности. Различие же между группами заключается, на мой взгляд, вот в чём: если отвлечься от следов, оставленных этими словами, представления 16 китайцев и 1 корейца выглядят как больше тяготеющие к концепции общей безопасности, а 13 русских — к концепции безопасности социетальной.

### Дискуссия по докладу Н. Цой

**Бочкарёва.** Сложилось впечатление, что представления о безопасности среди русских студентов носят индивидуалистический характер, тогда как у китайских — коллективистский.

**Цой.** Да, так и есть.

**Филатов.** Интересно то, что у китайских студентов перечислены конкретные предметы или объекты: фрукты, овощи, собака... Например, какая связь между собакой и безопасностью. Собака как охрана?

**Цой.** Нет. Такая конкретизация представлений безопасности как собака, говорит о другом — о том, что относительно недавно собака в Китае стала являться признаком материального обогащения. То есть связь безопасности с достатком.

**Бочкарёва.** Есть ли принципиальные различия между китайскими и русскими студентами в ценностных приоритетах?

**Цой.** На мой взгляд, довольно трудно делать вывод о принципиальных различиях на основании анализа нерепрезентативных выборок. В силу профессии я имею возможность отслеживать ценностные ориентации современной молодежи в Приморье (программа «Приморье без наркотиков», проведение тренингов, упражнение «ценности»). Как правило, наши подростки указывают в качестве своих главных ценностей жизни семью, друзей, любовь, образование или здоровье, в некоторых случаях — карьеру, деньги и т.д. То есть, сравнивая с ценностями китайских студентов, принципиальных различий не вижу. Необходимо ещё иметь в виду тот факт, что китайским студентам было дано задание не просто дать определение безопасности, а указать ассоциативный ряд, чтобы не ограничивать их. Однако такая конкретизация безопасности в представлениях и общий коллективистский характер, проявившийся в определениях безопасности, безусловно, отличает их от русских студентов.

**Панарин.** Были ли озвучены русскими студентами опасения относительно культуры, духовности, связанные с притоком иностранных мигрантов в город?

**Цой.** Нет. Для наших студентов было важным разграничение или разделение в постановке вопроса относительно предлагаемых моделей безопасности: модели реальные и модели идеальные. В основном предлагались идеальные модели, к которым необходимо стремиться государству, обществу. Они желательны, по мнению студентов, тогда как реальные модели совершенно не согласуются с тем, что нужно людям.

## БЕЗОПАСНОСТЬ В КИТАЕ: ТЕРМИН И КОННОТАЦИИ

*Сергей Дмитриев*

Единственное, чего я жажду, это — независимости (слово неважное, да сама вещь хороша).

*А. С. Пушкин*<sup>1</sup>

К сожалению или к счастью, прошло время, когда все слова, которые должны были быть услышаны и имели право иметь важный для мира смысл, произносились исключительно на языках Запада. Конечно, ключевые западные концепты уже давно переведены на иные языки, для них подобраны старые или созданы новые слова, но всё чаще и чаще возникают проблемы с глубинным непониманием той или иной идеи западной цивилизации её восточными собеседниками. Насколько это нежелание понять и насколько — невозможность понять? Кажется неинтересным разобраться, какие именно коннотации имеют термины, используемые другими культурами для выражения тех или иных идей и явлений. Насколько выбор терминологии определяет «трудности перевода»?

---

<sup>1</sup> Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 т. Т. XIII. Переписка, 1815–1827. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 94.

## I

Термин «безопасность» в китайском языке чаще всего передаётся словосочетанием *аньцюань* 安全, которое можно дословно перевести как «спокойствие / покой повсеместно / вполне»<sup>1</sup>. Интересно, что, хотя современные китайские толковые словари поясняют термин через «отсутствие опасности / угрозы»<sup>2</sup>, в китайском языке, в отличие от русского (но схоже с английским “safety”) слово «безопасность» представляет собой отдельный концепт, а не сконструированный на основе антонимичности опасности / угрозе.

Основной знак словосочетания, *ань* 安, встречается уже на древнейших памятниках китайской письменности — гадательных костях. С пиктографической точки зрения он трактуется как изображение женщины под крышей, то есть в доме<sup>3</sup>. Эти элементы присутствуют и в современном облике знака. По мнению исследователей, на раннем этапе своего использования, в период династии Шан-Инь (1766–1122)<sup>4</sup>, знак прежде всего передавал значение «принимать / быть принятым как дорогой гость», причём чаще всего это относилось к духам предков и лишь изредка — к высоким сановникам<sup>5</sup>. Исходя из графической структуры знака, можно предположить, что такой почётный приём предполагал выделение гостю дома со всем необходимым, в том числе с женским персоналом для различных надобностей<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Большой китайско-русский словарь в 4 т. / Под ред. И. М. Ошанина. М.: Наука, гл. ред. вост. лит.-ры, 1983. № 15403: Т. IV. С. 1030; № 536: Т. I. С. 164.

<sup>2</sup> Хань-юй да цыдянь 汉语大辞典 (Большой словарь китайского языка в 3 т.). Гл. ред. Ло Чжу-фэн 罗竹风. Со-инь бэнь 修订本 (Издание уменьшенного формата). Шанхай: 汉语大词典出版社 Хань-юй да цыдянь чубань-шэ (Изд-во Большого словаря китайского языка), 1997. Т. I. С. 2000.

<sup>3</sup> Графическая структура хорошо читается и в современном написании знака: каждый мало-мальски грамотный китаец знает, что верхний элемент знака называется «крыша», а нижний — «женщина».

<sup>4</sup> Надписи на гадательных костях относятся к XIV–XII вв. до н.э.

<sup>5</sup> Grand dictionnaire Ricci de la langue chinoise. Vol. I–VI, Index. Paris–Taipei: Desclée de Brouwer, 2001. № 48: vol. I. P. 35.

<sup>6</sup> Необходимо учитывать, что в древнекитайской письменности знак «женщина» представляет собой изображение коленапреклоненной фигуры, и, конечно, подчеркивает приниженное положение женщины в обществе, будь она служанкой, рабыней или почтенной матроной.

Несмотря на это довольно специфическое значение, нельзя, конечно, не обратить внимания и на то, что подобное изображение дома, осе­нённого присутствием хозяйки домашнего очага, являет собой практически квинтэссенцию человеческих представлений об уюте, комфорте, защищённости, мирной жизни. А всё это — важнейшие элементы безопасности, ассоциируемые с ней в первую очередь и, по-видимому, представителями всех культур.

При следующей династии, Западная Чжоу (1122–770), знак приобретает значение «умиротворять кого-либо (посредством визита и пожалования даров)». Чаще всего речь идёт об умиротворении верховным правителем *ваном* не вполне лояльного вассала. В это же время знак приобретает значение «умиротворяющей добродетели», в смысле полезной способности *вана* решать споры между своими вассалами мирным путём, посредством щедрости<sup>1</sup>.

В период Восточной Чжоу (770–256), помимо ещё шанского «умиротворить [божество]» появляются и другие значения, более интересных для нас, в том числе — «обеспечить мир / спокойствие среди народа». Появляется и выражение *да-ань* 大安, «Великое спокойствие», которое использовалось для обозначения вожделенных (и, отметим, до крайности редких в бурную эпоху Восточной Чжоу) периодов всеобщего мира<sup>2</sup>. Под «миром» при этом понималось отсутствие не только войн, но и стихийных бедствий и неурожаев, которые, согласно убеждениям древних китайцев, прямо указывали на некомпетентность или греховность правителя, чьей прямой обязанностью являлось, посредством эманации своей благой силы *дэ* 德, обеспечивать покой и процветание подданных, равно как и правильное функционирование мироздания в целом.

В классических текстах китайской древности, в основном записанных также в период Восточной Чжоу, знак уже имеет значения, сходные с современными: «спокойствие», «мир», «отдых», «умиротворять», «стабильный», «мирный». Начиная с объединения Китая в единую империю (в 221 году до н.э. — династией Цинь, в 202 году до н.э. — династией Хань, с небольшим перерывом правившей до 220 года н.э.) знак *ань* всё чаще используется в значении «подавить сопротивление

<sup>1</sup> Grand dictionnaire Ricci de la langue chinoise... № 48: vol. I. P. 35.

<sup>2</sup> Ibid.



противника»<sup>1</sup>, в чём трудно не увидеть параллель с недавно появившимся неологизмом «принуждение к миру». В основе такого использования лежала концепция, согласно которой китайский император является единственным сувереном всего мира, и, таким образом, все остальные народы и государства по определению являются его вассалами, покорными либо непокорными. Соответственно завоевание любой территории могло трактоваться как «умиротворение» непокорного, взбунтовавшегося вассала. Многие китайские империи использовали этот знак в названиях недавно завоёванных окраин, например, Аньси Анси («Умиротворённый Запад») — это присоединённые оазисы Восточного Туркестана; китайским термином Аньнань 安南 («Умиротворённый Юг») (во вьетнамском чтении — Аннам) долгое время, даже став уже фактически независимым от Китая, именовался Вьетнам (прежде всего, южная часть страны)<sup>2</sup>. Однако в большинстве случаев знак таких специфических коннотаций, конечно, не имел, и означал / означает «мир, покой, отдых».

В современном языке знак *ань* часто используется и в значении «порядок», особенно характерное словоупотребление в данном значении — *гун-ань* 公安, «общественная безопасность / общественный порядок»<sup>3</sup>. Так кратко именуется китайское ведомство *Гун-ань бу* 公安部 (Ведомство общественной безопасности), в чьи функции входят внутренняя разведка, контрразведка, защита политического и государственного строя, общественного порядка, высшего руководства государства и важных государственных объектов, выполнение полицейских функций, антитеррористическая борьба против экстремизма и сепаратизма на территории Китая; так же именуются и вооруженные формирования, находящиеся в распоряжении этого министерства<sup>4</sup>. Впрочем, в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с японизмом, заимство-

<sup>1</sup> Grand dictionnaire Ricci de la langue chinoise... № 48: vol. I. P. 35.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Цы-хай 辭海 (Море слов). 1999 нянь бань. Со-инь бэнь 1999 年版. 縮印本 (Издание 1999 года, уменьшенного формата) / Гл. ред. Ся Чжэн-нун 夏征農. Шанхай: 上海辞书出版社 Шанхай цы-шу чубань-шэ (Шанхайское издательство словарей), 2005. С. 1208.

<sup>3</sup> См.: Хань-юй да цыдянь... Т. I. С. 764.

<sup>4</sup> Интересно, что с использованием этой же конструкции на китайский язык переводится название французского Комитета общественного спасения (см. Цы-хай... С. 342, 1781).

ванным китайцами в Новое время вместе со многими другими терминами, обозначающими понятия, до того в китайской действительности не представленные. В Японии эти знаки (произносятся как *ко:ан*) входят в название целого ряда организаций, связанных с охраной общественного порядка<sup>1</sup>.

## II

Теперь обратимся к термину *аньцюань* («безопасность») в целом. Древнекитайский язык, в отличие от современного, в гораздо меньшей степени тяготеет к двусложным морфемам, каждый знак в нём чаще всего рассматривается как самостоятельная смысловая единица. Однако есть и исключения. Термин *аньцюань* впервые встречается у западноханьского (II–I вв. до н.э.) философа Цзяо Гуна (Ганя) 焦贛 (Цзяо Яньшоу 焦延壽), перечислившего такой набор желанных состояний: «Истина и порядок, покой и безмятежность, *аньцюань* и отсутствие печалей»<sup>2</sup>. А в китайском переводе буддийского сочинения *Бай-юй цзин* 百喻经 («Канон ста сравнений»), выполненном в V в. н.э., есть следующая фраза<sup>3</sup>:

«Раньше было так — был *ван*, было родственное доверие, в армии был порядок, [люди готовы были] потерять жизнь, но выручить вана, поэтому был возможен *аньцюань*».

В данных примерах термин может быть переведён как «всеобщий мир» и «покой». Однако заметно, что понятие это вполне конкретное, по крайней мере, пишущему понятно, что должно быть реализовано, чтобы такой всеобщий мир был достигнут: должна существовать сильная и любимая народом центральная власть и должны соблюдаться традиции.

В ряде случаев термин используется в чжоуском значении «умиротворить пожалованиями», например, в *Нань ши* — «Истории южных [династий]», написанной в VII в. н.э., есть следующая фраза<sup>4</sup>:

<sup>1</sup> См.: Большой японско-русский словарь в 2 т. / Под ред. Н.И. Конрада. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1970. Т. 1. С. 438.

<sup>2</sup> Цит. по: Хань-юй да цыдянь... Т. I. С. 2000.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Ли Янь-шоу 李延壽. Нань ши 南史 (История южных [династий]) // Эр-ши у ши 二十五史 (Двадцать пять династийных историй). Т. I–XII. Шанхай:

«Суйский [император] Вэнь-ди, поскольку сыновей и младших братьев рода Чэнь было много, боясь, что [они] окажутся сильнее в столичной [округе], расставил всех их по отдельности [на посты] в провинциях и уездах, каждый год жаловал им одежду, чтобы *умиротворить* (курсив мой — С. Д.) их».

Таким образом, термин *аньцюань*, который в современном китайском языке используется для обозначения понятия «безопасность», имеет долгую и насыщенную историю в китайском языке. Он не выглядит инородным в китайском тексте, не относится к числу недавних заимствований, не является искусственным и ассоциируется с классическим письменным языком, что облегчает формирование на его базе любых конструкций («государственная безопасность», «безопасность на производстве», «безопасность личности», «международная безопасность», «глобальная безопасность» и т.п.).

Термин охватывает очень широкий круг понятий, связанных с миром, покоем, стабильностью, и поэтому, в принципе, его выбор для передачи смысла понятия «безопасность» можно признать удачным. Однако нужно учитывать и его особенности. Во-первых, в самой структуре (наличие знака *цюань* — «всеобщий, всеобъемлющий, всё»), а также в истории употребления термина в китайском языке заложены органичность и первоочерёдность передачи с его помощью представления о безопасности некоей совокупности людей — государства, общества или его весомой части — либо об обобщённой безопасности жизнедеятельности крупных сегментов населения, например, о безопасности всех работающих на производстве. Во-вторых, понятие «безопасность» в китайском языке теснее всего сочетается с некоторым набором правил, установленных свыше, — правил, которые следует соблюдать, чтобы пользоваться благами мирной жизни.

Необходимо заметить, что этот набор правил, как ни странно, распространялся не только на подданных. Император, при всем своём величии, сохранял сакральное право на власть только до тех пор, пока мог обеспечить своим подданным безопасность — покой, сытость, мир, плодородие земли. Если в стране начинались войны или стихийные

---

上海古籍出版社 Шанхай гу-цзи чубань-шэ (Шанхайское издание древних источников); Шанхай шу-дянь 上海书店 (Шанхайское книгоиздательство), 1986. Т. IV. Цз. 10. С. 35.

бедствия, неурожай, это служило явным признаком, что правитель потерял «мандат Неба» (*Тянь мин* 天命) — право на управление, и народ не только имел право, но и был обязан его свергнуть, чтобы посадить на престол достойного. Конечно, на практике далеко не каждое наводнение оканчивалось сменой императора, но, тем не менее, Китай, за свою долгую историю сменивший не один десяток династий, никогда не знал концепции «нести власти, еще не от Бога». Напротив, от Бога была только та власть, которая могла обеспечить покой и процветание стране, и никакая другая. Иначе говоря, в этой системе, крайне государственнической и анти-личностной, был заложен своеобразный механизм ответственности власти перед подданными — идея, что правитель обладает неким кругом обязательств перед народом, которые он не может не выполнять без риска лишиться трона. Эта ситуация была логичным следствием его божественного статуса, эксклюзивной связи с Небом. Почти тектоническая мощь крестьянской стихии, характерной для густонаселённого на всех этапах своей истории Китая, делала данный механизм вполне действенным. Это нужно учитывать и при анализе современного китайского государства.

### III

Вторым знаком, входящим во многие термины, связанные с безопасностью, является *бао* 保. Он тоже имеет очень давнюю историю в китайском языке, и, как и рассмотренный выше, встречается уже на шанских гадательных надписях. Пиктографически знак представлял собой изображение человека, который несёт на спине ребёнка<sup>1</sup>, и, соответственно, имел значение «защищать»<sup>2</sup>. Трудно не согласиться, что вряд ли можно придумать символ, который бы лучше демонстрировал суть защиты, зависимость защищаемого от защищающего, и, при этом — глубокую естественность защиты более слабого более сильным. Надо сказать, что уже в шанское время, судя по всему, знак имел и значения, связанные с религиозными воззрениями шанцев, а именно, обозначал духа-защитника, обычно предка правящего дома, которого молили о том, чтобы он так же заботился о своих потомках, как родитель о младенце.

---

<sup>1</sup> В отличие от *ань* (см. выше), в современном написании знака эта этимология прочитана быть не может.

<sup>2</sup> См.: Grand dictionnaire Ricci ... № 8562: vol. IV. P. 855.

В правление следующей династии, Западной Чжоу, знак укрепился в своём глагольном значении — «защищать, охранять». Известно выражение *бао-гуй* 保簋, обозначавшее ритуальный сосуд, чьим назначением было обеспечить владельцу защиту предков<sup>1</sup>, что заставляет вспомнить об одном из шанских полей значений. Наконец, в это время знак приобретает отчетливое государственническое звучание — титул Да-Бао 大保, «Великий протектор, Великий защитник» был дарован основателем династии У-ваном своему брату Шао-гуну в благодарность за большие заслуги в основании государства и как пожелание на будущее<sup>2</sup>. Шао-гун вошёл в китайскую традицию как непревзойденно справедливый судья, мудрый правитель и исполнитель воли *вана*<sup>3</sup>. Титул Да-Бао передавался среди его потомков из поколения в поколение. При чжоуском дворе был и другой чиновник, в чьё наименование входил знак *бао* — *бао-ши* 保世 («Хранитель рода») (другое наименование — *Шэн-бао* 聖保, «Чудесный защитник») — воспитатель наследника престола<sup>4</sup>. В этом последнем примере трудно не увидеть отражения корневого значения знака, связанного с воспитанием детей, отмеченное, кстати, во многих письменных памятниках чжоуского времени наряду со значением «охранять, защищать». Это говорит о том, что этимология знака была вполне понятна и естественна для китайцев той эпохи, когда закладывались основы китайской цивилизации, культуры и языка.

В современном языке знак *бао* также является очень часто употребляемым. Основное поле его значений — «защищать, охранять, обеспечивать», с той спецификой, что чаще всего он используется в терминах, связанных с гарантией, обеспечением сохранности, страховкой и т.п. Он максимально удалён от абстрактных понятий, связан обычно с вполне конкретными вопросами<sup>5</sup>.

Интересно, что, как и в случае со знаком *ань*, произошла забавная трансформация глубинного «настроения» знака *бао*. Человеческое из-

---

<sup>1</sup> См.: Grand dictionnaire Ricci ... № 8562: vol. IV. P. 855.

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> См. о нём: *Сьма Цянь*. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. и комм. Р. В. Вяткина. М.: Наука, гл. ред вост. лит-ры, 1987. С. 84; *Ли Янь-шоу*. Указ. соч. Цз. 1–4. С. 287–288; Ши цзин. Книга песен и гимнов / Пер. А. Штукина. М.: Худож. лит-ра, 1987. С. 32.

<sup>4</sup> Grand dictionnaire Ricci ... № 8562: vol. IV. P. 855.

<sup>5</sup> См.: Большой китайско-русский словарь... № 8921: Т. III. С. 711–714.

мерение (дом, семья — в первом случае, забота о младенце — во втором) обоих знаков в современном языке почти не ощутимо, знаки вобрали в себя новые, изначально почти не присутствовавшие, смыслы: *ань* стал воплощать государственную и общественную безопасность, а *бао* — техническое обеспечение повседневной безопасности жизни, технического и экономического функционирования социума.

#### IV

Полно и органично передать терминами *аньцюань* и *бао* представление о безопасности личности как о **неотъемлемом праве** человека довольно сложно, поскольку в первую очередь они указывают на **обусловленное право** человека — право на безопасность как части социума — и на задачи государства по обеспечению более или менее комфортной жизни его подданным. Данный пример неплохо иллюстрирует этатистскую, антииндивидуалистскую сущность современного китайского государства и политического дискурса, равно как и преемственность этого дискурса традиционной китайской государственной философии, которая очень явно ощущается в современной КНР, несмотря на коммунистическую риторику.

Всё же, чтобы завершить статью на оптимистической ноте, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в древности, когда китайцы создавали свою письменность, знаки несли в себе наиболее глубинные представления их создателей о сути тех или иных понятий. И, как мы видели, глубинные представления о мире / покое и о защите слабого сильным (даже, скорее, ощущение того и другого) нашли своё выражение в образах домашнего очага, семьи и заботы о младенце. Можно ли представить себе что-то более естественное и, в то же время, что-то более личное, человеческое — такое, где нечего делать государству? Нет никакого смысла отрицать, что история китайской цивилизации пошла по пути, на котором очень многие категории и понятия стали прерогативой государства, не личности. Но сами знаки китайской письменности несут в себе яркие доказательства того, что это, возможно, не имманентная характеристика китайской цивилизации.

#### Дискуссия по докладу С. Дмитриева

**Колганова.** Есть большие вопросы, связанные с древностью письменности. Дега Витальевич Деопик доказал, что письменность в Китае появилась гораздо раньше, чем принято считать, его достижения признаны западным на-

учным сообществом. Китайские ученые тоже выделяют культуру Цзяпу, где уже в глубокой древности существовала протописьменность.

**Дмитриев.** Я знаю об исследованиях Деги Витальевича. Я не во всем с ним согласен, думаю, что признание его открытий западным научным сообществом тоже несколько преувеличено. Сейчас не хотелось бы на этом останавливаться. В любом случае, протописьменность и собственно письменность — это принципиально разные вещи. Да, есть ряд культур, о которых мы знаем, что они использовали значимые пиктографические знаки. Но это не письменность в полном смысле слова, письменность начинается именно с Шан.

**Абашин.** Есть ли в китайском термин «глобальная безопасность»? Какой знак используется для передачи этого выражения?

**Дмитриев.** Сейчас почти все подобные термины конструируются прежде всего на базе слова *аньцюань*, к которому добавляются соответствующие прилагательные. Термин «глобальная безопасность» передается выражением *шицзе аньцюань* 世界安全. Надо понимать, что всё это китайские знаки, каждый из которых имеет историю в языке, вполне оригинальную, но в передаче современных терминов они чаще всего представляют собой кальку западных терминов. Для китайцев эти термины, таким образом, часто не вполне понятны, так как не связаны ни с какими собственно китайскими концептами. Похожая ситуация, скажем, с термином «права человека», который вроде бы переводится на китайский язык вполне гладко, но при этом суть его, конечно, среднему китайцу совершенно неведома, требует подробных объяснений, выстраивания параллелей с жизненным опытом собеседника, конкретными ситуациями.

**Буданова.** В концепции безопасности Европейского союза один из важных моментов состоит в том, что безопасность — это достижение устойчивости, устойчивого развития. Есть ли подобные оттенки в китайской терминологии?

**Дмитриев.** Да, один из синонимов спокойствия, безопасности — *пинань* 平安, в котором знак *пин* означает «равенство, гармонию, равновесие, баланс». Так что семантически такие параллели можно найти.

**Микульский.** Сергей Викторович, вот мы слышали уже в предыдущих докладах, что понятие безопасности часто связано с процветанием. Устойчивое развитие предполагает достижение определённого уровня благосостояния, эти идеи связаны. Так ли это?

**Дмитриев.** Да, конечно. Как мы знаем, история Китая не раз проходила циклы, в ходе которых подъём государства сменялся анархией, дезинтеграцией и упадком. Когда государство вновь усиливалось, смута успокаивалась, быстро увеличивалось население, росли валовой доход, благосостояние. Поэтому в Китае покой автоматически синонимичен обогащению.

**Петрова.** А какие определения безопасности есть в китайских толковых словарях?

**Дмитриев.** Почти везде, насколько мне удалось найти, — «отсутствие опасности». Возможно, в данном случае за основу брались западные объяснения. Вообще в толковых словарях в Китае довольно мало объяснений и толкований — почти все поясняется через цитаты из классических текстов.

**Мещеряков.** А могли бы Вы определить антоним этому иероглифу *ань*?

**Дмитриев.** Думаю, это *луань* 亂 — хаос, мятеж, беспорядок.

**Мещеряков.** Я тоже так думаю. Мне кажется, что концепция безопасности в дальневосточном понимании означает отсутствие изменений, поддержание иерархического порядка. Безопасность состоит в том, что каждая вещь, каждый человек знает свое место и никуда не стремится. Как только он начинает стремиться свое место изменить, начинается хаос. В нашем понимании «всяк сверчок знай свой шесток» — это обидно. Я помню, как у нас смеялась советская пропаганда, когда Мао сказал что каждый человек — это винтик. А это, наоборот, совсем не смешно: каждый — в нужном месте.

**Попов.** Безопасность может быть в контексте политическом, национальном, в контексте национального государства — в каком контексте упоминается она в китайском языке?

**Дмитриев.** Понимаете, в традиционной китайской культуре Китай — это единственное государство, которое может таким называться, единственная цивилизация, а китайцы — это единственные люди, достойные называться людьми. Все вокруг — варвары, полное отсутствие всякого порядка. Порядок присущ только китайскому государству. Периоды смут возможны, но это именно ненормальность. Возможно, Китай именно поэтому смог пройти все очень длительные — до трёхсот-четырёхсот лет — периоды раздробленности и хаоса, власти кочевников. Вообще идея единого государства появилась не рано, даже в Восточном Чжоу это ещё далеко не мейнстрим. Но когда идея эта появляется, она уже никуда не уходит. Для китайца единое китайское государство — это обязательный атрибут личной безопасности.

**Попов.** А единое китайское государство — это мировое?

**Дмитриев.** Если говорить про имперскую идеологию, то любая империя — единственная. Так было и в Риме, и в Византии. Есть один император, а остальные — его покорные или непокорные вассалы. Но есть идеальное и реальное.

**Кириченко.** Я не думаю, что очень корректно считать, будто сильное государство — это абсолютный приоритет для любого исторического китайца. Ведь тут используются только имперские письменные источники, которые крайне некорректно отражают реальность, ощущения людей. Изучение поведения среднестатистических китайцев в условиях, когда можно было наблюдать, как они действуют без властных агентов, показывало, что они совсем не обязательно стремились к нахождению под властью императора.



**Дмитриев.** Естественно, власть императора хороша, пока всё хорошо. Начинаются засухи и наводнения, войны — и, значит, император «ненастоящий».

**Кириченко.** Всегда была масса эмигрантов-китайцев, которые покидали свою страну, уезжали в страны варваров, разрывали связи.

**Дмитриев.** Традиционная миграция всё равно всегда ощущала связь с Китаем.

**Кириченко.** Конечно, но всё было не так просто. Если бы было так, то на рубеже XIX–XX веков не было бы хуацяо, которые считали, что Китай погряз в предрассудках, и они, вместе с Британской империей, вернут его на путь истинный.

**Дмитриев.** Ну, новое время, влияние западной цивилизации — это уже немножко другое. Так и республиканцы появились. Вы правы в том, что повседневные мысли простого китайца XIII века нам неизвестны, мы не знаем, считал ли он государство гарантом безопасности. Но когда мы говорим о культурном коде китайской цивилизации, то мы говорим, прежде всего, об определённом корпусе текстов. Они представляют именно государственническую традицию, другой у нас нет. Возможно, средневековый китаец этого не знал, или, например, попадал под влияние этого кода через призму традиционной пьесы. Но современный китаец, чтобы он ни говорил о государстве, под влиянием этого кода находится.

**Панарин.** Мы можем, конечно, говорить, что были отклонения от кода, даже несогласие с ним, но источников, Алексей, у нас нет. В Индии эти источники есть, есть архивы, там был дан голос тем, кто обычно голоса не имел. В Китае этого, кажется, нет.

**Мещеряков.** Есть добавление, короткое. Тема очень важная. Нужно внести измерение, которое важно для Китая. В эту схему вмонтирована идея упадка династии и прихода другой. Это, как мне кажется, даёт огромные силы Китаю. Кто на Западе в конце XIX века мог ожидать, что этот обкуренный народ что-то когда-нибудь сможет? Это даёт исторический оптимизм. Вот у нас развитие линейное — и поэтому мы мгновенно впадаем в истерику: распад России, закат русской культуры, если это произойдет, то больше никогда ничего хорошего не будет и т.п. В Китае к этому относятся спокойнее.

**Дмитриев.** Я бы ещё отметил, что, с одной стороны, эта схема, конечно, замкнута на государство, ему даются абсолютные полномочия. Но, с другой стороны, правитель обязан поддерживать в своём государстве хорошую жизнь, иначе он потеряет право на власть. Как ни странно, тут заложен некий механизм ответственности власти перед обществом. И это влияет, в том числе влияет и на современную власть в Китае.

## О ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОМ СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА *АМАН*

*Мария Рудакова*

Общим для всех восточных народов, «отметившихся» своей философией и эзотерической культурой, является устремлённость в себя. Здесь действует негласное правило или техника: чем больше проблема, тем глубже проникновение в себя. Это позволяет настроить макрокосм на нужды микрокосма и при этом увидеть истинную суть вещей. Решение проблемы «для себя» обеспечивается пристальным анализом перемен, происходящих как внутри, так и вне индивида, когда он хочет понять и принять все положительные изменения и влиться в поток благоприятных космических энергий. Ведь известно — судьба не приносит ничего такого, что бы ты не просил. Желание управлять собственной судьбой является вовсе не «духовной прелестью», как сказали бы христиане, а естественным стремлением человека к непреходящим ценностям: счастью, здоровью, знанию и бессмертию, и эзотерические практики Востока центрированы на получении этих благ. Более того, восточные философы (например, в даосизме, некоторых тибетских учениях) настаивают на том, что именно в бессмертии души и тела заключается предназначение человека. Человек получает доступ к осознанию своих безграничных возможностей и сливается в этом знании с миром-абсолютом. Он может иметь, но не хочет вольностей и излишеств в западном понимании, поскольку знает иные, более тонкие удовольствия;

он погружается в себя, поскольку внутренний экстаз и нюансы духовной практики ему дороже мирских достижений. Суфизм и поэзия у арабов, даосизм у китайцев, философская традиция индусов и, отчасти, греков, являются проводниками к практике достижения счастья и гармонии с миром. «Срединный путь», «ничего слишком», аскетическая мудрость поэта — таковы заповеди мудреца, ключевой фигуры восточных культур.

Задачей востоковеда, на наш взгляд, является изучить архетип конкретного восточного мудреца, увидеть нюансы поиска единой цели — счастья и бессмертия. Исследуя данную проблему, нельзя не обратиться к предельным (ключевым) понятиям восточной, в данном случае, арабской культуры — к понятиям счастья, времени, судьбы и смерти и т.д. Какое место в её иерархии ценностей занимает понятие «безопасность»? Какова роль этого понятия, его связи с другими понятиями? Как только сетка культурных ценностей станет ясной для исследователя, арабист станет арабом, пропадет противоречие между предметом и объектом. Поскольку важным источником познания служит бескорыстная беседа с носителями эзотерической традиции, необходимо углубиться в размышления о ядре собственной либо любой другой культуры, которая близка исследователю, предельно развить какие-либо наблюдения над нею. Лучше всего завести / поддержать философскую беседу о целях и глубинных желаниях собеседника. Именно здесь высвечиваются различия / сходства культур. Если собеседник привык анализировать свои желания и возможности, он окажется интересен арабскому визави и сможет проникнуть в его внутренний мир, мир его культурной традиции. Арабы и находящиеся под влиянием их культуры народы / индивиды довольно часто и подробно рассказывают о своем внутреннем опыте, приводя красивые поэтические сравнения и метафоры, вскрывая тайные мотивы собственных поступков, а также поступков собеседника. Антропоцентризм арабской культуры особенно ярко встает в ходе бесед людей, находящихся на высоком личностном уровне развития. При этом задачей собеседника является исцелить, успокоить товарища, принести ему счастье (по-русски, как и по-арабски — соучастие).

Теперь — непосредственно о значении термина *аман*. Обычно арабы любят заниматься в разговоре лингво-философскими интерпретациями тех или иных слов, прибегая при этом к примерам из Корана,

арабской поэзии, суфийских сочинений и т.д. Большую роль для них играет и звуковой облик слова, что для не-араба представляет большое затруднение. Термин *аман* (امان) имеет несколько значений, в том числе переводится сейчас и как «безопасность». Важно, что он тесно связан со значениями «спокойствие», «уверенность», а также «вера» как *иман* (إيمان), когда имеется ввиду внутренняя потребность человека доверять судьбе, Богу, человеку, а не её внешнее проявление, которая определяется термином *дин* (دين).

Между верой *иман*, под которой стоит понимать безусловное доверие к благости бога и судьбы, и внутренним душевным спокойствием *аман* ставится знак равенства. Суфии считают, что задача верующего человека — возвратиться к Аллаху умиротворённым, успокоенным (*мутма'инн*). И, напротив, главным страхом человека считают «страх, что Аллах не вернёт человека самому себе». Спокойствие и уверенность в себе — вот основа, откуда произрастают все дальнейшие философские размышления, на которую нанизываются жизненные приключения араба, который, подобно англичанину в его стереотипном изображении, никогда не теряет контроля над ситуацией. Уверенность в себе, по сути, является его внутренней верой. Как считают суфии, религиозность заключается в совершении обрядов, светское знание — в накоплении информации, тогда как суфий — это человек, который пребывает в движении вокруг собственной оси координат.

Антропоцентризм арабской культуры несколько менее заметен в исламе, который, на наш взгляд, является некоей ширмой, маневром для введения арабов в мировую историю. Но это — особый разговор. Важнее всего то, что основу мировоззренческого кодекса араба по сегодняшний день составляет доисламская поэзия с её культом горделивой самодостаточной личности поэта, воина и мудреца, напоминающим возрожденческий идеал гармонично развитой личности. Понятие «безопасность» в данной традиции переносится из внешней плоскости во внутреннюю. Внешние проблемы решаются путём их познания и, соответственно, приобретения уверенности в каждой конкретной ситуации. В арабской политической литературе, к примеру, нет истерии по поводу западных угроз — есть беспристрастный анализ конфликта интересов отдельных блоков стран. Опасно непонимание сути, поэтому снятие проблемы безопасности происходит через всестороннее познание ситуации. Таким образом, вовсе не свобода как противоположность

рабству, а свобода как синоним знания / веры является основой этой культуры. Чем большую степень «свободы» в смысле уверенности человек постиг и собой олицетворяет, тем интенсивнее и универсальнее его способ познания мира. Если человек концентрируется на себе, для него снимаются многие внешние факторы, в первую очередь, фактор страха как некоей абстрактной угрозы. Все конкретное имеет решение, страх неизвестности — ложная проблема. Поэтому так важно вступить на путь спокойствия — путь освобождения от навязанных страхов и проблем — заглянуть внутрь собственных желаний и искать способ позитивного их осуществления.

«Не вижу зла, не слышу зла, не говорю о зле», — такова заповедь арабских мудрецов, которую приятно слышать, но довольно сложно исполнять.

## БЕЗОПАСНОСТЬ СОГЛАСНО КОРАНУ И СУННЕ

*Раиса Шарипова*

В арабском языке есть два слова, не просто имеющих по своему значению прямое и ближайшее отношение к представлению о безопасности, но и получивших специальное толкование в Коране. Это слово *амнун* (امن), производное от *амина* (امنأ) = «быть безопасным, быть спокойным», и слово *саляматун* (سلامة), производное от *салима* (ملس) = «быть благополучным, оставаться невредимым»<sup>1</sup>. Согласно кораническому тексту<sup>2</sup>, состояния, отображаемые *амнун* и *саляматун*, гарантируют, что, когда они будут достигнуты, будут покой в сердце человека, спокойствие, мир и безопасность — в домах людей, а в обществе — благосостояние и улучшения, ведущие к его процветанию.

Но этим отношение мусульманских священных текстов к безопасности не исчерпывается. В Коране и Сунне может быть выявлена целая концепция безопасности. Основывается она на трех группах аятов и хадисов, в которых речь идёт об отношениях между, говоря современным языком, различными субъектами безопасности: 1) между Богом и человеком, 2) между мусульманами, то есть единоверцами и 3) между мусульманами и иноверцами.

---

<sup>1</sup> Баранов Х. К. Арабско-русский словарь М.: Русский язык, 1976. С. 44–45, 370, 371.

<sup>2</sup> См., например: 2:125, 3:97, 14:35, 19:15, 6:127 и др.

Рассмотрим их в той последовательности, в какой они только что были перечислены.

## I

Наиболее типичную характеристику человека в культуре ислама передаёт слово *абд* (عبد) = «раб». Оно непосредственно связано с однокоренным словом «ибада» (عبادة), означающим «поклонение»<sup>1</sup> Поклонение, таким образом, — это то отношение, которое связывает человека как раба и Аллаха как господина. Но раб в данном случае не является рабом в социальном плане — «закрепощённым» или «несвободным»<sup>2</sup>. Он добровольно поклоняется Аллаху (или, шире, почитает Его), выполняя Его установки, такие, например, как намаз (ежедневная пятикратная молитва), пост, закят (очистительный налог), хадж (паломничество в Мекку), помощь близким, сиротам, бедным, странникам, просящим милостыню, выполнение взятых на себя обязательств, а также терпение в нужде и несчастье. Добросовестное и искреннее соблюдение этих и других предписаний Аллаха, согласно Корану и Сунне, оградит верующего от наказаний и станет гарантом его безопасности и в этом, и в потустороннем мире. В Коране сказано<sup>3</sup>:

«Воистину, благочестивые будут в безопасном месте» (44:51).

«Там они будут заказывать всякие плоды, будучи в безопасности» (44:55).

В Коране и Сунне подчеркивается: чем выше цель, тем весомее должны быть принесённые ради её достижения жертвы. В этих основных священных текстах ислама выработан такой код поведения, при котором человек готов приносить в жертву свои собственные чувства и эмоции из уважения к чувствам и эмоциям других людей. Отмечается, что человек обязан стоять на собственных ногах и уберечь себя от зависти к благосостоянию других. Он должен заботиться о родителях, престарелых людях и детях, помогать нуждающимся и при этом до-

---

<sup>1</sup> Баранов Х.К. Указ. соч. С. 494.

<sup>2</sup> Смирнов А.В. Мусульманская этика как система. Доступно на: <http://iph.gas.ru/page46524605.htm>, последнее посещение 15.05.2012.

<sup>3</sup> Здесь и далее цитируемые в тексте аяты приводятся в авторском переводе. См.: Коран. Перевод на русский язык У.З. Шарипова, Р.М. Шариповой. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2009.

вольствоваться тем, что имеет. Короче говоря, для установления мира и безопасности на любом уровне, следует, согласно Корану и Сунне, сначала обеспечить в обществе высокие нравственные качества: справедливость, правдивость, честность, щедрость, верность данному слову, терпение и т.д.

Вот некоторые примеры, свидетельствующие о том, о каком коде поведения идет речь. В одном из хадисов говорится, что однажды Пророк, обращаясь к представителям своей *уммы* (общины) сказал<sup>1</sup>:

«Пообещайте мне выполнить шесть вещей, чтобы я смог просить для вас рай (то есть безопасное место; здесь и далее поясняющие вставки в круглых скобках сделаны автором статьи. — *Р. Ш.*): первое — говорить только правду, второе — держать свое слово (выполнять обещанное), третье — отдавать долг, четвёртое — жить в благочестии, пятое — защищать свой взор от греховного, шестое — не приближаться к запретному».

Кроме того, пророк Мухаммад научил мусульман золотому принципу: желай для брата своего того же, что желаешь для себя, ибо отсутствие мира и безопасности происходит из-за неуспокоенности сердец<sup>2</sup>. Такая неуспокоенность возникает всякий раз, когда человек чувствует себя обделённым, угнетённым и униженным и не верит в возможность справедливости, когда расширяется пропасть между богатыми и бедными, когда человек сознаёт отсутствие равных возможностей для развития, когда власть имущие вмешиваются в его верования и когда одно государство старается доказать свое превосходство над другим, под видом помощи стараясь завладеть богатствами соседей.

Как отмечают сами мусульманские мыслители, трудно жить согласно предложенному Пророком золотому принципу — желать для других того же, что желаешь себе; но когда он забывается, это (как и многое другое) ведёт к утрате людьми мира и безопасности.

## II

Согласно Корану и Сунне, во имя безопасности отношения между верующими мусульманами должны строиться на основе принципов

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Топбаши, Осман Нури. Путь сердца*. М: Издательская группа САД, 2010. С. 46.

<sup>2</sup> Там же. С. 121.



единства, братства и справедливости. В значительной степени это касается отношений между представителями двух основных направлений в исламе — шиитами и суннитами.

Ислам, по общему убеждению мусульман, призван способствовать благополучию людей, а благополучие каждого, как и благополучие уммы в целом, возможны только при условии единства в рядах верующих, в первую очередь среди последователей шиизма и суннизма. Коран призывает мусульман жить в мире и согласии, о чём прямо говорят следующие аяты:

«Воистину, верующие — братья. Поэтому мирите ваших братьев» (49:10).

«А если две группы среди верующих будут воевать между собой, то помирите их. Если же одна из них окажется несправедливой в отношении другой, то боритесь против той, которая несправедлива, пока она не обратится к Повелению Аллаха. Но если она обратится, то помирите их по справедливости. И действуйте беспристрастно, ибо Аллаху угодны беспристрастные!» (49:9).

Вопрос о необходимости сближения суннитов и шиитов стоит давно. Еще в начале XX века об этом писал известный татарский ученый богослов и просветитель Муса Бигиев<sup>1</sup>. В 1960-е годы с инициативой такого сближения выступил известный иранский аятолла Баруджерди. В египетской газете «Аль-Гумхурия» было опубликовано его обращение к тогдашнему ректору университета «Аль-Азхар» шейху Шальтуту с призывом постараться решить эту проблему<sup>2</sup>. Но до сих пор она не решена, до сих пор находится в стадии обсуждения. В наши дни активным сторонником её решения выступает иранский богослов аятолла Али Тасхири, справедливо утверждающий, что расхождения между суннитами и шиитами по отдельным богословским вопросам малозначительны по сравнению с злободневными проблемами, стоящими перед исламским миром, которые надо решать сообща. Например, противостоять стремлению США установить господство над всем миром, противостоять широко распространенной в мире исламофобии, оказы-

---

<sup>1</sup> Бигиев, Мусса Джаруллах. Избранные труды в двух томах. Т. 1. Казань: Татарское книж. изд-во, 2005. С. 22.

<sup>2</sup> Аль-Гумхурия, Каир, 1965, февраль.

вать помощь бедным странам, содействовать решению палестинской проблемы и т.д. По словам аятоллы Тасхири, Коран призывает к единству в практических вопросах, при этом утверждая свободу в области мышления и допуская различие мнений<sup>1</sup>.

Сближение разных *мазхабов* (богословско-юридических школ в исламе) также не означает растворения одного в другом или ликвидацию одного из них и ни в коем случае не предполагает нападок представителей одного мазхаба на представителей других. В поисках общих точек соприкосновения сторонники различных мазхабов должны придерживаются следующего аята:

«Обратитесь к Слову одинаковому для нас и для вас» (3:64).

Единство мусульманской общины считается одной из её отличительных особенностей, её раздробленность означает, что она эту особенность утратила. Осуществление единства на практике — поистине стратегическая задача мусульман<sup>2</sup>. В Коране звучит одинаковое обращение ко всем мусульманам («О вы, которые уверовали...»); говорится о единстве лозунгов, единстве исполняемых обрядов, но также и о единстве врагов перед лицом ислама; подчёркивается значение принципа единства как такового; и в нём есть аяты, призывающие мусульман к единству ради их собственной безопасности. Вот только два примера, подтверждающих сказанное выше:

«Воистину, этот ваш народ — единый народ, и Я — ваш Господь. Поэтому поклоняйтесь Мне!» (21:92).

«Те же, что не уверовали, — одни из тех, что близки к тем другим. Если вы этого не сделаете, тогда случится раздор на земле и великая смута» (8:73).

### III

Коран и хадисы указывают путь, по которому надлежит идти правоверным всегда и везде, в мире и войне, в дружбе и вражде — и в сопротивлении тем, кто расходится с ними в религии.

Этот путь вкратце сводится к следующему. Тем, кто расходится с мусульманами в вере, но не наносит им вреда, а протягивает руку

<sup>1</sup> Изложено по: Минарет ислама. М.: Медина, 2009. № 3–4, с. 23.

<sup>2</sup> Изложено по: Минарет ислама... С. 23–24.

мира и дружбы, мусульмане должны отвечать миром на мир и безопасностью на безопасность, сотрудничать с ними в благочестии и богобоязненности:

« Не запрещает вам Аллах в отношении тех, которые не сражались против вас из-за вашей веры, не изгоняли вас из ваших домов, оказывать им благодеяния и поступать с ними справедливо. Воистину, Аллах любит справедливых» (60:8).

Известный комментатор Абдулла Юсуф Али так толкует этот аят<sup>1</sup>:

«Даже по отношению к неверующим мы должны быть приветливы и справедливы, если они не стремятся уничтожить нашу веру, это показал нам Пророк своим собственным примером».

Другой комментатор, Дарйабади, предлагает следующее объяснение<sup>2</sup>:

«Справедливость в абсолютном смысле есть долг по отношению ко всем творениям Аллаха, каких бы религиозных убеждений они ни придерживались».

Что же касается тех, кто наносит вред мусульманам, их убеждениям, их общим интересам, то Коран призывает защищать в этом случае себя и свои права:

«Аллах запрещает вам дружить только с теми, которые из-за веры воевали с вами, изгоняли вас из ваших жилищ и другим помогали изгнать вас. Те, которые с ними дружат, — те нечестивые» (60:9).

Вот что пишет по поводу данного аята известный пакистанский ученый богослов Маудуди<sup>3</sup>:

«Здесь поясняется, что истинная причина разрыва с неверующими заключается в их вражде к исламу и деспотизме по отношению к мусульманам. Поэтому мусульмане должны делать различие между враждебно настроенными неверующими и теми, кто не испытывает к ним вражды, и хорошо относиться ко всем, кто хорошо относился к ним».

---

<sup>1</sup> Значение и смысл Корана. М.: Сауримо, 2002. Т. 4. С. 393.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

А египетский ученый Кутб дает такой комментарий<sup>1</sup>:

«Это основное правило для отношений исламского государства с другими государствами. Мирные отношения являются нормой. Они прекращаются, если исламское государство подвергнется военному нападению, если существует опасение, что мирный договор будет нарушен другой стороной, что само по себе является угрозой нападения, или если свобода веры будет насильственно ограничена, что является нарушением прав человека. Во всех прочих случаях отношение мусульман к другим людям основывается на мире, дружбе, благорасположенности и справедливости. Мусульманин живет на земле ради своей веры. Эта вера определяет его отношение к людям и его окружению. Он не сражается за свои интересы и никогда не ведет борьбу, руководствуясь расизмом или национализмом, на основе племенной или семейной розни. Он борется за победу слова Аллаха (то есть справедливости и милосердия)».

Коран радеет об установлении мира, безопасности и благоденствия среди всего человечества, обязывая к этому же мусульманскую умму в её взаимоотношениях с теми, чьё поведение расходится с шариатом. Он повелевает мусульманам предоставлять приют тем, кто просит его у них, обеспечивать безопасность тем из иноверцев, кто достоин её. Об этом свидетельствуют следующие аят:

«И если кто-либо из многобожников попросит у тебя (Мухаммад), убежища, то приюти его... Затем доставь его в безопасное для него место...» (9:6).

В комментариях к данному аяту, принадлежащих Абдулле Юсуфу Али, сказано<sup>2</sup>:

«Даже среди активных противников ислама могут найтись люди, нуждающиеся в защите. Им надо дать убежище и возможность слушать слово Аллаха. Если они его примут, то станут мусульманами и единоверцами. Если же они не найдут пути к исламу, им нужна защита 1) от воинов мусульман, ведущих войну против их народа, и 2) от их соотечественников, которых они оставили. Надо дать им эту защиту и доставить их в надежное место. Эти люди только по незнанию находятся на ложном пути, и в них может быть много хорошего».

---

<sup>1</sup> Значение и смысл Корана. М.: Сауримо, 2002. Т. 4. С. 393.

<sup>2</sup> Там же. Т. 2. С. 8.

Согласно исламскому учению, наилучшая безопасность та, что распространяется среди какого-либо народа, сопровождаясь добром, развитием, прогрессом и благоденствием.

Коран предписывает мусульманам по-особому относиться к людям Писания (*ахль аль-Китаб*), то есть к христианам и иудеям, вести с ними конструктивный диалог. Об этом сказано следующим образом:

«Призывай мудростью и благим увещанием к Пути Господа, и веди спор с ними тем, что является лучшим» (16:125).

«Мы уверовали в то, что ниспослано нам (Коран) и ниспослано вам (Библия). И наш Бог и ваш Бог — Един, и Ему мы покоряемся» (29:46).

Аяты Корана говорят о человечестве как о единой по происхождению семье:

«О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и создал из неё пару ей и от них обеих распространил много мужчин и женщин. И бойтесь Аллаха, от имени которого вы взываете друг к другу, и бойтесь Его в отношении ваших родственных уз» (4:1).

Хадисы также подчёркивают единство людей по происхождению. Согласно им, Пророк говорил своим сподвижникам, что «человек человеку брат, нравится ему это или нет»<sup>1</sup>, а в своей речи во время Прощального паломничества призывал к человеколюбию<sup>2</sup>:

«О люди! Поистине, ваш Господь Един. Поистине, вы имеете одного праотца. Все вы произошли от Адама. Адам сотворен из праха. Поистине, лучший из вас перед Аллахом — наиболее богобоязненный. Араб не лучше неараба, если только он не более богобоязненный».

Кораническая установка о братстве людей нашла отражение в «Исламской декларации прав человека», принятой Организацией Исламская Конференция в 1990 году<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> *Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф*. Хадисы и Жизнь. Пророк, явившийся миру милостью. Т. 19. Ташкент: Глав. ред. изд.-полиграф. акционерной компании «Sharq», 2011. С. 540.

<sup>2</sup> Там же. С. 541.

<sup>3</sup> См. её текст: <http://www.worldislamlaw.ru/archives/138>.

## IV

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в Коране и Сунне последовательно утверждаются идеи мира и безопасности. Тем самым опровергаются раздающиеся в адрес ислама обвинения в жестокости и воинственности, в том, что он распространялся исключительно посредством меча и насилия. Исламофобы ссылаются при этом на аяты, призывающие к борьбе с неверными, либо лукавя при этом, либо демонстрируя полное незнание основных источников ислама.

Дело в том, что аяты Корана делятся на универсальные и безусловные по своему значению и на связанные с определёнными историческими событиями, с определённым отрезком времени. Последние при их истолковании и использовании обязательно должны соотноситься с обстоятельствами этого времени. Аят о борьбе с неверными был направлен против арабов-многобожников, преследовавших Пророка и его последователей за призыв к исламу. Первые мусульмане подвергались не только гонениям, но и пыткам: их бросали на горячий песок и острые камни, жгли раскалёнными углями, убивали самыми варварскими способами. В течение двух с половиной лет Пророка и его сподвижников осаждали и подвергали бойкоту, так что им приходилось выдерживать многодневный голод. После переселения верующих из Мекки в Медину неверные решили уничтожить их силой оружия — начали против них войну. Только тогда Аллах позволил мусульманам защищать себя, когда жестокость против них перешла всякие границы. Вышеупомянутый аят был ниспослан на том основании, что если мусульмане не ответят на агрессию со всей решимостью, то не только будет уничтожен Ислам, но и ни одна другая религия единобожия не будет чувствовать себя в безопасности:

«И если бы не защита людей Аллахом одних от других, тогда были бы разрушены кельи, церкви, синагоги и мечети, в коих многократно поминается имя Аллаха...» (22:40).

Абдулла Юсуф Али следующим образом комментирует этот аят<sup>1</sup>:

«Разрешение благочестивым людям обороняться от жестоких и злых людей полностью оправдано, тем более тогда, когда маленькая мусульманская община была вынуждена бороться против курайшитов

---

<sup>1</sup> Значение и смысл Корана. М.: Сауримо, 2002. Т. 3. С. 30–31.

не только за собственное существование, но и за сохранение веры в Единого Аллаха. Как и у курайшитов, у них должно было быть право жить в Мекке и поклоняться Аллаху в Каабе; но из-за своей веры они были вынуждены подвергнуться изгнанию. Речь шла не просто о вере одного какого-то народа. Принцип, который был затронут, касался любого поклонения — иудейского, христианского, равно как и мусульманского, и всех созданных для этих целей учреждений».

Подытоживая, можно сказать, что ислам в том виде, в каком он предстаёт в священном писании и священном предании, заслуживает названия религии мира и безопасности, а обвинения в том, что он каким-то образом даёт санкцию на террористические акты, совершенно безосновательны. Коран утверждает: убийство одного невинного человека равносильно убийству всего человечества (5:32).

### Дискуссия по докладу Р. Шариповой

**Борисова.** У меня сложилось ощущение, что безопасность приравнивается в данном случае к миру. Это установка Корана?

**Шарипова.** *Салам*, как я уже говорила имеет значения «безопасность», «мир», «спокойствие», «покой» и т.д.

**Абашин.** *Салам* как концепция не безопасности, а мира, спокойствия, уравнивания подразумевает сообщество всех мусульман... Мы понимаем, что существует не только сообщество, а существует государство, которое пытается формулировать, так или иначе, свой идеологический, политический язык со ссылками на ислам, Коран, с явными и неявными оценками. И здесь возникает противоречие этого государственного суверенитета, понимания себя как отдельной страны, отдельного мусульманского народа, с понятием уммы — мусульманского сообщества вообще. Как это противоречие решается на уровне языка, осмысляется ли оно? В чём оно проявляется именно применительно к слову «безопасность»? Государство, когда пытается каким-то образом говорить языком безопасности, оно всегда пытается сформулировать набор опасностей и набор средств, которыми оно борется с опасностями. Мусульманское государство, которое мыслит себя мусульманским, оно всё-таки говорит языком западным, просто перенимает западную триаду «государство — опасность — безопасность», переводя её либо буквально, либо не буквально, используя какие-то термины из своей традиции? Или же оно пытается использовать сугубо исламский язык, исламское богословие?

**Шарипова.** На мой взгляд, и западным языком пользуются, и ссылаются на собственные исламские традиции, на исламские источники.

**Абашин.** Но ведь при этом возникает противоречие, когда пользуются разными языками. Или как раз противоречия не возникает? Все довольны тем, что в одних случаях говорят одним языком, в других — другим, в третьих случаях — третьим?

**Шарипова.** Какое-то противоречие, конечно же, возникает

**Панарин.** Яркий пример с Ливией. Когда исламские страны поддержали Запад — да и сейчас, когда они исключили Сирию, — ведь фактически они апеллировали к тем ценностям, которые принадлежат западному миру. Они ссылаются на нарушение прав человека и т.д., в этой ситуации они используют не каноническую традицию. Тем более, что в ситуации с Каддафи вообще было сложно со ссылками, как, впрочем, и с Баширом Асадом. Это же светский режим, который принципиально, хотя и не совсем, дистанцировался от ислама. По крайней мере, это совсем другой уровень соотношения власти, религии и государства, чем скажем в Саудовской Аравии. В этой ситуации удобно не апеллировать к традиционным доказательствам, традиционным ценностям, а взять универсально принятые схемы. А универсальные они хотя бы потому, что с ними все считаются. Они уже есть. Когда появляется национальная буржуазия, нация становится неразтворимой, она остается навсегда. То есть, когда появляются люди, которые осознают наличие особой этничности как политической сущности, всё, конец, никакой ассимиляции не будет. История так показывает. Так и здесь, западные ценности, раз они вошли, их может другой мир отторгать, спорить с ними, но они универсальны в смысле воздействия. Исключили Сирию, поддержали действия Европейского союза в Ливии, но не ссылками же на Коран это делалось.

**Микульский.** Арабские страны, которые более или менее светские, используют дискурс светский, заимствованный с Запада. Например, такая абсолютная «несветская» мусульманская страна как Иран, имеющая очень мощное радио-телевещание на арабском языке, тоже выступает против того, что происходит в Сирии. Им не нравится сирийский режим. Используют они аргументацию сугубо религиозную, потому что объявляют сирийского президента несправедливым властителем, сравнивают его с фараоном, который убивает своих подданных и т.д. Но вопрос о том, насколько это правда, насколько информация, поступающая в СМИ, соотносится с реальностью сирийской — это вопрос сложный...

**Абашин.** Но ведь они должны апеллировать к исламу!

**Микульский.** Нет, не должны, потому что сирийский режим нынешний по определению светский и националистический, претендует на то чтобы опираться на все религиозные общины, хотя реально-то во многом действует через опору на одну общину. Безусловно, он в то же время подвёрстывает религиозных деятелей, как суннитских, так и православных, которые изо всех сил стараются его поддержать. Кстати, большинство христиан сирийских — православные.



**Филатов.** Наша дискуссия развивается таким образом, что складывается впечатление, что в исламе безопасность оказывается более узким понятием, нежели в Китае, касается только проблемы войны и мира, конфликта. Так ли это?

**Микульский.** Почему «более узким»? Наоборот! Более широким!

**Панарин.** Спокойствие тоже прозвучало.

**Филатов.** Спокойствие потом мы тоже расшифровывали в терминах конфликта. И ещё спокойствие подразумевает вещи, связанные с благосостоянием, гражданским порядком, — то, о чём много говорилось в связи с Китаем и Монголией.

**Абашин.** Насколько синонимичны термины «безопасность» местные, традиционные и термины, взятые из ислама? Насколько уместно ставить их в один ряд? Это понятия разные, для разных ситуаций? Или мы, кто-то ставит их в один ряд и говорит, что это одно и то же?

**Шарипова.** Судя по значению, *ас-салям* как безопасность и как мир — это синонимичные понятия.

**Колганова.** Корень этот очень древний. В аккадском языке есть корень, к которому восходит данный арабский термин, и там он имеет изначально корпус значений, связанный со значением «находиться в дружеских отношениях, быть дружественным». Мы об этом будем завтра говорить.

**Абашин.** В каждой культуре, в каждой религии есть свои термины, которые означают состояния безопасности. Насколько оправдано термины, имеющиеся в разных культурах, в странах с разной историей, используемые в разных контекстах, вводить в смысл понятия «безопасность», которое всё-таки мы понимаем посредством господствующего, универсального, доминирующего языка Запада? Насколько мы правильно это делаем?

**Колганова.** Не бывает государства без культуры. И такого, которое каким-либо образом не думало бы о проблеме безопасности. Сегодня прозвучало — и не один раз, что в культуре может не существовать лексемы, которую мы сегодня с вами условно называем «безопасность», но концепция присутствует обязательно, и эта концепция может быть выражены другими самыми разными лексемами.

**Абашин.** Не только лексемами, но и другими смыслами.

**Колганова.** И смыслы эти могут быть намного шире.

**Абашин.** Но дело-то в том, что мы может сравнивать смыслы, только переводя термины — один в другой. И в момент перевода происходят искажения. Когда термин «безопасность» распространяется, он становится политическим и международно-правовым, все вынуждены принимать смыслы, предписываемые языком, на котором западные господствующие классы, страны говорят. Не западные страны должны переводить его на свои языки. Некоторые просто придумывают какое-то слово. А иногда берут не точное соответ-

ствии, потому что его нет, а что-то близкое по значению. Не может быть, чтобы не произошло при этом искажения.

**Панарин.** Правильно. Собственно, именно об этом наш семинар. Вспомните подзаголовок в его названии: «Опыт разных эпох и культур». Мы заранее исходим из предпосылки, что в разных культурах что-то близкое, что-то похожее есть, но есть ещё несовпадающие оттенки смыслов, которые к тому же могут проявляться в разное время по-разному. И, кроме того, мы вправе предположить, что с течением времени в разных культурах смыслы и оттенки менялись, менялись тоже по-разному — и в сторону сближения, и в сторону расхождения.

**Дмитриев.** Сначала надо попробовать в каждой культуре найти собственное понятие, наиболее близкое по смыслу «безопасности». А потом посмотреть, что реально для конкретного языка означает сейчас использование перевода «безопасности».

**Панарин.** Второе без первого невозможно, потому что если «своё» есть, оно влияет и давит, а если «своего» этого не было, это тоже колоссальный воздействующий фактор, потому что нет защитной реакции восприятия «чужого» слова.

## ПОНЯТИЕ *АМАН* В АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

*Дмитрий Микульский*

Совершенно справедливо утверждение, согласно которому «безопасность» является понятием, появившимся в новоевропейской правовой культуре. Но с полной определенностью можно утверждать и другое: своеобразное понимание безопасности, выраженное термином *аман* (أمان) и соответствующей практикой, присуще также и мусульманскому праву (шариату). Согласно этому праву, *аман* — это акт предоставления мусульманами во время войны врагу-немусульманину гарантий безопасности его жизни и имущества<sup>1</sup>.

Термин отсутствует в Коране, однако встречается в посланиях пророка Мухаммада и Праведных халифов и получил весьма детализированную разработку в шариате. Исследователи шариата полагают, что как правовое установление *аман*, с одной стороны, восходит к Юстинианову кодексу, обобщившему главнейшие принципы позднеимперского права, а с другой — к принципу *дживар* (جوار)<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Schacht J. Aman // The Encyclopaedia of Islam. CD ROM Edition.*

<sup>2</sup> *Дживар* — покровительство и защита, оказываемые иноплеменнику в данном бедуинском племени, в соответствии с обычным бедуинским правом. Этот обычай известен с доисламских времен. См.: *Lecerf J. Djiwar // The Encyclopaedia of Islam. CD ROM Edition; Негря Л.В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V — VII вв. М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1981. С. 72–75.*

## I

Из арабских исторических сочинений мы знаем, что предоставление амана широко практиковалось не только в ходе войн с иноверцами, но и во время междоусобных (так называемых гражданских) войн, которые неоднократно разгорались на территории Халифата между самими мусульманами в VII — VIII веках<sup>1</sup>, а также в более поздних конфликтах. Причем, увы, исторически зафиксированы случаи неоднократного нарушения первоначально данных гарантий безопасности.

Настоящий текст призван проиллюстрировать эти положения фактами, почерпнутыми из составленной нами «Базы данных тем и мотивов арабо-мусульманских династийных хроник IX — X веков (“сухие” (сжатые) сообщения)», вывешенной на сайте Института востоковедения РАН в разделе «Публикации. Проекты».

База данных представляет собой будущий указатель тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X веков — эпохи, когда происходило становление средневековой арабской историографии. Данный постоянно пополняемый указатель ограничивается темами и сюжетами, касающимися истории мусульманской общины, не охватывая тем и сюжетов, относящихся к истории домусульманской. Хроники — сочинения, в которых история мусульманской общины представлена в соответствии с периодами правления государей: первоначально пророка Мухаммада, затем халифов. Категория «арабо-мусульманские династийные хроники» обнимает сочинения, составленные не только мусульманами, но и историками-христианами, жившими в странах Халифата и писавшими по-арабски.

В рассматриваемой базе данных фиксируются темы и мотивы, почерпнутые из следующих основных хроник данного жанра, составленных в IX — X веках (табл. 1).

Для регистрации каждого сообщения (*хабар*) в базе данных отводится отдельная электронная карточка.

Понятное дело, что отобранные факты, касающиеся главным образом событий, происходивших в VII — IX вв., никоим образом не претендуют на полноту. Однако они, безусловно, представляют собой весьма интересный и репрезентативный пласт исторической информации.

---

<sup>1</sup> См. об этом, например: *Грюнебаум Г.Э. фон*. Классический ислам. 600–1258. М. Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1986. С. 57–60, 68.

Таблица 1

**Использованные хроники: издания, арабские названия  
и их символические обозначения в статье**

Издание хроники	Арабское название	Символ
[Ибн Кутайба]. Китаб ал-ма‘ариф ли-Ибн Кутайба Аби Мухаммад ‘Абдаллах ибн Муслим (213 х. (828 м.– 282 х. (889 м.). Хаккаках ва каддам лах Сарват ‘Уккаша. Каир: Матба‘ат Дар ал-кутуб, 1960.	<i>Китаб ал-ма‘ариф</i>	КМ
Abu Hanifa ad-Dīnawerī. Kitāb al-ahbār at-tiwāl. Publié par V. Guirgass. Leiden: E.J. Brill, 1888.	<i>Китаб ал-ахбар ат-тивал</i>	КАТ
Та‘рих ал-Йа‘куби. Т. 2. Бейрут: Дар Садир, б.г.	<i>Та‘рих ал-Йа‘куби</i>	Т
The Book of Creation and History . By Motahhar b. Tahir al-Maqdisi, sometimes regarded as the work of Abu Zaid Ahmad B. Sahl al-Balkhi. Edited by Prof. Cl. Huart. Offset reproduction from the Publications de l’École des langues orientales vivantes, Paris, 1899. Vol. 4 — 6. Teheran: M. H. Asadi’s Publications Series, no. 3.	<i>Китаб ал-бад’ва-т-та‘рих</i>	КБТ
Kitab al-‘Unvan. Histoire universelle. Écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj. Éditée et traduite par Alexandre Vasiliev, Professeur à l’Université de Dorpat (Юрьевъ). Second partie (II) // Patrologia Orientalis. T. VII. Fascicule 4. Firmin-Didot et Co Primeurs-Éditeurs. Librairie de Paris 56, Rue Jacob, [1912].	<i>Китаб ал-‘унван</i>	КУ
Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Pars posterior ... Conjuncta opera ediderunt L. Cheicko s.j., B. Carra de Vaux, H. Zayyat. Beryti — Parisiis — Lipsiae. E Typographeo Catholico — Carolus Poussielgue, Bibliopola; 15, Rue Cassette, 15 — Otto Harrassowitz, MDCCCXCIX.	<i>Китаб ат-та‘рих ал-маджму‘ ‘ала-т-тахкик ва-т-масдик</i>	ТМ

## II

Всего среди рассмотренных нами материалов было зафиксировано 23 случая предоставления амана. Примечательно, что 21 случай из них относится к конфликтам и проблемам, возникавшим внутри му-

сультманской общины, и только два случая — к войнам с внешними врагами.

В десяти случаях из отмеченных двадцати трех предоставленные гарантии безопасности соблюдаются. Среди них наиболее частотными (пять случаев) оказываются такие, когда некий бунтовщик против законных властей просит помилования и получает его<sup>1</sup>. Остальные пять случаев имеют отношение к следующим ситуациям.

1. Сподвижники убитого вождя-бунтовщика просят помилования, получают его и остаются живы<sup>2</sup>.

2. Командующий правительственными войсками предлагает аман и дарует привилегии некоему бедуинскому вождю<sup>3</sup>.

3. Командующий войсками, поддерживающими новую династию халифов (Аббасидов), дает аман вождю войск предыдущей халифской династии Омейядов (это происходит в середине VIII в.)<sup>4</sup>.

4. Военачальник второго мусульманского (Праведного) халифа ‘Омара б. ал-Хаттаба (634–644) ‘Аббад б. ‘Асим дает аман жителям сирийских городов и таким образом подчиняет мусульманам большую часть Сирии<sup>5</sup>.

5. Халифский военачальник, даровав аман бунтовщикам, восстанавливает государственный контроль над некоей территорией (Азербайджаном)<sup>6</sup>.

В восьми случаях дарованный было аман оказывается нарушенным. При этом в трех случаях некий мятежник просит гарантий безопасности, сдается и гибнет от рук вероломных победителей<sup>7</sup>. Два

<sup>1</sup> КУ. С. 255, 271; КАТ. С. 372; КМ. С. 390; ТМ. С. 76–77.

<sup>2</sup> КАТ. С. 319. В данном отрывке повествуется о сдаче войскам омейядского халифа ‘Абд ал-Малика б. Марвана (685–705) сторонников брата «антихалифа» ‘Абдаллаха б. аз-Зубайра Мус‘аба б. аз-Зубайра.

<sup>3</sup> Т. Т. 2. С. 497. Упомянутое событие произошло при аббасидском халифе ал-Муста‘ине (862–866).

<sup>4</sup> Там же. С. 353

<sup>5</sup> КУ. С. 216.

<sup>6</sup> Т. Т. 2. С. 486–487. Упомянутые события произошли в правление аббасидского халифа ал-Мутааккила (847–861).

<sup>7</sup> КБТ. Т. 6. С. 99–100 (алид Йахйа б. ‘Абдаллах сдается на аман Харуну ар-Рашиду, командовавшему войсками своего брата халифа ал-Хади (785–786), после жестоко убит победителем); Т. Т. 2. С. 461 (такая же судьба постигла

сообщения разных источников касаются одного и того же события: аббасидский военачальник соблюдает принцип амана в отношении сдавшихся омейядских воинов, однако казнит своих земляков-хорасанцев, воевавших на стороне павшей халифской династии Омейядов (середина VIII века)<sup>1</sup>.

Остальные три случая касаются следующих ситуаций.

1. Арабо-мусульманский военачальник дает аман армянским вельможам. Когда же те, поверив ему, собираются в некоем храме, сжигает их<sup>2</sup>.

2. Омейядский военачальник, воевавший против сторонников новой династии, Аббасидов, просит амана. Получает обещание безопасности, сдаётся, и победитель убивает его (середина VIII века)<sup>3</sup>.

3. Аббасидский халиф ал-Амин (809–813), осаждённый войсками своего брата ал-Ма'муна (813–833), попросив аман и получив гарантии безопасности, сдаётся, однако один из военачальников брата-победителя убивает его<sup>4</sup>.

Кроме того, в материалах, которыми мы располагаем, зафиксировано три случая отказа от предоставляемого амана.

1. Омейядский военачальник ал-Хадждаж ибн Йусуф (661–714) предлагает аман претенденту на халифскую власть 'Абдаллаху ибн аз-Зубайру (624–692), осаждённому в Мекке. Однако тот отказывается и погибает в бою<sup>5</sup>.

2. Последний халиф из династии Омейядов Марван ибн Мухаммад (744–750) идет походом на непокорный сирийский город Хомс. Пред-

---

Ахмада б. Мухаммада ал-'Умари, потомка второго (Праведного) халифа 'Омара б. ал-Хаттаба (634–644), поднявшего восстание в Йемена при аббасидском халифе ал-Ма'муне (813–833); там же. С. 500 (упомянутый факт касается подавления бунта бедуинов племени калб в Палестине, случившемся при аббасидском халифе ал-Му'таззе (866–869)).

<sup>1</sup> КМ. С. 370 (по сообщению этого источника, так ведёт себя знаменитый аббасидский полководец Кахтаба б. Шабиб); КБТ. Т. 6, с. 64 (в данном случае «героем» оказывается сын Кахтабы б. Шабиба ал-Хасан б. Кахтаба).

<sup>2</sup> Т. Т. 2. С. 272. Так поступил брат омейядского халифа 'Абд ал-Малика б. Марвана (685–705) Мухаммад б. Марван.

<sup>3</sup> КБТ. Т.6. С. 110.

<sup>4</sup> Там же. С. 71.

<sup>5</sup> Там же. С. 26.

лагает тамошним жителям сдачу на условиях предоставления амана. Горожане отказываются, халиф начинает осаду<sup>1</sup>.

3. По приказанию халифа ал-Ма'муна наследник халифской власти Абу Исхак (будущий халиф ал-Му'тасим (833–842) выступает против взбунтовавшихся бедуинов. Предлагает их вождям сдаться на условиях предоставления амана. Те отказывается, Абу Исхак побеждает бедуинов в сражении, берёт вождей в плен и казнит их<sup>2</sup>.

Также зафиксирован один случай, когда сдавшийся на аман бунтовщик обманывает лицо, предоставившее ему аман. Таким образом был обведён вокруг пальца последний халиф из династии Омейядов Марван ибн Мухаммад (744–750)<sup>3</sup>.

И, наконец, зафиксирован один случай предоставления гарантий безопасности как элемент государственной политики. Знаменитый халиф из династии Аббасидов Харун ар-Рашид (786–809) предоставляет аман, что фактически означает прекращение применявшихся до того репрессий, и дарует привилегии членам соперничавшей с Аббасидами за главенство в Халифате семейно-родственной группы бану талиб<sup>4</sup>.

### III

Таким образом, мы видим, что в VII–IX веках принцип амана был реальным, действующим. Из приведенных нами фактов явствует, что он соблюдался примерно в половине зафиксированных случаев предоставления амана. Что же касается случаев его нарушения, то их следует отнести на счет, во-первых, несовершенства человеческой природы, во-вторых, особого характера тех ситуаций, в ходе которых возникал вопрос о предоставлении амана: ведь на войне людям весьма сложно вести себя достойно и честно.

Принцип предоставления амана действовал и в последующие эпохи мусульманской истории. Известно, что с XII века он включался в договоры между мусульманскими и христианскими государствами. То же самое следует сказать и о договорах между Османской империей и ев-

---

<sup>1</sup> КУ. С. 259.

<sup>2</sup> Т. Т. 2. С. 465.

<sup>3</sup> КУ. С. 257.

<sup>4</sup> КБТ. Т. 6. С. 101.



ропейскими державами<sup>1</sup>. Даже и в XX веке принцип амана присутствовал в политической практике мусульманских государств, в том числе арабских. Так, известный отечественный востоковед М.Б. Пиотровский говорил автору этих строк ещё в 1978 году, что, с его точки зрения, неожиданный визит Анвара Садата в Израиль, послуживший началом египетского-израильского урегулирования, был осуществлён в соответствии с принципом амана.

Уже буквально в наши дни мы стали свидетелями вопиющего нарушения принципа амана — убийства бывшего лидера Ливии Му‘аммара Каддафи. Это событие, безусловно, еще явит свои негативные последствия как для арабских стран, так и для других регионов мусульманского мира.

Думается, что учёт актуальности амана и как принципа мусульманского права, и как одной из составляющих социальной психологии мусульман, совершенно необходим в тех случаях, когда ставится задача построения отношений с различными мусульманскими общественно-политическими организациями, в том числе и экстремистскими. Соответственно надо изучать, как в социальной и политической практике исламского мира проявлялось действие этого принципа в отдалённом и недавнем прошлом. Таким образом, возможно, нам удастся уберечься хотя бы от некоторых ошибок во взаимоотношениях с мусульманами и внутри России, и за её пределами.

### Дискуссия по докладу Д. Микульского

**Дмитриев.** Хотел бы спросить Дмитрия Валентиновича: страдало ли доброе имя человека, нарушившего аман?

**Микульский.** Конечно. Имя такого клятвопреступника покрывалось позором на веки вечные. Арабо-мусульманские хронисты однозначно осуждают подобные деяния. Правда, о реальных санкциях против нарушителей принципа ничего не известно; по крайней мере, материалы, которыми я располагаю, об этом умалчивают. Оно и понятно — то были люди, обладавшие большой земной властью. Тем не менее предполагалось, что пред Богом им непременно придётся держать ответ.

**Абашин.** Какое слово используется в современном арабском языке для обозначения понятия «безопасность»?

**Микульский.** В современном языке используется однокоренное с *аман* слово *амн*. Мне представляется, что оно стало широко употребляться в поли-

---

<sup>1</sup> *Schacht J.* Op. cit.

тическом дискурсе после Первой мировой войны, когда образовалась Лига Наций, пошёл разговор о международной безопасности, системах региональной безопасности и тому подобном.

**Панарин.** В связи с этим не стоит забывать о широко использовавшемся в нашей истории институте *аманатства* (заложничества). Когда А.П. Ермолов был наместником на Кавказе, существовала самая настоящая школа, где обучались сыновья кавказский князей, взятых им в аманаты.

**Филатов.** Кальвинисты знают два вида договора: общественный договор, на основе которого создаётся государство, и договор с Богом. Скажите, пожалуйста, *аман* — это человеческие гарантии или всё же гарантии божественного характера?

**Шарипова.** Всё же это, прежде всего, гарантии Всевышнего.

**Мещеряков.** Вы отметили многочисленность случаев нарушения принципа амана. Может быть, частотность их упоминания объясняется тем, что это были явления из ряда вон выходящие?

**Микульский.** Мне так не представляется. Ведь характерно, что частотность нарушений амана уравнивается лишь несколько большей частотностью соблюдения его принципов. В целом, думаю мне, картина получилась довольно достоверной. С одной лишь оговоркой — данные получены из нарративных источников, а они по определению тенденциозны. Наверное, массовый документальный материал позволил бы нарисовать более достоверную и четкую картину, однако от эпохи VII–IX веков достоверных документов практически не сохранилось.

**Дмитриев.** Скажите пожалуйста, что, собственно говоря, гарантировал аман?

**Микульский.** Это установление гарантировало сохранение собственной жизни сдавшегося, жизнью его чад и домочадцев, неприкосновенность имущества.

**Дмитриев.** Страдало ли доброе имя человека, сдававшегося на аман?

**Микульский.** Ни в коем случае. Сдаться на аман считалось делом почётным.

# БЕЗОПАСНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

*Сергей Филатов*

Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами *постигает* имеющую во чреве, и не избегнут.

*1-е Послание к Фессалоникийцам, 5:3*

Со времён апостолов в христианской, в том числе в православной, традиции «безопасность» — термин скорее отрицательный, означающий успокоенность, леность и неподвижность духа и совести, своего рода «застой». В евангельской проповеди, в раннем христианстве очень силен анархический элемент, религия распятого и воскресшего Бога лишь с годами, по мере вrastания в социальные и политические институты, признала ценности стабильности и государственного порядка. Положительное понятие христианской антропологии, аналогичное по смыслу современной светской «безопасности», — это удаление от греха. И в этом фундаментальном значении безопасность — единая ценность для всех христианских церквей. Предельно упрощённо можно сказать так: чем больше веры в Христа Спасителя, тем больше безопасности. Безопасности, в первую очередь, частной — как состояния, приближающего к достижению **личного** спасения.

Однако, взятые в этом фундаментальном и самом общем смысле, представления Русской православной церкви (РПЦ) о безопасности мало что дают для понимания её современной роли в общественной и политической жизни России. Тем более, что в своих обращениях к обществу и политическому классу РПЦ в лице патриарха Кирилла и его единомышленников из среды высшего духовенства редко выступает с проповедью спасения, но говорит о морали и политике — и говорит фактически в понятиях «безопасности» (хотя и не употребляет этого термина), тождественных её светскому определению, её пониманию властью и обслуживающими власть экспертами. Ибо ценности, которые РПЦ отстаивает постоянно, — это ценности могущественного процветающего государства, избавленного от внутренней нестабильности и внешнеполитических угроз.

Своеобразие аксиологии РПЦ может быть ярко проиллюстрировано цитатой из проповеди патриарха, произнесённой им 16 июля 2011 года, в день памяти святителя Филиппа, митрополита Московского и всея России, чудотворца<sup>1</sup>:

«Деяния Иоанна Грозного несопоставимы с тем, что происходит в современном мире: огромное количество человеческих страданий и несправедливости, голода и болезней; войн, непонятно во имя чего ведущихся; уничтожение огромного количества мирных, ни в чём не повинных людей».

Из этих слов следует, что наше время — более жестокое и безнравственное, чем времена Ивана Грозного. Мало кто из светских людей без колебаний согласится с патриархом, утверждение его более чем спорное. Почему же он так считает?

Причина — в недавней истории, в положении Церкви в СССР. Чтобы понять своеобразие «концепции национальной безопасности», имплицитно содержащейся в современной проповеди руководства РПЦ, следует обратить внимание не только на социально-политические ценности, которые РПЦ стремится «обезопасить», то есть фактически утвердить в российском обществе, но и на то, как, в каких условиях они формировались на протяжении советских и постсоветских десятилетий.

---

<sup>1</sup> Цит. по: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1578058.html>

## I

История руками Сталина сыграла с Православной церковью злую шутку. После тотальных репрессий в 1920 — 1930-е годы, приведших к фактической ликвидации легальной организованной церковной жизни, вождь решил возродить русское Православие. Легализация РПЦ стала возможной и желательной для власти в русле общего отказа сталинского режима от идеологии мировой революции и марксистского интернационализма, его эволюции в сторону великодержавности и русского национализма. В конце Второй мировой войны Сталин воссоздал жёстко организованную и наделенную чётко определёнными функциями Московскую патриархию. Однако «разрешённая» РПЦ была изолирована от остального общества, находилась в своеобразном гетто. Ей было дозволено существовать в этом гетто, но строго запрещалось выходить за очерченные границы. В среде церковных людей, оказавшихся в подобной невиданной, морально и идейно сложной ситуации, выработалось своеобразное романтическое мировоззрение. Они восхищались порядками, существовавшими в дореволюционной и в средневековой России, и безоговорочно осуждали между собой всё, что принёс прогресс в последующие столетия, хотя многое он принёс при участии, а иногда даже и по инициативе Церкви. Но для них прогресс был регрессом, закончившимся политикой тотального уничтожения Церкви<sup>1</sup>. В результате даже многие демократические и гуманистические идеи, принятые церковным народом до революции, в советское время стали ставиться под сомнение. Патриарх Сергей (Страгородский), фактически получивший сан из рук Сталина, предложил оригинальную концепцию церковно-государственных отношений: «патриотическое служение». В чем же заключается это служение? Церковь воспринимает себя как идеологическую опору авторитарной московской власти, во все времена служащую преградой «внутренней смуте» и «разлагающему западному влиянию»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Именно такую концепцию истории изложил патриарх Кирилл на встрече с ректорами высших учебных заведений в Киеве 27 июля 2011 года. См.: <http://www.patriarchia.ru/db/print/1591084.html>.

<sup>2</sup> Фурман Д.Е. Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 7–19.

Двадцать лет жизни РПЦ после падения советской власти убедительно продемонстрировали, что идеология «патриотического служения» — не просто маска, которую была вынуждена надеть на себя иерархия. Поведение священноначалия РПЦ говорит о том, что и при Сталине, и после него, и в наши дни «патриотическое служение» — вполне искренняя его позиция. Причем обе неразрывно связанные между собой составляющие этой позиции — внешнеполитическая (противостояние Западу) и внутривнутриполитическая (укрепление единоличной авторитарной власти) — были явлены в последние годы открыто и последовательно. Мало того, имея развернутую систематическую идеологическую доктрину, церковники готовы поделиться ею с властной элитой, непоследовательность которой в выборе политического курса очевидно контрастирует с «принципиальностью» руководства РПЦ. Так, выступая 29 декабря 2012 года в Российской Академии государственной службы, патриарх Кирилл призвал допустить РПЦ к участию в «серьёзной экспертной работе по проблематике междивизиационного и межкультурного диалога, различных геополитических проектов»<sup>1</sup>.

Социально-политическая доктрина РПЦ представлена в ряде программных речей патриарха и официальных документов, в первую очередь в «Основах социальной концепции Русской православной церкви»<sup>2</sup>, принятых в качестве официальной позиции Церкви на архиерейском соборе 2000 года. Подготовкой «Основ» непосредственно занимался глава Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) митрополит Смоленский и Вяземский Кирилл (Гундяев), ныне — патриарх Московский и всея Руси.

Этот документ идеальным для православия провозглашает государственное устройство абсолютной монархии Византии, с её принципами симфонии церкви и государства, а наилучшим воплощением идеала объявляет монархию российскую. Ибо «у русских государей, в отличие от византийских басилевсов, было иное наследие. Поэтому, а также в силу других исторических причин, взаимоотношения церковной и государственной власти в русской древности были более

---

<sup>1</sup> Доступно на: <http://www.patriarchia.ru/db/print/979543.html>.

<sup>2</sup> Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000.

гармоничными»<sup>1</sup>. Демократическое правовое государство признаётся лишь как результат секуляризации, с которым по необходимости приходится примириться<sup>2</sup>:

«Форма и методы правления во многом обуславливаются духовным и нравственным состоянием общества. Зная это, Церковь принимает соответствующий выбор людей или, по крайней мере, не противится ему».

В дореволюционные времена Православная церковь, поддерживая самодержавный режим Российской империи, использовала свой духовный и моральный авторитет в защиту единственного сакрального православного царства<sup>3</sup>, что было логичным и, можно даже сказать, естественным. Но по отношению к современной России, стране официально светской, многонациональной и поликонфессиональной, такое понимание государственности вряд ли применимо. Поэтому на смену ценности «православного царства» пришла ценность «русской цивилизации».

«Русская цивилизация» — термин, внедрённый в церковную лексику в начале 2000-х годов патриархом, тогда митрополитом, Кириллом. Церковная проповедь о неприменимости к России «западных норм свободы, демократии и прав человека», об особом, уникальном русском пути находит себя именно в идеологии русской цивилизации, а сам этот путь приобретает в церковных кругах сакральный, «парарелигиозный» смысл. И, может быть, как раз по этой причине, когда начинаешь знакомиться с текстами публичных выступлений ведущих иерархов и офици-

---

<sup>1</sup> Указ. соч. С. 50–52.

<sup>2</sup> Указ. соч. С. 58.

<sup>3</sup> В начале XX века в православной проповеди иногда использовался апокалиптический образ «удерживающего» — единственного, кто охраняет Божью правду в мире от наступающего сатанинского мирового зла, — применительно то к Российской империи, то к российскому императору. Сейчас некоторые православные публицисты прилагают его к путинской России. Например: «... в Апокалипсисе есть образ удерживающего. Тот, который сдерживает сатанинское мировое зло. На мой взгляд, этим удерживающим является Россия и Русская Православная Церковь — их нельзя разделять» (Священник Александр Ильяшенко. «Почему православие — главный враг Америки?» Доступно на: [http://www.r-komitet.ru/s\\_i\\_d/sd-003.htm](http://www.r-komitet.ru/s_i_d/sd-003.htm), последнее посещение 12.10.2011.

альными документами РПЦ, чаемый образ русской цивилизации предстаёт в них каким-то размытым, слишком общим, неконкретным. По сути, содержание представлений о русской цивилизации легко определяется двумя словами — всё хорошее<sup>1</sup>:

«Мир скоро востребует свойственные русской цивилизации идеалы самоограничения, приоритета духовного над материальным, жертвенности и долга — над потребительством и эгоизмом, любви и справедливости — над “правом сильного”. Востребует мир и российский опыт общежития разных культур и убеждений, разных религий. Русскому народу никогда не было свойственно стремление силой, хитростью или коварством переделывать другие нации».

Приписывание русской цивилизации всех возможных добродетелей, да еще в качестве уникальных, только ей присущих черт, даёт представление о степени её сакрализации. А верность этой цивилизации осмысливается в качестве долга российского гражданина<sup>2</sup>:

«У России более чем тысячелетняя история, в которой основные события церковной и государственной жизни — практически одна плоть и кровь. И сегодня, как много веков назад, Русь собирается и созидается на основе отеческой веры. Именно так — и только так! — мы сумеем восстановить свои силы и красоту свою. Именно в верности нашему исконному духовному пути кроется надежда на лучшее будущее».

Если «события церковной и государственной жизни — одна плоть и кровь», то, естественно, что история русского народа в каком-то смысле священна.

Иерархи РПЦ видят Россию «традиционной», «православной» страной, хотя в действительности она таковой сейчас не является. Не говоря уже о том, что в состав её населения входят мусульмане, католики, протестанты, иудеи, буддисты, шаманисты и атеисты, вместе насчи-

---

<sup>1</sup> Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на VI Всемирном Русском Народном Соборе // Журнал Московской патриархии (далее ЖМП), 2002. № 1. С. 77.

<sup>2</sup> Слова Патриарха Алексия II. Цит. по: Архиеп. Ташкентский и Среднеазиатский Владимир. Слово, растворённое любовью. М.: Изд-во Московской патриархии, 2001. С. 93.



тывающие десятки миллионов человек, многочисленные социологические исследования показывают, насколько мала среди остальных доля практикующих православных<sup>1</sup>. Подобное решительное игнорирование реальности само по себе является поразительным фактом и требует объяснения. Единственной причиной такой аберрации сознания может служить непоколебимая вера в священное православное царство народа-богоносца — Святую Русь. Существование этого царства не может ставиться под сомнение, его не могут опровергнуть никакие факты, приводимые «врагами церкви». И существует оно не только как некий вечный идеал, к воплощению которого в жизнь следует постоянно стремиться каждому православному, но уже и в самой жизни — хотя бы отчасти, в виде на деле реализуемого проекта<sup>2</sup>:

«Сегодня в Европе обсуждается вопрос, можно ли считать христианские ценности тем достоянием, которое следует полагать в основание объединённого европейского сообщества, или же мир вступил в постхристианский период своего развития. С уверенностью можно сказать, что для нашей страны подобная постановка вопроса, к счастью, не является насущной, ибо новая российская государственность создается на прочных основаниях традиционных ценностей и в их числе ценностей духовно-религиозных».

Таким образом, руководство РПЦ осознает проблему безопасности как проблему сохранения и укрепления могучего единого авторитарного русского государства. Государство это, по мнению церковников, является носителем и хранителем неких уникальных духовных и моральных ценностей русской цивилизации; вот только пока им не удаётся доказательно и убедительно сформулировать, в чём эти ценности заключаются и в чём кардинально отличны от ценностей иных цивилизаций. В конце концов, если обратить взор на Восток, как истори-

---

<sup>1</sup> В зависимости от строгости критериев оценки получается, что таковых в России от 2 до 10% населения, или от 3 до 15 млн человек. См.: *Филатов С., Лункин Р.* Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить? // Религия и российское многообразие. М.; СПб.: Летний сад, 2011. С. 22.

<sup>2</sup> Из выступления патриарха Алексия II в актовом зале Тамбовского Государственного университета 9 августа 2002 г. См.: ЖМП, 2002. № 9. С. 36.

ческий, так и современный, то окажется, что даже высокое ценение авторитарного правления не является уникальной чертой русской цивилизации.

На какие же средства обеспечения так понимаемой безопасности уповают руководители РПЦ? Естественно, основное средство — укрепление православной веры, но не только. Не менее (если не более) важно усиление влияния Церкви, распространение её деятельности на все сферы общественной жизни. Это настолько очевидно, настолько соответствует и церковным идеалам, и собственным корпоративным интересам церковнослужителей, что и обсуждать-то не стоит. А вот вопрос о том, на какие методы руководство РПЦ полагается, ставя своей целью распространение и укрепление веры, наоборот, имеет смысл обсудить.

Среди этих методов обращает на себя внимание слишком большое стремление использовать для достижения своих целей поддержку государства — и не только моральную, но и материальную, административную, даже полицейскую. Строительство церквей и других церковных зданий, распространение религиозной проповеди, участие в культурной и социальной жизни и т. д. — во всем этом церковное руководство полагается на власть. По-своему, и здесь есть своя логика: поелику православие — сила, укрепляющая государство, государство **должно** заботиться о православии! К тому же такое поведение РПЦ обусловлено объективными причинами: прихожане её бедны, в массе своей не имеют привычки материально поддерживать церковь, да и любое дело сейчас в России без «крыши» сделать почти невозможно. Короче, каковы бы ни были причины, ситуация складывается таким образом, что духовенство без опоры на власть почти ничего не делает и не уповает сделать.

Современное российское общество и государство осознаются православным духовенством ценностями, заслуживающими того, чтобы оберегать их от тлетворных западных влияний. Порицая современную светскую гуманистическую культуру Запада — в первую очередь за утвердившиеся там в последние десятилетия нормы семейной и сексуальной жизни, — представители РПЦ тем не менее не видят в консервативных западных христианах, разделяющих те же ценности, что и православные критики этой культуры, своих единомышленников и возможных союзников. Неслучайно во многих выступлениях патриарха и других высокопоставленных представителей РПЦ само суще-

ствование протестантов и католиков в России оценивается как деструктивное явление, вносящее «новые разделения в единство нации». Патриархия использует не религиозные, а политические по сути аргументы: «присутствие инославных вносит разделение в общество», «они разрушают русскую культуру и национальные обычаи» и т. д.<sup>1</sup> Так что точнее будет сказать, что неприязнь у священноначалия РПЦ вызывает не только светская, но и религиозная культура Запада.

## II

Руководство РПЦ часто и прямо высказывается о политических вопросах, отстаивает принципы «национальной безопасности», как оно их понимает. Конечно, оно не обращается, в надежде привести государственное устройство современной России в соответствие с идеалом, запечатлённым в «Основах социальной концепции Русской православной церкви», с призывом возродить самодержавную православную монархию. Тем не менее некоторые его суждения выглядят достаточно экстравагантно. Правда, сам патриарх (до февраля 2009 года митрополит) Кирилл обычно употребляет расплывчатые и дипломатичные выражения. Зато его подчиненные по ОВЦС совершенно не стесняются, открыто и резко осуждают «губительные для нашей идентичности» демократические принципы государственного устройства.

Видные представители ОВЦС регулярно высказываются в том духе, что органы сословного представительства предпочтительнее всенародно избранного представительного органа и многопартийной системы. Одно из такого рода, вполне типичных, высказываний принадлежит первому заместителю председателя ОВЦС Московской патриархии протоиерею Всеволоду Чаплину. Выступая 9 февраля 2006 года в Российской академии госслужбы на Международной конференции «Религия и гражданское общество», он заявил, что российскому духу в наибольшей степени соответствует такой орган, как Общественная палата РФ, тогда как парламент не вписывается в сознание русского народа, и неизвестно ещё, приживётся ли в России система политических партий. Россия и так богата традициями представительства интеле-

---

<sup>1</sup> Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 18 февраля 1997 года // ЖМП, 1997. № 3. С. 58–68.

ресов различных слоёв общества, ей не обязательно ориентироваться на западные формы демократии. В Московской Руси проходили Земские соборы, кроме того, цари советовались с разными группами населения. У нынешней власти, по мнению Чаплина, также сохранился инстинкт внутренней ответственности за народ: именно поэтому, чтобы учесть интересы всех граждан, и была создана Общественная палата РФ<sup>1</sup>. А будущий патриарх Кирилл в одном из своих интервью вообще избавил демократию от таких неотъемлемых её атрибутов, как свободные выборы, многопартийная система и разделение властей<sup>2</sup>:

«Для меня демократия — это в первую очередь гармонизация интересов. Всё остальное вторично. Я не признаю взгляда на Россию сверху вниз, как это иногда позволяют себе некоторые на Западе. Если главным содержанием демократии является гармонизация интересов, то каждая страна должна идти к демократии, сообразуясь со своими национальными, культурными и историческими особенностями...»

Особое внимание патриарх и другие высшие руководители РПЦ уделяют армии. Дело не только в том, что армия по определению должна служить щитом от различных внешних угроз национальной безопасности. С точки зрения православных иерархов, у армии более широкие задачи в деле защиты русской цивилизации. Армия подаёт пример дисциплины, послушания, жертвенности для всего общества, армия — основа противостояния иностранному влиянию и внутренней смуте, сбережения и укрепления национальной идентичности. Отношение РПЦ к армии прекрасно выразил патриарх Кирилл, выступая 31 мая 2011 года в Военной академии Генерального штаба:<sup>3</sup>

«До сих пор за богослужением мы молимся за тех, кто погиб за веру и Отечество, и у этой традиции есть замечательное основание в мироощущении наших предков, которые имели мощную мотивацию к ратно-

---

<sup>1</sup> Изложение этого выступления отца Всеволода Чаплина доступно на Открытом христианском форуме, см.: <http://jesuschrist.ru/forum/325393>, последнее посещение 13.05.2012.

<sup>2</sup> См.: Комсомольская правда, 01.08.2006.

<sup>3</sup> Выступление Святейшего патриарха Кирилла в Военной академии Генерального штаба РФ. Доступно на: <http://www.patriarchia.ru/db/print/1501407.html>, последнее посещение 13.05.2012.

му труду и подвигу. Ну и, конечно, люди стояли за свою независимость. Когда они говорили “за царя”, другого символа независимости просто не было – так мир был устроен, и монархия была органической частью государственного устройства в каждой стране. Царь, суверенный царь, над которым никого не было, которого никто не мог заставить что-то сделать вопреки его воле, его желаниям, — он и был символом независимости, а потому и говорили “за веру и за царя”».

«...И сегодня ничего не изменилось. Мы заменяем слова, но мы думаем о том же самом – постоять за веру, за нашу самобытность, за способность и возможность оставаться самими собой, не терять своего духовного, культурного, политического суверенитета. Вы знаете, что существуют страны, которые называют себя суверенными. Иногда они даже образуют мощные союзы. Ну, а если посмотреть на уровень этого суверенитета? Всем же ясно, что над ним есть какой-то иной суверенитет, который и решает самые важные задачи, а все остальные подтягиваются и выполняют его задания. Так вот, для того чтобы страна наша стала по-настоящему суверенной, чтобы она могла принимать решения, не продиктованные чьей-то волей, но исходя из своих собственных национальных интересов, необходимо определиться с мировоззренческой, если хотите, самоидентификацией личности в обществе и государстве».

А вот о социальной безопасности народа патриарх заговорил значительно позднее. В бытность его смоленским архиереем этот вопрос вообще не поднимался. В повестку дня церковной политики он встал только в 2010 году, через год после избрания Кирилла патриархом. Церковь наконец-то заговорила о сострадании к сиротам, больным, бездомным и т. д. Кое-что с тех пор делается. В частности, на Первом Общецерковном съезде по социальному служению, состоявшемся только в июле 2011 года, были приведены такие цифры, призванные показать масштабы участия РПЦ в обеспечении элементарной жизненной безопасности социально уязвимых фракций населения: создано церковью или действуют под её крылом, с её помощью более 500 групп милосердия и служб добровольцев, более 150 сестричеств милосердия в России и около 60 — в Белоруссии и на Украине, 87 детских приютов, более 30 богаделен, более 80 домов временного пребывания и социальных гостиниц, более 30 реабилитационных центров для наркозависимых, 11 приютов для бездомных и 3 мобильные службы помощи бездомным. Нужно, однако, учесть, что значительная часть этих институций находится на Украине, в Белоруссии и в дальнем зарубежье. И что около

половины епархий РПЦ вообще не были представлены на съезде, потому что им нечего было на нём представить<sup>1</sup>. Так что при сравнении с другими направлениями активности РПЦ видно, что социальные вопросы и сейчас стоят у неё далеко не на первом месте.

### III

При Ельцине представления руководства РПЦ о национальной безопасности России, об укреплении Русской цивилизации по большей части не находили отклика в российском обществе, не слишком привлекали власть, и им почти не уделялось внимания в СМИ, в аналитических политологических и социологических исследованиях. Но, по мере укрепления «вертикали», власть стала испытывать всё большую потребность в идеологическом обеспечении складывающихся порядков. В первые годы президентства Путина наблюдался, с одной стороны, постоянный рост активности руководства РПЦ в плане выражения им своей патриотической политической позиции, с другой, постоянный рост внимания СМИ к церковным декларациям и проповедям на общественно-политические темы. Иначе говоря, церковная проповедь об особом, уникальном русском пути, о неприменимости к России «западных норм свободы, демократии и прав человека» оказалась во многом востребованной и актуальной.

Толчок к резкому усилению внимания российской власти к специфической политической трактовке безопасности РПЦ дала «оранжевая революция» на Украине. Украинская Православная Церковь Московского патриархата (УПЦ МП) проявила себя заметной общественной силой, выступавшей в поддержку В. Януковича. Надо заметить, что поддержка эта была в первую очередь принципиальной, идейной. Приход к власти на Украине «оранжевых» не грозил церкви митрополита Владимира (Сабодана) никакими репрессиями. Её лидеры не могли этого не понимать. Совершенно очевидно, что найти общий язык с администрацией В. Ющенко для УПЦ МП не представляло особой проблемы, решительная поддержка ею Януковича была следствием категорического неприятия этой церковью политических ценностей «оранжевых».

---

<sup>1</sup> Солодовник С. О системности и распределителях // Ежедневная газета, 31.07.2011.

Но если уж украинские последователи Московской патриархии были весьма враждебны к «оранжевым», то тем более не могла возлюбить майдан РПЦ в России. Ведущие её иерархи были вынуждены вести себя корректно по отношению к оранжевой украинской власти — ведь им с ней надо было взаимодействовать, поэтому священноначалие не давало ей публичных оценок. Однако истинное отношение РПЦ к «оранжевым» прекрасно видно из стенограмм Рождественских чтений, из официальных газет РПЦ, из выступлений представителей Союза православных граждан. В них нельзя найти не то чтобы благожелательных или нейтральных оценок «оранжевых», но даже взвешенных критических. «Оранжевые» — это олицетворение зла в чистом виде. Из авторитетных представителей духовенства откровенно и ярко об «оранжевой» опасности высказался всё тот же протоиерей Всеволод Чаплин, в интервью агентству «Интерфакс-Религия» от 28 августа 2005 года заявивший буквально следующее<sup>1</sup>:

«Оранжевая революция — это не что иное, как “политтехнология” или, выражаясь языком военных, “спецоперация”, с помощью которой может быть предпринята очередная попытка разрушить нашу государственность, изменить исторический путь нашего народа, его веру, его культуру, его мышление и образ жизни <...> Срежиссированная определёнными западными кругами массовка никакого отношения к демократии не имеет и устраивается для того, чтобы приблизить установление единообразного мирового порядка по западным лекалам. А западная демократия сегодня всё больше и больше приобретает черты полицейского режима».

«Теперь всем ясно, что это один из политических методов разрушения страны», — заключил отец Всеволод, призвав православных граждан объединяться «против “оранжевых” действий», решительно воспрепятствовать любым попыткам «установить в нашей стране марионеточный режим, управляемый иностранными посольствами».

#### IV

Политический кризис на Украине способствовал временной идейной консолидации РПЦ и Кремля вокруг идеалов «русской цивилиза-

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Филатов С.* Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // *Религия и конфликт* / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова / Моск. Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2007. С. 35–36.

ции», русского пути развития. Близкие Кремлю журналисты и политологи благожелательно и заинтересовано рассуждали о том, что главное — это мораль и совесть: коли они в безопасности, действительно защищаются словами пастырей и делами начальства, то и «цивилизационно обусловленные» ограничения прав человека вытерпеть можно. Более того, оказалось, что церковная доктрина «русской цивилизации» прекрасно сочетается со своим светским аналогом — доктриной «суверенной демократии». Детищу Владислава Суркова сильно не хватало морально-ценностного компонента, и его отсутствие, за неимением (а, возможно, и невозможностью) чего-то более определённого, вполне могли бы возместить декларации РПЦ о приоритете «высших ценностей» над правами человека, об уникальной духовности русской цивилизации, о необходимости сохранять самобытность общественного уклада.

Однако полного слияния двух доктрин так и не произошло. Не произошло потому, что идеологические ориентации и правящего слоя, и той, всё ещё значительной, части общества, что по разным причинам поддерживает Путина, не могут быть сведены только к расплывчатому идеалу русской цивилизации. Эти ориентации внутренне противоречивы, аморфны и вряд ли могут найти адекватное соответствие в какой-то формализованной доктрине. Поэтому по-своему очень логичная и последовательная доктрина русской цивилизации не может служить идеологическим основанием сложившейся политической системы. Но она способна — и целый ряд преходящих политических ситуаций это показал — весьма успешно создавать для системы комфортную идеологическую атмосферу.

### Дискуссия по докладу С. Филатова

**Филатов.** Прежде, чем начнётся дискуссия, я хотел бы сказать вот ещё что. Я, честно говоря, думаю, что эта мифологема — просто некое болезненное явление, структура которого вообще очень инертна и существует в обществе, которому очень трудно найти себя, но неизбежно должно будет постепенно от неё отказываться. Эта мифологема — она... ну, она и не работает, и опасна при соприкосновении с обществом. Но видимо, она будет существовать какое-то время и создавать питательную почву для сохранения всяких таких формулировок, типа «суверенная демократия»...

**Панарин.** Почему не работает? Прекрасно работает. Прекрасно. Понимаете, если соотносить с нашей социальной действительностью, она не вы-



держивает никакой критики. Но, во-первых, ведь речь идет об идеальном, а не о реальном. Надо учитывать, что одно другому не равняется. А во-вторых, с точки зрения прагматической, она прекрасно работает. Причём работает именно на ту силу, которую РПЦ всеми силами поддерживает, — на власть. На государственную власть. В каком смысле работает? Потому что она один из главных гарантов того, что настроение ксенофобии, ощущение загнанности в угол, что вокруг одни враги, — оно остаётся. Если мы исключительная цивилизация, которая единственная хранит остаток благочестия, а всё остальное уже накрылось медным тазом, то кто мы? Мы — чистые. Все враги вокруг, нечистые, только мы одни остались чистые. И это работает, эта вещь работает прекрасно. Если вы послушаете то, что... ну, я не говорю про Интернет, всем известно, что половина тех, кто пишет на форумах, скажем так, люди не совсем адекватные. Но в массе, в разговоре, в народе, в публике, когда я езжу в общественном транспорте — чего я только ни наслушался за последние годы! И основной пафос сейчас — что есть некое мировое зло, которое сидит в Вашингтоне, ну, его в Инете называют, вашингтонским обкомом. Особенно мне понравился звонок одной женщины на радио, на «Русскую службу новостей»: она Доренко позвонила и говорит: «Вы что, не понимаете, что у России есть только один страшный враг? Страшный враг России, враг навсегда — это США». Я не защищаю там США, — на месте США кто угодно мог оказаться — я хочу показать, что мы переживаем такое время в России, которое... Я, вроде, отечественную историю немножко знаю, но такого ощущения осаждённого лагеря, наверное, даже в социалистические времена не было. Ей-богу! Потому что в те времена — а я застал ещё сталинские времена — империалист, он тоже был враг, но его не боялись так. Его не видели, во-первых, его не так боялись, во-вторых, потому что были уверены в собственной силе. А сейчас же в глубине души все понимают, что кишка-то тонка!

**Мещеряков.** Там ещё был американский рабочий класс — в советское время.

**Панарин.** Да, а сейчас нет рабочего класса, нет союзников. Одни враги. Одни враги — от таджиков до «Вашингтонского обкома». И в этом смысле такая доктрина вполне обеспечивает государственную безопасность, понимаемую как безопасность власти.

**Кириченко.** У меня реплика: в общем-то, отчасти хотел подтвердить, но чуть-чуть просто конкретизировать оценку выбора, сделанного православным духовенством в условиях Второй мировой войны. Понимаете, во-первых, то была ситуация после уже, фактически, двадцати лет с лишним непрерывных гонений на церковь, когда реально в живых остались уже только те люди, которые целенаправленно выбирали по возможности стратегию выживания. Потому что те, кто стояли на своём, они к тому времени благополучно или неблагоприятно погибли. Во-вторых, для нас сейчас это не очень на физическом

уровне ощущается, а я думаю, что для людей, живших тогда — хотя я, конечно, всё равно проецирую на них свои вещи — это были достаточно конкретные вещи, когда с землей сравнивались кладбища, уничтожались храмы и вообще уничтожалось всё, что для людей было не просто свято — это была их жизнь. А тут эти вещи возвращались в твои руки. И ведь вопрос с обновленцами реально решился только, опять же, в годы войны. То есть те люди, которые властью в 1920-е годы привечались как прогрессивные элементы среди священников, среди православных, которые могли остаться альтернативой в качестве хранителей традиций русской церкви — вот теперь уже стало ясно, что на них ставка делаться не будет. Это тоже было определённой значимой вещью. Поэтому людям было, что выбирать из таких вещей, которые реально могли быть ценностями, что можно было передать своим детям, если ты делаешь ставку на то, чтобы именно выжить и сохраниться. Другое дело, что те настроения, оценки и восприятие, которые есть сейчас, они реально уже совершенно другими соображениями диктуются... Ну, я не так много общаюсь с представителями православного духовенства. Люди, с этой средой связанные, могут скорее сказать, насколько для них материально воспоминание о безбожной власти. Поэтому уже на этом фоне та власть, которая восстанавливает храмы или что-то делает навстречу церкви, она уже, может быть, выглядит как достойная альтернатива. А что касается «Вашингтонского обкома», если бы это только характеризовало церковь, я бы...

**Панарин:** Да, я и не про церковь говорил.

**Кириченко:** Это ведь больше характеризует обывателя. Вот я читал недавно лекцию на истфаке Московского университета. То есть там, где, по идее, должны учиться люди, которые мир стремятся видеть, как бы это сказать, в наибольшей близости к его реальным очертаниям. Я им задаю вопрос: «Ну вот, ребята, я вам хочу прочесть лекцию про Центральную и Юго-Восточную Азию. Что вы про них знаете?» Мне отвечает самый активный студент — потому что, кто ещё будет говорить, остальные скромно молчат: «А, там Вьетнам — это там, где пиндосам навалили». Получается, главное, конечно, что сделано Вьетнамом за все время его истории, — что там навалили пиндосам. Тут нет страха, нет, так сказать, боязни вредоносной власти — есть просто ощущение нехороших людей, которым хорошо, что навалиют, где бы то ни было.

**Мещеряков.** Вы им ещё подскажите, что они в своё время китайцам навалили тоже.

**Кириченко.** А вот этого он не знает.

**Филатов.** Мне кажется, очень интересно в этой ситуации то, что Сталин не поддержал обновленцев, а поддержал «тихоновцев». Это был осознанный выбор в пользу патриотического служения, государственничества, а не в пользу церкви, заигрывающей с социалистическими идеями, коммунизмом и т.д.

Власть тогда уже решила, что церковь нужна ей как хранитель мощного тоталитарного государства, независимо от его идеологии, что так для Советского Союза будет надёжней и лучше.

**Дмитриев.** Я не уверен, что их правильно называть «тихоновцами», потому что Тихон как раз представлял собой...

**Филатов.** Но они-то себя так называли.

**Дмитриев.** Они — да, но это исторически неверно.

**Филатов.** Ну, я по самоназванию.

**Дмитриев.** Термин «сергианство», который...

**Кириченко.** Сергианство — это, скорее, часть обновленцев, вот это...

**Панарин.** Друзья, это очень интересно, но нас опять уведит в сторону. У меня вопрос: как соотносятся социальная доктрина РПЦ и государственная доктрина духовной безопасности?

**Филатов.** Честно говоря, в ходе работы я понял, что духовная безопасность — это на самом деле такая мелочь, которую, в общем, не обязательно раскрывать. Итак, социальная доктрина. Социальная доктрина, как она написана и как я её вам цитировал — это просто представление об идеальности монархии.

**Панарин.** А в связи с безопасностью?

**Филатов:** Ну, а что мы защищаем? Мы защищаем русскую авторитарную власть. А если говорить о духовной безопасности, речь идёт о том, что миссионеры, сектанты и прочие представляют угрозу духовной безопасности русского народа. И, в общем, это не опирается ни на какие твёрдые законы, а имеет в качестве основы только вот ту самую доктрину духовной безопасности. Когда Путин пришёл к власти, ещё не президентом даже, а премьер-министром, начались всякого рода ограничения, дискриминация некоторых духовных меньшинств, в первую очередь, протестантов. Вполне понятно почему — потому что они были носителями конкурирующей христианской доктрины, которая связана с открытостью и демократией.

**Панарин.** Сергей Борисович, а у Вас нет цифр перехода в католичество, протестантизм и т.д., по России? Есть такая статистика?

**Дмитриев.** Её не существует в действительности.

**Панарин.** А я думаю, она существует, просто её не выдают на-гора.

**Абашин.** Один уточняющий вопрос: а вот этот термин «безопасность», эти слова, вернее, то, что они определяют — существует некая классификация безопасности?

**Филатов.** Ну, самого слова «безопасность» в доктрине нет, но фактически очевидно, что речь идет о безопасности, о духовной безопасности, о военной безопасности — это документ довольно практический.

**Панарин.** Сами слова «социальная доктрина» предполагают замкнутость на человеке.

**Филатов.** Ну, там есть раздел, где говорится об абортках, про мораль, семейные ценности. Но очень большой раздел — просто политический.

**Панарин.** Я понимаю так: есть социальная безопасность; это, грубо говоря, — достойная пенсия, нормальное здравоохранение, это благотворительная деятельность, хосписы, в конце концов. И в социальной доктрине ни слова о хосписе?

**Филатов.** Слова «хоспис» там нет.

**Панарин.** Пусть не это слово, хорошо — христианское милосердие.

**Филатов.** Приюты?

**Панарин.** Да.

**Филатов.** Вы знаете, у меня есть маленький коллектив людей из нескольких институтов, и мы наблюдали за деятельностью Кирилла Гундяева ещё когда он был смоленским митрополитом. Я раз в два года туда приезжал, смотрел, чего он там делал и т.д. В каком году его избрали патриархом-то? В 2009-м?

**Панарин.** Ну, так где-то, да.

**Филатов.** Вот, до 2009 года он не проявлял никакой активности в благотворительности — в помощи бедным, больным и т.д. Ни у себя в Смоленске, ни вообще. «Сейчас нет денег даже на просветительскую работу, на строительство церквей, а вы тут об этом, чтобы все деньги на это», — говорил он. И вот в 2009 году — резкая перемена. Я часто его обличал в своих статьях, я даже думаю, что, может быть, что сыграл маленькую роль в этой перемене. Так вот, в 2009 он резко на Пасху появляется в нескольких детских домах и домах инвалидов и начинает много говорить...

**Панарин.** Начинает много говорить — это благотворительность, что ли?

**Филатов.** Нет, ну, что-то они стали делать... Говорится всё-таки, что для священнослужителя благотворительность — одно из главных дел. Нет, они стали организовывать всякие вещи — а раньше всё, что делалось, это было помимо него.

**Панарин.** В 90-е годы одной из больших проблем для Кыргызстана, как там считали, был массовый переход северных киргизов в протестантизм. Ну, не массовый, а многочисленный. Всё очень просто: немцы, когда уезжали — а их там много было, порядка ста тысяч, — приходили протестанты, оплачивали немцам эту собственность и бесплатно отдавали её киргизам. Земли, все эти ухоженные дома, всё, всё, всё. Народ повалил толпой туда, потому что такое колоссальное преимущество просто для выживания! В то время как представители традиционных в нашей стране религий в основном говорили речи.

**Абашин.** У меня вопрос: интересно, что цитата в виде эпиграфа к докладу возникла из апостола Павла, да? И цитата немного необычная, потому что мы все говорили, что во всех культурах понятие «безопасность»...

**Панарин.** Нет, пока не во всех — мы говорили о тех, о которых мы говорили.

**Филатов.** И я, слушая, понял, насколько христианство в этом отличается.

**Абашин.** То есть, мир и некий аналог безопасности являлись ценностью, как я понимаю...

**Панарин.** Можно привести и прямо противоположное: «Не мир я вам принес, но меч».

**Абашин.** А здесь апостол Павел как раз критикует понятие мира и...

**Филатов.** Ну, прямо, критикует — не сказал бы.

**Абашин.** Это что значит, это какое-то другое понимание безопасности, да?

**Микульский.** Простите, но я, как человек верующий и читающий постоянно Новый Завет, я считаю, что тут, конечно, никакой критики нет. Просто он считает, что одним из признаков конца света будет демагогия на эту тему.

**Колганова.** Конечно, я тоже так считаю.

**Панарин.** Это апостол предвидел, что наступит период западной демократии, когда начнут говорить о безопасности? Что-то я сильно сомневаюсь.

**Дмитриев.** Поздняя Римская империя в этом плане напоминала современную ситуацию, тогда была масса образованных людей, которые переживали о том, что будет дальше, и ситуация была очень хорошо знакома апостолу.

**Мещеряков.** Как только начинают говорить «мир, мир, мир», как в 1930-е годы, тут же начинается...

**Панарин.** Нет, не проводите прямых аналогий с тем, что говорили о мире в Советском Союзе в 1930-е годы.

**Мещеряков.** А почему? И в Японии то же самое говорили.

**Панарин.** Нет, нет, ну нельзя же всё-таки из первого века тянуть аналогии в наше время.

**Филатов.** Если даже там какие-нибудь ораторы имперские говорили о безопасности, я не думаю, что апостол внимание обращал на их речи. Он все-таки был не политик.

**Дмитриев.** Он-то? Апостол Павел?

**Микульский.** Он, римский гражданин?

**Колганова.** Во-первых, мы не знаем, насколько доподлинно именно так сказал апостол Павел...

**Панарин.** Это мы обо всём можем сказать, на самом деле, сейчас.

**Колганова.** С другой стороны, наверное, это, опять-таки, общечеловеческий механизм: пока человека не волнуют какие-то проблемы, он их не осознает — даже в позитиве.

**Абашин.** Тут интересно даже не то, как там, апостол Павел сказал или не сказал — а как потом традиция православная, христианская обращала на это внимание. Интерпретировала как-то, дискутировала по поводу этого?

**Филатов.** Да, я звонил Иннокентию Павлову — а он, между прочим, кандидат богословия и специалист как раз по Новому Завету — он говорит:

«Не думайте о мире и безопасности в этом мире, всё это зыбко и всё это не-прочно. Думайте о спасении души». Трудно интерпретировать иначе.

**Абашин.** Это не антизападная критика, а критика, скорее, вот такой...

**Филатов.** Успокоенности, лености, уверенности в том, что...

**Панарин.** В конце концов, задача построения царства божия где — на Земле? Я для себя называю христианство достижительной религией, которая человека, скажем так, мобилизует на постоянное духовное строительство. Я человек неверующий, но вот так воспринимаю. И в этом вижу одно из главных отличий. Ну, может быть, именно поэтому — да не обидятся на меня люди верующие — но может быть, именно поэтому христианство потерпело наибольший крах — что слишком много требует от человека?

**Мещеряков.** Ну, насчет наибольшего краха я не знаю...

**Панарин.** С точки зрения количество безверия или чисто формального соблюдения веры — ну, согласись, что по сравнению с исламом христианский мир сейчас выглядит бледно.

**Дмитриев.** Это очень большая дискуссия — вопрос, насколько это функция христианства, насколько функция развития современной Европы...

**Панарин.** Всё-таки мне кажется, что в каждом учении заложены некоторые вещи, которые в принципе в момент возникновения учения не составляют его основу.

**Мещеряков.** Правильно, правильно.

**Панарин.** Это те зародыши, которые со временем развиваются и, как бы, всё почти переворачивают вверх ногами. Потому что нет идеального учения, которое изначально всегда будет вот таким, каким оно было в момент возникновения. Это вся история доказывает. Конечно, в христианстве были разные варианты. С одной стороны: «Подставь другую щеку, если ударили», а с другой стороны: «Не мир я принес, а меч». Это диалектика, которая видела самые разные стороны жизни. И в разное время это по-разному играло, по-разному использовалось. Но эта цитата из Павла — я так, например, глубоко убеждён, что представление о безопасности, которое сложилось на Западе, ещё до того, как это общество стало security society, как их сейчас называют, оно считало, что безопасность — это благо, завоёванное — лично и в сообществе. Благо, достигнутое твоими трудами лично и вместе с другими. Это означает, что нет стабильности — есть постоянные изменения, если ты хочешь получить безопасность. Это откуда идет?

**Дмитриев.** Это протестантская этика.

**Панарин.** Протестантская этика... Что касается Павла, он, может, обронил фразу — и всё. Но ведь как относятся к Писанию — там выискивают некие откровения и потом на них строят целую систему рассуждений.

**Мещеряков.** Единственный вопрос, востребовано это или не востребовано.

**Панарин.** Естественно.

**Филатов.** Но в Евангелии вы не найдете большой проповеди мира и покоя.

**Дмитриев.** Ну, мы сегодня уже обсуждали, что во многих языках понятия «безопасность», «мир» и «покой» очень четко увязывались с материальным благополучием. Естественно, христианство из тех учений, которые очень боролись со стремлением к материальному благополучию значительную часть своей истории, поэтому тут в этом плане это тоже можно понять.

**Петрова.** А разве буддизм не отвергает материальное схожим образом?

**Кириченко.** Буддизм рассматривается как религия, которая направлена против материального благополучия? Нет, ну что Вы!

**Галймаа.** Я как монгол почитаю буддизм, но я неверующая. И с точки зрения географической, буддизм же в Индии возник, в такой стране жаркой... Наверное, это от безделья — просто сидеть под деревом... А с точки зрения возникновения христианства, это же в Римской империи оно возникло, против Римской империи, поэтому такой активный настрой.

**Кириченко.** Я просто хотел сказать по поводу буддизма, что основная масса этнографических источников в Индии, фиксирующая дарение на религиозные нужды различного имущества, в качестве собственно дарителей называет монахов.

# ЦАРЬ КАК ГАРАНТ БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА (на примере Древней Месопотамии и Древнего Египта)

*Галина Колганова, Анастасия Петрова*

Когда мы получили предложение принять участие в семинаре, по материалам которого составлен этот сборник статей, нашей первой реакцией было страшное недоумение. Казалось, что мы просто не сможем найти адекватный терминологический аппарат для рассмотрения предложенной проблематики на древневосточном материале, окажемся в непростой ситуации существования концепции и, одновременно, отсутствия лексем, её описывающих. Детальное приближение к материалу, однако, позволило пересмотреть первоначальные взгляды: оказалось, что обращение к категории «безопасность» уместно и в случае с Древней Месопотамией, и в случае с Древним Египтом.

## I

В контексте месопотамских реалий был получен чрезвычайно показательный, на наш взгляд, результат: оказалось возможным проследить истоки корневого гнезда \**slm*, в арабском языке четко имеющего дефиницию безопасности, среди понятий, передаваемых образованными от этого гнезда словами<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Белова А.Г. Культурная лексика Южной Аравии в сравнительно-историческом аспекте (термины материальной культуры — названия стройматериалов). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. С. 41.



Корень *\*slm*, в арабском означающий «быть в безопасности, в целостности, в мире» (со всеми производными значениями), традиционно возводят к семитскому корню *\*šlm*, хорошо засвидетельствованному в аккадском языке со значениями: «быть целым, невредимым, благополучным, здоровым, завершённым, исполненным». При этом необходимо отметить, что в самом аккадском языке существовал также и корень *\*slm*, означающий «быть или стать дружным, дружественным». Материал семитских языков II тыс. до н.э. наглядно демонстрирует, как начинается сращивание двух корней. В качестве доказательств этого исследователи, включая авторов Чикагского ассирийского словаря, как правило, приводят примеры из угаритских текстов середины II тысячелетия до н.э.<sup>1</sup> Представляется, однако, что не только в текстах из Угарита, но и в тех, что происходят непосредственно с территории Месопотамии и в своё время были хорошо известны за её пределами, обнаруживаются следы сращения корней *\*slm* и *\*šlm*. Речь в первую очередь идет о тексте законов Хаммурапи. В этом знаменитом памятнике ближневосточной мысли середины XVIII в. до н.э. есть ряд контекстов, позволяющих нам переводить слова, образованные от корня *\*šlm*, в значении «безопасность». Даже если считать, что ассириолог В.А. Якобсон, один из ведущих отечественных специалистов в области месопотамского права, подобрал при переводе одного из пассажей заключения к законам Хаммурапи именно такой русский эквивалент аккадскому *šulumum* случайно<sup>2</sup>, нельзя не учитывать, что исследование текста с учетом всех современных данных ассириологии, в том числе и с позиции гиперкритики, позволяет использовать дефиницию «безопасность» не только в указанном контексте.

Необходимо отметить, что в месопотамской культуре существовали две важнейшие категории, воплощавшие в себе, по сути, концепцию безопасности государства: *kittum* (от корня *\*kwn* — «быть крепким, прочным»; «быть правильным, истинным») и *mīšarum* (от корня *\*jšr* — «быть ровным, прямым»; «быть справедливым, милостивым»; «быть целым, невредимым»). На русский язык они несколько условно перево-

<sup>1</sup> The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. 15 (S), 1984. P. 89–92; Vol. 17, Pt. I (Š), 1989. P. 206–229.

<sup>2</sup> Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока / Сост. и комм. А.А. Вигасина. М.: Восточная литература, 1997. С. 152.

дятся как «истина» и «справедливость», что воспринимается сегодня скорее синонимично<sup>1</sup>. Между тем, в рамках культуры Древней Месопотамии эти понятия различались достаточно четко. Наглядный пример того, как они могли визуализироваться, представлен на знаменитой стеле (высотой более 2 м) с текстом законов Хаммурапи, найденной в начале XX века в Сузах и хранящейся с тех пор в Лувре (рис. 1).

Стела была чрезвычайно растиражирована: обнаружены десятки копий текста, значительная часть которых происходит не с территории Вавилонии. Клинописный текст содержит 303 строчки введения, в которых очень настойчиво и с большим количеством повторов Хаммурапи объясняет концепцию царской власти<sup>2</sup>:



Рис. 1.

Стела с законами Хаммурапи. Лувр. Париж. Источник: 1peter315.blogspot.com

«**Меня** (здесь и далее все выделения в цитатах мои. — Г. К.), Хаммурапи, заботливого князя, почитающего богов, чтобы справедливость (*mīšarum*) в стране заставить сиять, преступника и злодея чтобы уничтожить, сильный слабого чтобы не притеснял, подобно Шамашу над черноголовыми восходить, страну озарять, великие боги Анум и Эллиль **для блага народа призвали**».

<sup>1</sup> Своим интересом к данным терминам один из авторов обязан лекциям В.А. Якобсона, прочитанным им в РГГУ в октябре 1994 г.

<sup>2</sup> Здесь и далее перевод с аккадского сделан Г.Ю. Колгановой по изданию: Аккадский (вавилонно-ассирийский) язык. Хрестоматия / Составитель Л.А. Липин, под ред. В.В. Струве. Изд-во Ленинградского ун-та. Л., 1957.



Рис. 2.

Рельеф с изображением крылатой богини (Иштар?). Британский музей, Лондон: [http://en.wikipedia.org/wiki/File:Ishtar\\_goddess.jpg](http://en.wikipedia.org/wiki/File:Ishtar_goddess.jpg)

и у Шамаша на стеле Хаммурапи, атрибутами власти в руках (рис. 2). Жезл и кольцо — атрибуты великих мужских божеств, женское божество обычно ими не наделялось.

Далее читаем:

«Мардук, чтобы справедливо руководить людьми, дать счастье стране, послал меня, **истину и справедливость в уста страны я вложил**, плоть людей убоготорил (то есть улучшил их положение. — Г. К.)».

В тексте введения, равно как и в тексте заключения, которое всегда воспринималось калькой с введения, единственный раз употребляется слово *kittum*, и огромное количество раз — слово *mīšarum*. Так вот, о *kittum*. В верхней части стелы Хаммурапи изображен один из верховных богов, Шамаш, вручающий вавилонскому царю атрибуты власти (некие жезл и кольцо), по-разному интерпретируемые исследователями. Но чтобы данные предметы ни обозначали первоначально, в дан-

Дальше Хаммурапи говорит, что он «упорядочил ритуалы великие богини Иштар» (что тоже очень значимо), что он — «западня для врагов», «заботливый, покорный великим богам, вечное семя царственности (при этом употребляется слово, образованное с помощью форманта *-ut*, явно представляющего собой кальку шумерского *nam*-, применявшегося для образования абстрактных понятий), могучий царь, солнце Вавилона, давший свет стране Шумера и Аккада, царь, заставивший слушаться четыре страны света, любимец богини Иштар».

То, что Хаммурапи так много строчек посвятил Иштар, не случайно. Её очень почитали и — боялись. Неслучайно иногда она изображается с такими же, как

ном контексте они, безусловно, связаны с понятиями *kittum* и *mīšarum* и служат их визуальным воплощением. *Kittum*, судя по всему, первично по отношению к *mīšarum* и в представлениях жителей Месопотамии выступает неким первоизданным началом, ниспосланным свыше<sup>1</sup>. Однако со времен царства Шумера и Аккада, похоже, начинает проявляться очень четкое осознание того, что в земных условиях посланный свыше божественный порядок претерпевает определённое развитие и потому нуждается в периодической коррекции. Видимо, это и отражается в дефиниции *mīšarum*. Весьма показательным существование огромного количества законодательных актов, которые так и называются, *mīšarum*. Все это напоминает современную правовую систему. Последняя не может оставаться неизменной из-за особенностей развития окружающей действительности, поэтому вынуждена разрабатывать новые правовые акты, вводить дополнительные статьи закона. Именно поэтому месопотамский царь, применительно к себе говорит преимущественно о *mīšarum*, а не о *kittum*. *Kittum* — структурный каркас, *mīšarum* — инструмент, позволяющий поддерживать *kittum*, иными словами **обеспечивающий его безопасность**.

Данная концепция безопасного существования государства оказалась очень устойчивой. Примерно через тысячу лет, в тексте Шестигранной призмы Синаххериба (704 — 681), в 18 строчках введения (представляете, во сколько раз сократилась необходимость обосновывать концепции?!), говорится по существу то же самое<sup>2</sup>:

«Я Синаххериб, могучий царь, царь обитаемого мира, царь Ассирии, царь четырёх стран света, премудрый пастырь (точно также называл себя и Хаммурапи. — Г.К.), послушный великим богам, **хранитель истины, любящий справедливость**».

<sup>1</sup> Наиболее близкая аналогия ему может быть прослежена, пожалуй, в шумерской категории «те». О ней см.: Емельянов В.В. Категория МЕ в старошумерских и саргоновских текстах // Вестник древней истории. 2003, № 1. С. 71–84; он же. Шумерский календарный ритуал (категория МЕ и весенние праздники). СПб.: Петербургское востоковедение, 2009.)

<sup>2</sup> Аккадский (вавилонно-ассирийский) язык. Хрестоматия. Составитель Л.А. Липин. Под редакцией В.В. Струве. Издательство Ленинградского университета. Л., 1957.

Он именно потому способен хранить эту истину, что любит справедливость. Здесь опять употребляются термины *kittum* и *mīšarum*. Дальше объясняется, что он творит добро и приходит на помощь убогому, что он «узда, смиряющая непокорных, поражающий молнией супостатов». Только верховное божество меняется, что закономерно, так как Синаххериб — царь Ассирии<sup>1</sup>:

«Ашшур, великая гора, несравненное царствование (используется то же слово, что и в тексте стелы Хаммурапи, образованное с помощью суффикса абстрактных имен. — Г. К.) вручил мне, всех черноголовых склонил к моим ногам».

Удивительно, что примерно через тысячу лет после Синаххериба и совершенно в другом регионе, в Индии VI в. н. э. в «Брихатсамхите» Варахамиры говорится<sup>2</sup>:

«**Царь — это корень дерева**, что состоит из подданных. Мир, как дерево, может быть больным или здоровым, в зависимости от того, вредят или заботятся о его корнях. Потому следует заботиться о царе».

Пожалуй, более ёмко по форме, но по содержанию не сильно отличается.

## II

Приведённые примеры (их количество может быть умножено) заставляют задуматься о существовании универсальных представлений, распространённых в различных регионах в и в разные исторические периоды, которые, несмотря на определенную вариативность речевой формы, отражают одну концепцию: **текст способен устанавливать порядок в мире**.

Возвращаясь к культуре текста в Древней Месопотамии, следует отметить, что она подразумевала и визуальное, и слуховое восприятие. Как правило, все письменные тексты читались вслух. Концепция порядка в мире, устанавливаемого текстом, наглядно проявляется в фигурках одорантов (поклоняющихся). Жители Месопотамии были людьми весьма практичными и понимали, что они не могут постоянно

---

<sup>1</sup> Аккадский (вавилонско-ассирийский) язык. Хрестоматия...

<sup>2</sup> Никольская К.Д. Космогоническая функция ритуального текста в Древней Индии (По материалам «Брихатсамхиты» Варахамиры) (рукопись).

присутствовать пред очами божества и внимать его советам. Вместо себя в храмах они ставили фигурки одорантов с большими глазами и ушами, которые всё очень хорошо видели и слышали. Зиккурат — одна из самых характерных форм месопотамской архитектуры и пример невербального текста — также наглядным образом «проговаривает» концепт мироустройства, его иерархическую выстроенность. На самой вершине находится божественное *kittum*, вечное, незыблемое. Чуть ниже — власть правителя, которому доверяют *kittum*, чтобы путем использования *mīšarum* он сохранял *kittum* для своей паствы. То есть гарантировал ей **безопасность**.

### III

В древнеегипетском языке не было лексемы, которая напрямую соответствовала бы современному понятию «безопасность». Но мы вряд ли совершим ошибку, если станем утверждать, что сама концепция жизни «без опасности» существовала в египетском обществе и имела большое значение для людей. По-видимому, главным при осмыслении безопасности бытия было ощущение стабильности. Такое мировосприятие во многом определялось природными условиями, в которых существовал (и до сих пор существует) Египет. Еще Геродот назвал эту страну «даром Нила»<sup>1</sup>, и эти слова хорошо отражают зависимость от великой реки, её ежегодных разливов. Для благополучия страны была создана сложная и продуманная система ирригации; а для того, чтобы эта система функционировала должным образом, потребовалось централизованное государство с его иерархической структурой и внушительным бюрократическим аппаратом. Стабильность системы непосредственно определяла безопасность жизни; нарушения стабильности приводили к тяжелым бедствиям.

Ключевой для понимания древнеегипетских представлений о безопасности является концепция *maat*. Это абстрактное синтетическое понятие, включавшее в себя такие понятия как «правда», «истина», «справедливость», «правопорядок», «этическая норма», «божественное установление», «закон» и т.п.<sup>2</sup> Широту содержания понятия *maat* под-

<sup>1</sup> Геродот. История. Книга II. 5.

<sup>2</sup> Helck W. Maat // Lexikon der Ägyptologie. Wiesbaden, 1975–1986. Bd. III. S. 1110–1118.

черкивало существование нескольких антонимов для этого слова, каждый из которых выражал определённый спектр значений: *jsft* — «хаос» как состояние, противоположное порядку и гармонии, *dw* — «зло»,



Рис. 3.

Маат. Деталь рельефа из Карнака.

Лувр, Париж. Источник:

[http://commons.wikimedia.org/wiki/](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Louvres-antiquites-egyptiennes-p1010973.jpg?uselang=ru)

[File:Louvres-antiquites-](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Louvres-antiquites-egyptiennes-p1010973.jpg?uselang=ru)

[egyptiennes-p1010973.jpg?uselang=ru](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Louvres-antiquites-egyptiennes-p1010973.jpg?uselang=ru)

*grg* — «ложь». Концепция *maat* — это воплощение мирового порядка и вселенской гармонии, законов, которые установил бог-творец со времён сотворения мира. Согласно этому вечному порядку движутся звезды, сменяются времена года, протекает жизнь живых существ. Принципы *maat* применялись к закономерностям развития как вселенной, так и общества, и предполагали ответственность каждого человека за свои поступки.

Культура превратила абстрактное понятие в божество Маат (рис. 3), представив его в виде женщины со страусиным пером на голове (именно это перо является самым узнаваемым символом Маат). Богиня считалась дочерью Ра, была близка Тоту, имела свой культ и своих жрецов. Хотя храмов, посвящённых исключительно Маат, известно немного, она широко почиталась в храмах других божеств.

Концепция *maat* не только определяла стабильность земной жизни; она имела исключительную важность и для жизни загробной. Например, в гробницах вельмож мы часто встречаем так называемые автобиографические тексты, в которых вельможи обосновывали своё право на благополучное посмертное бы-

тие, сообщая, что они «делали маат» и «говорили маат», то есть вели праведную жизнь. Вот как, например, рассказывает о своей жизни са-новник Урхуу, живший во времена Древнего царства<sup>1</sup>:

«Вышел я из города моего, спустился из нома моего. Говорил я маат там, делал я маат там... Никогда не причинял я страдания кому-либо, никогда не позволял, чтобы человек провёл день, гневаясь на меня... Я тот, кто жил в мире, сделался чтимым, возлюбленный отцом его, возлюбленный матерью его, чтимый теми, кто с ним, приятный братьям и сестрам его, любимый слугами его».

Этот текст — лишь один из многих аналогичных примеров, зачастую повторявших друг друга слово в слово, что только подчеркивает важность образующих его фраз и этических норм, которые в них излагаются. В определённом смысле они отражают идеальную модель правильных и **безопасных** общественных отношений.

Развитие этой риторики привело к оформлению так называемой отрицательной исповеди, которую, согласно древнеегипетским представлениям, умерший должен был произнести в своё оправдание на загробном божественном суде. Только человек, следовавший маат, мог рассчитывать на благополучие после смерти. Египтяне верили, что на загробном суде сердце каждого умершего взвешивается на весах, и противовесом при этом, как правило, служит перо Маат. Тот, чьё сердце утяжеляли дурные деяния, подлежал уничтожению, и лишь человек с легким «правдивым» сердцем мог рассчитывать на счастливую жизнь в Ином мире. Другими словами, безопасность после смерти непосредственно зависела от соблюдения принципов *маат* во время жизни.

В словесном выражении обоснование необходимости «делать и говорить маат» выглядит зачастую изящно и чрезвычайно просто. Например, вельможа Сешемнефер сообщал о себе, что он «каждый день говорил маат, которую любит бог, ибо это хорошо»<sup>2</sup>. Предполагалось, что принципы маат универсальны и известны всем, соответствовать им — это «хорошо» и угодно богам, если же их нарушить, это может привести к разрушению мирового порядка и воцарению хаоса, следовательно

---

<sup>1</sup> *Sethe K. Urkunden des Alten Reiches. Leipzig: J.S. Hinrichs, 1933. I. 46.9–47.4.* Здесь и далее перевод А.А. Петровой.

<sup>2</sup> *Ibid. Bd. I. 57.14–15.*



но, маат необходимо было поддерживать. Однако у каждого человека была возможность и иного выбора.

Вполне естественно, что персоной, на которую был возложен весь груз почётной ответственности по поддержанию мирового порядка, оказался древнеегипетский царь, выступавший посредником между богом и людьми, да и сам считавшийся божеством. Уже в Текстах пирамид мы встречаем многочисленные указания на эту функцию царя, бывшую одной из основных его обязанностей. Например, в речении 627 говорится<sup>1</sup>:



Рис. 4.

Сети I преподносит богу Ра статуэтку Маат. Париж, Лувр.

Источник: [http://commons.wikimedia.org/wiki/](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Egypte_louvre_118.jpg?uselang=ru)

[File:Egypte\\_louvre\\_118.](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Egypte_louvre_118.jpg?uselang=ru)

[jpg?uselang=ru](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Egypte_louvre_118.jpg?uselang=ru)

«Небо довольно, земля ликует, ибо услышали они, что [покойный царь] поместил Маат на место беспорядка (*isft*)» (то есть устранил беспорядок и восстановил маат. — А. П.).

В силу известной прочности статуса царя в Древнем Египте в исторический период ему не требовалось скрупулезных обоснований своей возможности исполнять функцию гаранта маат. Однако такая необходимость, вероятно, существовала в более раннюю эпоху, не оставившую нам письменных источников. Некий отголосок этого можно увидеть в ритуале *хеб-сед*, направленном на поддержание и обновление царственности и связанных с ней функций. Зародившись в доисторические времена, этот ритуал дожил до самых поздних эпох древнеегипетской истории<sup>2</sup>.

Имелись и другие ритуалы, непосредственно связанные с поддержанием маат. В ходе одного из них царь приподносил богу Ра небольшую статуэтку богини Маат, что символизировало завершение и обновление круга жизни, укрепление вселенской гармонии и уничтожение хаоса (рис. 4). Также цари поддерживали

<sup>1</sup> *Sethe K.* Die altaegyptischen Pyramidentexte. Bd. 2. Leipzig, 1910. Pp. § 1775a–b.

<sup>2</sup> О хеб-сед см. например: *Мамье М.Э.* Хебсед. Из истории древнеегипетской религии // Вестник древней истории, 1956. № 3. С. 7–28.

принципы маат, а заодно и безопасность государства с помощью победоносных войн. Конечно, немаловажной была и идея о личном благочестии царя (по крайней мере, в идеальном варианте). Многие цари именовались «возлюбленными Маат», что должно было подчеркнуть их приверженность правде и справедливости. Как в Месопотамии и в ряде других древних культур, правители Египта сохраняли и поддерживали мировой порядок для своих подданных, тем самым гарантируя им **безопасность**.

## V

Если размышлять о том, какая лексема в древнеегипетском языке была наиболее близка к современному понятию «безопасность» и могла бы, если бы египетский язык просуществовал до наших дней, обрести со временем соответствующие коннотации, то, пожалуй, ближе всего к интересующему нас понятию окажется лексема *Htp*, основное значение которой — «мир, спокойствие, умиротворённость», а также «быть спокойным, довольным, умиротворённым». В некоторых контекстах это слово действительно можно было бы, со всеми оговорками, перевести на русский с помощью слова «безопасность». Например, одна из распространенных фраз, описывающих хождение умершего в Ином мире, часто звучит таким образом: *xp.f xr wAwt nfrt xppt jmAxw xr.sn m Htp m Htp* — «идёт он по дорогам прекрасным, по которым ходят чтимые, в мире, в мире». Оборот «в мире, в мире» в данном случае явно подразумевает, помимо прочего, и **безопасность странствия** покойного.

### Дискуссия по докладу Г. Колгановой и А. Петровой

**Панарин.** Можно я сразу одну добавку сделаю. Вы сказали, что текст — это установление мирового порядка, да? В этой связи приведу примерную цитату — дословно не могу воспроизвести, но передам смысл того, что было написано где-то в 70-е годы XX века очень известным египетским журналом: «Мы считаем, что если мы произнесли слово, то уже всё свершилось, и в этом наше несчастье».

**Колганова.** Интересная идея.

**Петрова.** Ну, можно произнести *другое слово*, и все изменится.

**Панарин.** Это понятно, понятно. Но в данном случае подчеркивается, что это буквально национальное проклятие, в каждом аспекте жизни оно проявляется. Что люди считают: если они что-то сказали, то обозначенное словами действие уже совершилось, поэтому не надо особо напрягаться.

**Колганова.** Ну, ведь это же такой архетип человеческий.

**Дмитриев.** Одно дело сказать, а другое дело написать, да еще не фонетическим алфавитом — вырезать на стеле 18 там птичек и 14 глазок — вот тогда...

**Колганова.** Знаете, у той же самой Ксении Дмитриевны Никольской эпиграфом к её статье «Космогоническая функция ритуального текста в Древней Индии» стоит следующее: «Слово удваивает мир и позволяет человеку оперировать с предметами даже в их отсутствие». Лурия.

**Дмитриев.** В качестве контр-ремарки Сергею Алексеевичу: по-моему, лучше сказать и считать, что этим сделал, чем считать, что ничего не произошло и в следующий раз можно сказать всё, что угодно, с таким же успехом... Такие вот высокие выводы, я бы сказал.

А по докладу у меня два вопроса, коротеньких. Вы привели много примеров контекстов, в которых употреблялись понятия «справедливость» и «истина». А вот по этому корню «салам» / «шалам» есть какие-нибудь контексты? И второй вопрос сразу обоим докладчикам: есть ли какие-то пиктографические измерения этих терминов — что-нибудь внятное, или нет?

**Колганова.** Пиктографические? Ну, Вы знаете же, как развивалась месопотамская письменность. Развивалась она, на самом деле, абсолютно логично, как и всё в жизни, в сторону уменьшения начертательных усилий. Из фактически изобразительного письма, отчасти иероглифического, она превратилось в очень абстрактную систему условных обозначений. Поэтому аккадский и стал языком международного общения.

**Дмитриев.** Ещё и в фонетическую сторону, если я правильно понимаю?

**Колганова.** С самого начала.

**Дмитриев.** То есть, там нет смысла искать пиктографию?

**Колганова.** Нет. А что касается корня «шалам», то его значение сплошь и рядом «быть мирным», причём — в любых контекстах. Огромное количество таких употреблений.

**Дмитриев.** Но именно в смысле благопожелания или как в смысле характеристики какой-то части жизни?

**Колганова.** И как части жизни, и в качестве важной установки — антипода злу, вражде.

**Дмитриев.** А есть где-нибудь указание на то, что обязанность царя — в поддержании этого самого «салама»?

**Колганова.** Да, в поддержании миропорядка.

**Панарин.** Они чётко же сказали, что царь — это функция. И это страшно интересно в контексте нашей темы. Мы ведь вчера говорили даже о каких-то первичных трактовках безопасности, которые были как бы ценностью относительно автономной. А здесь совершенно чётко сказано, что безопасность — дериват. Дериват, производный от этого самого двуединства истины и справед-

ливости. А возможной она становится благодаря царю, то есть верховной власти.

**Колганова.** Я хочу обратить ваше внимание на то, что «киттум» в первичном значении означает «быть прочным, быть твердым», а «мишарум» — «делать прямым». Понимаете, вот эта твердость, она периодически «закрючивается», а не должна, поэтому её нужно постоянно выпрямлять. И очень активно присутствует понятие фундамента, очень важно представление о Дуранки — связи небес и земли как всеобщности. Дословный перевод Дуранки: dur — связь, an — небо, ki — земля.

**Петрова.** Одним из символов Маат также выступает фундамент. И есть выражение «поднимать Маат» — поднимать её от земли к небу, то есть восстанавливать, поправлять. Опять же, в египетском языке есть понятие «джед», которое условно можно перевести как «стабильность». И то, что концепция эта очень древняя, что она к Раннему царству уже давно сложилась — это очевидно.

**Дмитриев.** А у вас в Египте как там с точки зрения пиктографии?

**Петрова.** Сложно сказать...

**Дмитриев.** А вот Маат, например?

**Колганова.** Маат... простите, можно я вклинюсь, потому что мы забыли сказать — мы проговаривали это вчера с Настей вечером. Визуально изображение страусиного пера очень похоже на символ, который используют для атрибуции Иштар как божественного начала.

**Петрова.** Да, есть связь с Иштар... У вас, в Двуречье — «возлюбленный Иштар», а у нас — «возлюбленный Маат».

**Дмитриев.** А почему страусиное перо, кроме того, что оно на весах, там, где нужно быть уж совсем хорошим?

**Петрова.** Это очень древний какой-то символ, сложился он гораздо раньше, чем появились письменные источники. Видимо, связан с тростником. Такая же форма, как тростник египетский, который постоянно возникает в связи с загробными жертвами. И перо тоже на жертвенных столах рисуется, такой же формы. Связь очевидно есть, но что первично, что вторично... Концепт настолько древний, что трудно выяснить его реальные корни.

**Попов.** У меня вопрос к обеим докладчицам. Вот, значит, царь как гарант и воплощение Маат и царь как воплощение «мишарум». В каждом конкретном случае он воплощает в первую очередь порядок общемировой — чтобы солнце светило, чтобы люди рождались, чтобы трава росла, — или порядок в политическом смысле, чтобы государство стояло?

**Петрова.** В Египте всё четко: весь порядок на нём. И он не воплощение, а гарант маат.

**Попов.** Всё же, насколько это соотносилось с политическим порядком?

**Петрова.** Соотносилось напрямую: «государство — это я».

**Попов.** Вообще то и другое не разделялось?

**Петрова.** Нет, не разделялось.

**Попов.** И в обоих случаях идентично — и в аккадском, и в египетском?

**Колганова.** Есть некоторые нюансы, да, есть. Потому что, безусловно, даже ассирийский царь, даже новоассирийский царь в I тысячелетии никогда не забывал сказать: «Когда Ашшур в мои сильные руки вложил своё безжалостное оружие, вот тогда я пошел и покорил». Я ничего не делаю самопроизвольно, всё предписано, я только исполняю его волю. Это очень жесткая концепция. При этом наше традиционное восприятие царя как фигуры не очень красивой, потому что без конца говорит «Я, я, я и я», что очень негативно воспринимается в том числе и современными исследователями, — это, видимо, наше заблуждение. Я благодарна Владимиру Ароновичу Якобсону, который в своё время заметил, что это бесконечное местоимение первого лица единственного числа и все глаголы, которые даже без этого местоимения употребляются всё равно в первом лице единственном числе, — это чёткое осознание того, что вся ответственность на нём, на царе. Что бы ни было содеяно, кем бы ни было содеяно, за всё несет ответственность он. За неудачный военный поход, за что угодно. При этом любой военный поход, по крайней мере, до конца IX в. до н.э., воспринимался в соответствии с такой, абсолютно мифологической, парадигмой. Это ритуальное действие царя — преумножать пределы своей страны. Понимаете?

**Мещеряков.** Значит, ответственность большая... А перед кем?

**Петрова.** Перед богами.

**Мещеряков.** Только перед богами, да? И адресаты этих текстов не люди, а боги, да?

**Петрова.** Нет, люди тоже...

**Колганова.** Люди тоже...

**Мещеряков.** В каком смысле?

**Колганова.** Та картинка с зиккуратом, о которой я успела, к счастью, сказать, она подразумевает, что самый нижний уровень — это уровень паствы. И стела с законами Хаммурапи...

**Мещеряков.** Кстати, а где она найдена? Я просто не знаю. Где?

**Колганова.** Таблички с копиями законов найдены на огромной территории. А стела — та, самая, что в Лувре хранится, — в Сузах. Но она тоже была широко растиражирована, с неё брали пример.

**Мещеряков.** Стелы ставили в храме? В каком месте?

**Колганова.** Не обязательно в храме, они могли стоять в центре городской площади... Я позволю себе прочитать часть заключения, смотрите, что пишет Хаммурапи, как выстроена иерархия: «Я Хаммурапи, царь совершенный, не был невнимателен к черноголовым, которых даровал мне Эллиль и пастырство над которыми вручил мне Мардук. Я не был нерадив, я отыскал безопасные места, открывал выход из тяжких бедствий и заставил свет взойти над миром.

Я искоренил междуусобицы, улучшил положение страны, поселил людей в надёжных местах и избавил их от страха». Дальше пропускаю — и снова: «Чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы оказать справедливость сироте и вдове, чтобы в Вавилоне, городе, главу которого вознесли Ану и Эллил, в Эсагиле, храме, фундамент которого прочно установлен (тут опять употребляется слово от корня *kawatum*, от которого то же слово «*kittum*» образовано)... судить суд страны, выносить решения страны и притеснённому оказать справедливость, я начертал свои драгоценные слова на своём памятнике, установил перед своим, “царя справедливости” изображением».

**Мещеряков.** То есть это доклад вышестоящим инстанциям?

**Колганова.** Да. И четко аргументируется, ради чего всё. Потому что непосредственно паства без царской помощи не в состоянии существовать. То есть он такой передатчик.

**Панарин.** На самом деле, есть три функции у этого текста. Это легитимация собственной власти, обращенная и вверх, и вниз...

**Колганова.** Да.

**Панарин.** И, так сказать, доклад о выполнении обязанностей вверх. И поучение тем, индоктринация тех, кто внизу. Ну, если говорить современным языком.

**Колганова.** Кстати, для передачи смысла понятия «мудрость» в данном контексте используется слово, заимствованное из шумерского языка, которое состоит из двух: «*igi*» и «*gal*», и первое из них обозначает «глаза». Вы видели глаза фигурок. В общем, это значимо в культуре. И все слова тоже значимы. Если слово произнесено, к тому же начертано, оно очень весомо.

**Кириченко.** У меня реплика из серии абсолютных домислов и вопрос. Я думаю, что в принципе, если они были людьми со вкусом к жизни, то, скорее всего, решали проблему неграмотности значительной части населения тем, что эти тексты зачитывались регулярно.

**Колганова.** Можно сразу? Пересматривается, радикально пересматривается эта проблема. Большая часть населения Месопотамии была грамотная. Почитайте великолепнейшую книгу Доминика Шарпена «Чтение и письмо в Вавилонии».

**Петрова.** Тем не менее, прочитывали вслух тоже.

**Колганова.** Это тоже ритуальная концепция — произнесение вслух.

**Мещеряков.** Большинство — не перебор ли?

**Колганова.** Нет, не перебор: даже женщины были грамотные.

**Мещеряков.** Не верю.

**Кириченко.** Здесь и ответ на мой вопрос: эта точка зрения отличала всех жителей Вавилонии.

**Колганова.** Мы сразу сказали, что мы представляем вам некую идеальную модель, к которой стоило стремиться. Реальность всегда сложнее и многограннее. Мы не жили тогда.

**Кириченко.** С учетом того, что грамотность была подавляющей, тогда они, соответственно, имели возможность писать что-то, что не проходило официальную цензуру. Вот я имею удовольствие заниматься страной, в которой, на моё счастье, скажем так, есть масса источников, рассказывающих, с каким величием, с какими невероятными достижениями основатель последней династии её основал. Но есть несколько очень небольших документов с репликами его сподвижников — людей, которые, в общем-то, были к нему максимально близки и, по идее, должны были разделять ерунду, которую напихивали в официальную историографию. Разделять тоже в максимально большей степени, так сказать, запирались до последнего. Тем не менее они, по счастью, посчитали нужным писать то, что они думали. И это дает основание говорить о том, что разделение на то, что объявляется публично, и то, что человек думает про себя, оно существует. Лично я, когда сталкиваюсь с документами такого рода, я сразу соображаю, что если бы от Российской Федерации потомкам через две тысячи лет досталась только Конституция, они были бы исполнены абсолютной убежденности в том, какая фантастически грамотная была эта страна. И как глубоко те, кто в ней жил, понимали своих соседей, скажем, за океаном или тут же, по континенту.

**Колганова.** Есть, конечно, проблемы, но есть и определённые свидетельства, которые позволяют нам всё-таки не соглашаться в корне с некогда высказанной концепцией Игоря Сергеевича Ключкова о неисторичности ассирийских исторических текстов. Ибо многие тексты предназначались не для публичного прочтения, они предназначались для божества. А врать божеству бессмысленно. Бессмысленно, понимаете? Бессмысленно расписывать свои заслуги богу — он всё знает про вас.

**Мещеряков.** Я хочу теоретически возразить. Работая с такими текстами, я пришел к выводу, что совершенно всё равно, что ты говоришь. Лишь бы процедура освящения текста была правильной. После того, как текст проходит это освящение, он становится истиной в последней инстанции, никакие возражения невозможны. И мне кажется, что официальная историография, она именно так и делается.

**Колганова.** На самом деле, божества-то в Месопотамии, они были очень очеловеченные, как вы, наверное, знаете. Они точно также себя иной раз красиво вели, напивались и в таком состоянии людей творили...

**Мещеряков.** Да это все боги такие! Других богов раз, два, три — и всё, и они кончились.

**Колганова.** С другой стороны, наверное, не следовало себя особо превозносить, раз божество могло грешить... Это сложная проблема. На самом деле, мне кажется наиболее интересным здесь именно то, что сформулировала в своей статье Ксения Никольская: текст начинает жить своей какой-то сознательной жизнью и имеет некую власть над окружающим. И ведь на самом деле,

ведь что нам Месопотамия оставила, по большому счету? Огромное количество текстов. Она не оставила нам таких памятников, как Египет, но зато оставила огромное количество письменных источников. На сегодняшний день кто говорит, что полтора миллиона, кто говорит — меньше. Шарпен, допустим, считает, что больше пятисот тысяч табличек. При этом их авторы были страшными бюрократами: литературных текстов — десять процентов, всё остальное — это хозяйственные документы. Страшная отчётность была.

**Петрова.** По поводу идеальной и реальной ситуации. В реальности, бесспорно, были сомнения. Они дошли до нас, например, в виде известного текста «Беседа разочарованного со своим Ба», в котором говорится: «А кто, вообще, возвращался оттуда, чтобы рассказать, что там на самом деле?» Сомнения были. Тем не менее, есть концепция идеальная — безусловно, она была известна всем хорошо. Сомнения же — исключения, они, как всегда, подтверждают правила. Нельзя сказать, что кто-то там не знал этой концепции — из текстов следует, что она была совершенно универсальной, известной до самых низов. Человек мог, возможно, в неё не верить, но она была известна повсеместно... И второе, что хочу сказать — про риторику божественную. Я согласна совершенно с Вашей точкой зрения, что если форма соблюдена, то можно надеяться, что всё будет в порядке. Поэтому и все эти бесконечные, одними и теми же словами повторяемые заявления чиновников: «я не притеснял слабого, я был отцом сироте и защитником вдове». Надежда на то, что всё это сработает, была — лишь бы прочитано было правильно. Так что, конечно, была идеальная ситуация и была совершенно понятная реальность.

**Панарин.** Я присоединяюсь к вам насчет того, что какие-то внутренние сомнения были. И даже горечь могла звучать, как в таких известных, в дьяконовском переводе, строчках: «Разве навеки мы строим дома? Разве навеки делятся братья? Разве навеки ненависть в людях?». Это же уже очень эмоционально.



# КОННОТАЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ БЕЗОПАСНОСТИ В БИРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

*Алексей Кириченко*

В настоящей статье анализируются основные понятия, использовавшиеся и используемые в бирманском языке для передачи идеи безопасности в доколониальный период и на современном этапе, равно как и коннотации этих понятий, контекст их употребления и их антонимы. Этим сюжетам посвящены первые три раздела текста. В последнем разделе показывается, как понятие «безопасность» менялось в колониальный период, какое новое измерение появилось у него в связи с принятием англоязычного термина “security” и как это изменённое понятие бытовало в период независимого развития Бирмы / Мьянмы.

## I

В разное время для передачи идеи и состояния безопасности бирманцы использовали три основных лексемы. Каждая из них имела собственную семантику и свой контекст употребления. Более того, лексема, ныне являющаяся в официальном дискурсе основным эквивалентом понятия «безопасность», традиционно таковой не была.

Первая лексема *андэрей-кин*, возможно, является калькой палийского *nirupaddava*, описывает состояние, в котором живое существо защищено и не подвергается различным рискам, и может быть переве-

дена как «отсутствие угроз / опасностей» или «избавление от угроз / опасностей»<sup>1</sup>. Исторически именно она имела наиболее широкое употребление.

Вторая лексема *бей-ме* также, скорее всего, является результатом адаптации пали: происходит от слова *abhaya*, означающего отсутствие страха. По смыслу она близка к *андэрей-кин* и имеет следующие значения: «отсутствие угроз», «отсутствие опасностей», «отсутствие [источников] страха». При этом у *бей-ме* иная грамматическая функция, нежели у *андэрей-кин*: передавать не столько состояние безопасности как таковое, сколько состояние безопасности как следствие действий субъекта. Поэтому употребляется *бей-ме* только в сочетании с глаголом «ней» («предоставлять», «давать», «обеспечивать»)<sup>2</sup>. Лексически *бей-ме-ней* можно рассматривать как кальку *abhaya-dāna* («дарение бесстрашия», «дарение безопасности»), хотя *ней* — глагол, а *dāna* — существительное. По сути, выражение *бей-ме-ней* означало направленное на достижение безопасности **действие**, в результате которого живые существа оказываются в **состоянии** безопасности *андэрей-кин*<sup>3</sup>. Основными референтами такой ситуации являются запреты на убийство животных, продажу опьяняющих веществ и т.п. на определённой территории.

Третья лексема *лоун-чжоун-йей* не является заимствованным словом. Исходно она означала «надёжность», «прочность», постепенно (с колониального времени) приобретает и главное своё современное значение — «безопасность»<sup>4</sup>. Именно она является наиболее употребительной в современных бирманских политических дискурсах.

Оценивая референты понятия «безопасность» в бирманском языке, можно ответить, что они относятся к принципиально разным семантическим рядам. Первая группа значений, характерных для *андэрей-кин*

<sup>1</sup> Myanmar-English Dictionary. Yangon: Myanmar Language Commission, 1996, P. 627.

<sup>2</sup> Ibid. P. 324.

<sup>3</sup> Описать ситуацию, когда безопасность наступает в результате какого-то действия, также можно, добавив к *андэрей-кин* показатель каузатива *-сей* (*андэрей-кин-зей*). Подобная конструкция не требует наличия в высказывании одушевлённого субъекта и может употребляться для описания результата действия безличных факторов.

<sup>4</sup> Myanmar-English Dictionary... P. 458.

и *бей-ме*, идентична русскому слову «безопасность» в его буквальном понимании («неопасный», «неугрожающий», «не могущий причинить зла или вреда»<sup>1</sup>), тогда как вторая группа соответствует английскому “secure” в его значении «прочно зафиксированный»<sup>2</sup>.

## II

Учитывая значения лексем *андэрей-кин* и *бей-ме* и особенности их образования, полезно для понимания коннотаций понятия «безопасность» разобрать, что трактуется в бирманской культуре как «опасность».

И в традиционной, и в современной Мьянме в качестве опасностей рассматривается всё, что способно нанести ущерб: а) здоровью, б) благосостоянию и в) репутации. При этом, поскольку понятия *андэрей-кин* и *бей-ме* тесно связаны с буддийскими концептами, что просматривается и в их вероятной этимологии, трактовки опасности также имеют буддийское «наполнение». Палийская каноническая и комментаторская литература содержит много перечислений опасностей, оснований для опасений и бедствий. Часть из них вошла в бирманский обиход либо в неизменном исходном, либо в переработанном виде.

Так, среди популярных в Мьянме перечней можно привести следующий список из шестнадцати опасностей или бедствий (*унадава-схэчхау-на*): 1) рождение (или зачатие), 2) старость, 3) болезнь, 4) умирание, 5) плохой государь, 6) пожар, 7) воры, 8) наводнение, 9) водораздел, 10) шторм или цунами, 11) *макара*<sup>3</sup>, 12) крокодил, 13) осуждение, спровоцированное самим лицом, 14) осуждение, спровоцированное другими лицами, 15) наказание или кара, 16) рождение в четырех неблагоприятных формах существования<sup>4</sup>. Расширенным вариантом этого списка является перечень, включающий двадцать пять

---

<sup>1</sup> По «Словарю живого великорусского языка» Владимира Даля, постоянный адрес: <http://sheba.spb.ru/dal.htm>.

<sup>2</sup> The Concise Oxford Dictionary of Current English. 8<sup>th</sup> Edition. Ed. by R.E. Allen. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 1093.

<sup>3</sup> *Макара* – мифическое существо, обитающее в воде и сочетающее в себе черты различных реальных существ.

<sup>4</sup> Таковыми признаются рождения на уровнях, состоящих только из страданий (*niraya*), а также в качестве животного, голодного духа *peta* и гневливого демона *asura*.

опасностей: 1) утрату родных, 2) физические мучения из-за болезни, 3) утрату имущества, 4) утрату морального поведения, 5) утрату правильных воззрений, 6) государя, 7) воров, 8) врагов, 9) голод, 10) пожар, 11) наводнение, 12) шторм, 13) водораздел, 14) крокодила, 15) макару, 16) сомнения в себе или беспокойство, 17) обвинения, 18) наказание, 19) неблагоприятное рождение, 20) публичное поношение, 21) зависимость от других в обеспечении существования, 22) зачатие, 23) старость, 24) болезнь, 25) умирание или смерть<sup>1</sup>.

Развернутую номенклатуру опасностей, от которых желательно избавиться, предлагает и базовая формула поклонения Трём драгоценностям буддизма, произносимая мирянами перед принятием обетов. Помимо уже упоминавшихся рождений в четырёх неблагоприятных формах существования (*эпе-лей-ба*), туда, в частности, входят «восемь неблагоприятных состояний» или «положений» (*йапы-ци-на*), не позволяющие продвинуться в буддийской практике,<sup>2</sup> и «пять видов врагов», способных причинить бедствия (*йанду-мьоу-нга-ба*)<sup>3</sup>.

Таким образом, можно отметить, что в контексте устранения опасностей безопасность понимается очень конкретно и отождествляется с состоянием определённых лиц, а не как некое абстрактное или общее состояние. В то же время безопасность обладает определённой универсальностью, причём не только для людей: её критерии едины для всех категорий живых существ, находящихся в сансаре.

Если перечисляемое в списках сгруппировать в категории, то получится, что в качестве основных источников опасностей определяют: а) природные катаклизмы и стихии; б) власть; в) враждебно настроенные люди и недоброжелатели; г) дикие звери и другие опасные живые существа (в том числе духи и т.п.); д) общее несовершенство существования; е) ложные воззрения и неблагоприятная карма.

<sup>1</sup> *Обатабивунта, Эшин*. Тугейтана тэйоу-пья эбидан. Янгоун, 1997. С. 123–125 (бирм. яз.).

<sup>2</sup> Рождение в *нирайе* во время существования буддийского учения (*sāsana*); рождение в качестве животного; рождение в качестве голодного духа; рождение в качестве *брахм*, лишённых сознания или тела; рождение в качестве калеки во время жизни *буддхи* и исповедование ложных воззрений во время его жизни; жизнь в местностях, где не получило распространения буддийское учение; рождение в мировой системе, где нет буддх.

<sup>3</sup> Вода, огонь, государь, воры и разбойники, ненавистники.

### III

Устранение опасностей, то есть состояние безопасности, достигается не путём их ликвидации или снижения рисков в принципе, а путём обретения защиты для конкретного адресата — индивида или группы. Иначе говоря, безопасность как отсутствие опасностей всегда явно персонализирована.

Источником защиты могли выступать все, чьё могущество, чья сила с точки зрения ищущих безопасности больше, чем могущество и сила источника опасности. Среди категорий защитников, способных устранить опасности, особое место занимали и занимают Будда, буддийские монахи, праведные божества и духи, а также люди, обретшие сверхъестественные способности в результате различных практик, в первую очередь, занятий алхимией (*vijjadhara*).

Изображения Будды и буддийские постройки (ступы, храмы и т.д.) всегда имели широкое применение как апотропеические, то есть отгоняющие зло, средства. Причем следует отметить, что со временем представление о Будде как о защитнике становилось в Мьянме всё более выраженным. В частности, одним из направлений эволюции изобразительных программ бирманских буддийских храмов было увеличение доли образов, обладавших защитной функцией. Так, начиная с XVII века, одним из самых распространенных иконографических сюжетов становится серия изображений так называемых восьми побед Будды над «внешними» врагами (*эпхин-аун-чжин*) — над теми, кто пытался причинить ему вред. Это победа над Марой, усмирение демона (*yakkha*) Алаваки, слона Налагири и разбойника Ангулималы, опровержение ложных обвинений Чинча Манавики, победа в диспуте над отшельником Саччакой, разрешение монаху Могаллане усмирить нага Нандопананду и посрамление Бака-брахмы. По сути, в стилизованной форме этот перечень включал основные категории существ, враждебных человеку (демоны, дикие звери, разбойники, завистники, наги и недружественные божества), а покровительство и защита Будды позиционировались как эффективное средство противостояния им.

Аналогичными способностями наделялись и буддийские монахи, простое присутствие которых признавалось средством обеспечения безопасности. Как писал около 1518 года один из крупных бирманских литераторов Шин Тилавунта (1453–1518 или 1520)<sup>1</sup>:

---

<sup>1</sup> *Тилавунта, Шин*. Йазэвин-чжо. Янгоун, б.г. С. 36 (бирм. яз.).

«Из-за [присутствия] монахов [о городе] заботятся хорошие божества. От того, что заботятся хорошие божества, жестокие духи-людоеды *би́лу* жить не могут (здесь и далее выделено мной. — А.К.). От того, что жестокие *би́лу* оказываются далеко, **утихают опасности**, а от того, что просто становится узнать [ответы на] вопросы, которые следует знать тем, кто обладает моралью и мудростью, исчезают сомнения и возможным становится правильно практиковать дарения и моральное поведение, чтобы обрести благополучие людей, благополучие божеств, благополучие *ниббаны*».

Божества, духи и обладатели магических и сверхъестественных способностей *виджджадхары*, подвергшиеся большему или меньшему буддийскому осмыслению, также рассматривались как эффективные категории защитников, поддержка и присутствие которых была почти столь же важна, как и поддержка Будды и сангхи. Короче, в Мьянме, как и в других странах Юго-Восточной Азии, сложился разветвленный «персонал» специалистов по безопасности.

Активно развивался и инструментарий защиты, то есть набор средств и действий, способных гарантировать безопасность. Среди них особую роль играли амулеты, магические татуировки, различные формы защиты священным текстом, ритуальные и ритуально значимые действия. Все эти инструменты использовались и используются в комплексе, а их семантика и образность тесно переплетаются с категориями лиц или существ, способных оказать защиту<sup>1</sup>. В частности, амулеты, которые в основном были призваны обеспечить сохранение и накопление блага, а также защиту от попыток нанесения вреда, часто изготавливались в виде изображений Будды и монахов. Татуировки представляли собой зашифрованные или стилизованные записи фраз из буддийских текстов (рис. 1), буддийские мантры, изображения существ-хранителей или обладателей силы и/или других искомым качеств.

---

<sup>1</sup> Применительно к Таиланду богатый этнографический материал по теме собран в работе: *Tierwel, Barend Jan. Monks and Magic: Revisiting a Classic Study of Religious Ceremonies in Thailand.* Copenhagen: NIAS Press, 2012. Данное исследование является в значительной степени репрезентативным и для Мьянмы. Также см.: *Spiro, Melford. Burmese Supernaturalism: A Study in the Explanation and Resolution of Suffering.* Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall, 1967.

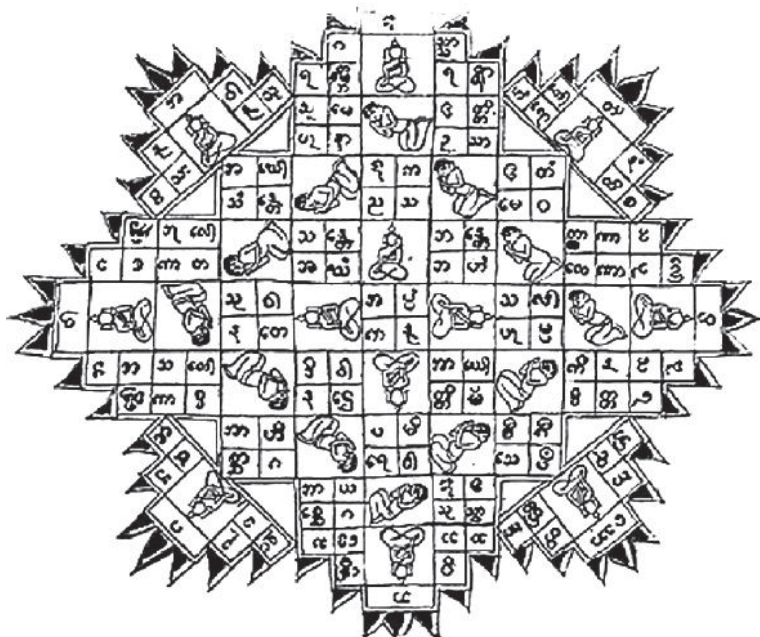


Рис. 1. Татуировка в виде магической диаграммы с зашифрованным защитным текстом. Источник: Тейнингабьюха чан-тхвэ си-схин-поун си-тэ-поун. Янгоун: Сапей бейман, 1973.

Произнесение священных текстов, наряду с прочими средствами защиты, обеспечивало покровительство со стороны божеств и духов. Внутри общего комплекса буддийской литературы важную практическую роль играли цитаты и отдельные тексты, наделавшиеся защитными функциями<sup>1</sup>. В Мьянме в их число включали фрагменты канона, считающиеся наиболее важными (атрибуты Трёх драгоценностей, закон зависимого возникновения, виды взаимосвязей между явлениями

<sup>1</sup> Это было характерно не только для Мьянмы, но практически для всей зоны распространения буддизма. См. в этой связи: *Skilling, Peter. The Rakṣā Literature of the Śrāvakaṃyāna // Journal of the Pāli Text Society, 1992, No. 16. P. 109–182. О различных сферах применения буддийских охранительных текстов см., в частности: Blackburn, Anne. Magic in the Monastery: Textual Practice and Monastic Identity in Sri Lanka // History of Religions, 1999, Vol. 38, No. 4. P. 354–372.*

и др.), канонические и постканонические охранительные тексты *paritta*, ритуальные тексты *kammavāsa*, мантры и т.д.<sup>1</sup>

Апотропеические средства, применявшиеся для защиты индивида, могли быть распространены и на общности разного масштаба — вплоть до всего населения страны. Таким образом, коллективная безопасность не только на уровне концептов, но и по признанным средствам её обеспечения не обособлялась от безопасности отдельных лиц и не составляла отдельной предметной области.

#### IV

Весь спектр апотропеических средств (включая магические), как и круг традиционных «специалистов» по их применению сохранился и действует в современной Мьянме. Пожалуй, единственным существенным отличием от доколониального времени можно считать утрату былой приоритетности угрозами безопасности сверхъестественного характера. Имеются в виду опасности, отождествляемые с действиями духов, демонов, божеств и т.д. Это не означает большей рационализации понятия «безопасность» и процесса её обеспечения. В определённом смысле их «эзотеричность» даже выросла, и причиной этого можно назвать складывание в колониальной и постколониальной Мьянме качественно нового измерения идеи «безопасности», связанного с вхождением в оборот британского термина “security”. С этого времени безопасность начинает трактоваться и как предотвращение угроз правопорядку и существующему режиму, как устранение вызовов государству и органам власти. И если до обретения Мьянмой независимости обеспечение подобной безопасности было прерогативой колониальных

---

<sup>1</sup> В частности, распространённая в Мьянме коллекция из одиннадцати паритт включала тексты, направленные на: 1) достижение искомого результата, защиту от опасностей; 2) отведение дурных предзнаменований и опасностей, излечение недугов, усмирение диких зверей; 3) защиту от вреда и враждебного отношения, усмирение диких зверей, завоевание расположения; 4) защиту от укусов змей и от яда; 5) освобождение от заключения, защиту от ловушек; 6) защиту от пожара; 7) защиту во время войны, преодоление страха; 8) защиту от демонов и злых духов; 9) успешное разрешение от родов; 10) избавление от болезней; 11) защиту от несчастий, вызванных неблагоприятным расположением планет. См.: *Eleven Holy Discourses of Protection: Mahā Paritta Pāli*. Transl. by Sao Htun Hmat Win. Yangon, 1991.



структур, то в постколониальный период новой, эксклюзивной, категорией «специалистов» по безопасности становятся представители вооруженных сил.

Новизна трактовки безопасности проявилась, в частности, в том, что для передачи термина “security” в бирманском языке стало использоваться понятие, прежде слабо связанное с семантикой традиционных бирманских референтов безопасности — выражений *андэрей-кин* и *бей-ме*. В качестве эквивалента “security” начинает использоваться слово *лоун-чжоун-йей* — «надежность», до тех пор имевшее весьма ограниченное применение. Лично мне в доколониальных бирманских текстах оно попало лишь в двух контекстах: при описании ношения монашеской робы, **надёжно обернутой вокруг тела** и при констатации **надёжности укреплений** военного лагеря. Тот и другой контекст связаны с идеей защиты, и оба предполагают достижение «безопасности» не в воздействии на угрозу, её устраняющем или нейтрализующем, как подразумевается в случае употребления термина *андэрей-кин*, а в обеспечении максимальной сопротивляемости, своеобразном «повышении боеготовности» того, кто подвергается угрозе.

Примером принятия новой терминологии в бирманском языке может служить передача понятий “secure” и “security” в англо-бирманском словаре А. Джадсона. Словарь гласит<sup>1</sup>:

1. Secure, *a.* safe, free from danger လုံချုံသော, free from apprehension မစိုးရိမ်သော, wanting caution, သတိမရှိဘဲနေသော, certain, assured in mind, ယုံမှားခြင်းမရှိဘဲအမှန်သိသော confident in တွေးတောခြင်းမရပျံ့ဘဲ ယုံကြည်သော.

2. Secure, *v. t.* to make safe, လုံချုံစွာပြုသည် to keep (liquids, & c.) from escaping, မယိုမထွက်နိုင်အောင် လုံစေသည် to keep in safe custody, မလွတ်နိုင်အောင် ချုပ်ထားသည် to make certain of attainment, မချွတ်မလွဲရအောင် ပြုသည်.

3. Security, *n.* from Secure, *a.*; that which ensures safety, လုံချုံစေသော အရာ, a surety, အာမခံ, a pledge, အပေါင်းအပေါင်အနံ့.

То есть составитель использует производные глагола *лоун-чжоун* («быть надёжно закрепленным») как эквиваленты «safe, free from danger», «to make safe» и «that which ensures safety». В прочих случаях используются другие термины и понятия.

<sup>1</sup> A Dictionary, English and Burmese, by A. Judson. Maulmain: American Baptist Mission Press, 1849. P. 448–449.

В современном бирманском языке понимание безопасности как «надёжности» преимущественно государствоцентрично, что с 1988 по 2010 год означало отстаивание легитимности военного правительства и реализуемого им сценария развития страны. Показательны следующие слова из выступления вице-старшего генерала Маун Эя (второго лица в военном режиме с середины 1990-х годов по 2010 год) на генеральной ассамблее ООН в 1995 году<sup>1</sup>:

«С нашей точки зрения безопасность подразумевает невмешательство во внутренние дела и свободу от давления извне. Безопасность – это синоним базового права свободно выбирать политическое, экономическое и социальное устройство страны и определять будущее в соответствии со своими ценностями и идеалами».

При этом идея безопасности как обеспечения выживания и устранения угроз также продолжает сохраняться и в официальном лексиконе, демонстрируя актуальность коннотаций лексемы *андэрей-кин*. В частности, в 1998 году, полемизируя с властями США, бирманские пропагандисты отмечали<sup>2</sup>:

«Правительство и народ Мьянмы восхищаются теми правами, которые есть у американских граждан, и когда-нибудь, когда будут соблюдены необходимые условия, Мьянма может перенять некоторые из этих прав американского народа. Однако в настоящий момент правительство и народ Мьянмы озабочены тем, что в США основные и универсальные права человека, такие, как безопасность и защита граждан, собственности и права на жизнь, оказались принесены в жертву другим правам индивида. Мьянма и многие другие страны шокированы растущим уровнем насилия в США. Стрельба, открытая в арканзасской школе двумя школьниками, и прискорбный случай убийства двух полицейских на Капитолийском холме в 1998 г. – это лишь немногие из шокирующих примеров отсутствия основополагающих прав человека в США, а совсем не в Мьянме, как обвиняет [нас] в том правительство США».

---

<sup>1</sup> Цит. по: Myanmar: The Military Regime's View of the World / International Crisis Group Asia Report No. 28, 7 December 2001. P. 4.

<sup>2</sup> Available at: [www.burmalibrary.org/reg.burma/archives/199808/msg00824.html](http://www.burmalibrary.org/reg.burma/archives/199808/msg00824.html), last visited on 19.05.2012.

И в своей практической деятельности военные власти Мьянмы активно использовали средства, связанные с обоими измерениями понятия «безопасность». Помимо мер, направленных на укрепление режима и повышения контролируемости политического процесса, в течение двадцати с лишним лет нахождения у власти ими был реализован широкий спектр классических апотропеических мер. Самым свежим примером может служить возведение в новой столице Мьянмы городе Нейпидо огромной ступы Уппата-санти («Успокоение опасностей»), дублирующей основную национальную святыню Швейдэгоун (рис. 2) и наглядно воплощающей причудливый синтез *андэрей-кин* и *security* на бирманской почве.

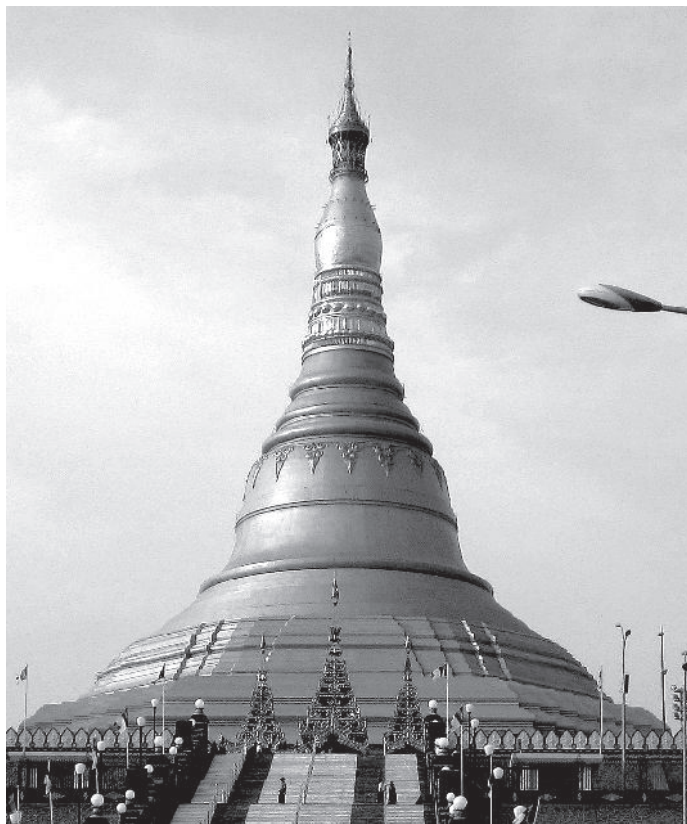


Рис. 2. Ступа Уппата-санти в г. Нейпидо.

Источник: [wikimedia.org/wiki/File:Uppatasanti\\_Pagoda-01.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Uppatasanti_Pagoda-01.jpg)

\* \* \*

Сложности национального и государственного строительства, с которыми столкнулась Мьянма во второй половине XX века, и выход военных на ведущие позиции в политической жизни страны привели к тому, что безопасность как security полностью превратилась в прерогативу власти. В то же время, несмотря на все произошедшие изменения, население в целом сохранило традиционное понимание безопасности как совокупности личных / семейных и групповых практик, норм и состояний, направленных на предотвращение угрожающих человеку бед и несчастий.

### Дискуссия по докладу А. Кириченко

**Микульский.** Должен сказать, дорогие друзья, что жанры дискурса весьма разнородны и порою противоречивы. Вчера за обедом наш глубокоуважаемый докладчик так рассказывал о Бирме, что бирманцы предстали передо мной, по меньшей мере, в качестве людей приземлённых. А они на самом деле народ высоко духовный; культура у них многомерная, многоярусная; правители, которых они считают источником опасности, на самом деле заботятся о благе народа и являют образ страны на международной арене в наилучшем виде. Ваш доклад ещё раз свидетельствует о том, что и Россия — страна буддистская. Вот посмотрите: пьют, ругаются, дерутся, воруют, а какой высоко духовный народ! И правители тоже о благе народа заботятся...

**Панарин.** И «Вашингтонскому обкому» кузькину мать показывают...

**Мещеряков.** Эти вот тексты, направленные «Вашингтонскому обкому» — в точности тексты, предназначенные для божества.

**Кириченко.** В целом, эти обращения не имеют, конечно, реального адресата, потому что их никто не слышит. Хотя, с другой стороны, представители американского Госдепа говорят: «многие считают, что основной агент, основной игрок в современной Мьянме — это Китай. Это неправда. Больше всего бирманское правительство стремится к признанию со стороны США». Так что, по крайней мере, «божества» уверены в том, что они — божества.

**Колганова.** Пожалуйста, подтвердите, правильно я услышала, что государь может быть гарантом безопасности и источником опасности?

**Кириченко.** С одной стороны, государь и его приближённые провозглашают носителя власти праведным правителем. Однако канонические буддистские тексты чётко говорят о том, что правители и вообще любой носитель власти — это опасность; так, при появлении государя монашеские общины имеют право не проводить собрания, которые им обязательно надо проводить для рецитации дисциплинарных текстов. Иными словами, в присутствии представителя власти можно забыть даже про отдельные аспекты монашеской дисциплины.

**Колганова.** На самом деле, есть нечто похожее и в месопотамской культуре. Иногда рождается царь — очень нехороший царь, который несёт опасность всей стране.

**Кириченко.** Я забыл сказать одну важную вещь, которая подтверждает мысль, что Россия — буддистская страна. То обстоятельство, что в Мьянме появился второй термин для передачи идеи безопасности, а также свой круг «священнослужителей» для её воплощения, по-своему помогло Мьянме догнать Россию на новом этапе. Раньше они шли в ногу с Россией, потому что «безопасность» у них была «безопасностью»; даже не «беспечностью», а именно «безопасностью». А сейчас Мьянма догнала Россию по такому показателю, как наличие узкого круга творцов безопасности как security, и отчуждения остальной массы населения от этой деятельности. Отчуждение населения от власти и от проекта обеспечения государственной и национальной безопасности в России и Мьянме сопоставимо.

**Абашин.** Представленная нам картина, я думаю, нам всем знакома: она не только бирманская, но и наша российская. То есть везде присутствует такая магия — алогические способы предотвращения, предохранения или лечения того, что случилось. Какое место это занимает в жизни? Мы в России приходим в церковь, ставим свечку, а потом всё равно идём в больницу, встаём в очередь, чтобы нам сделали операцию, чтобы нас осмотрели на томографе и т.д. Для нашей безопасности нам важны пенсии, медицина и т.п.

**Кириченко.** Правительство Мьянмы «позаботилось» о населении: пенсий нет, медицины тоже нет, вернее она есть, но является одной из худших в мире. У меня про медицину много историй. Так, жители одной деревни приехали к доктору. Доктор посмотрел пациента и сказал: «ОК». Ну, они взяли больного и поехали обратно. Вернулись в деревню, а через несколько дней пациент умер. Тогда жители деревни и сказали друг другу: «А-а-а, так вот что доктор имел в виду! «ОК» значит: «помрёт»! История невыдуманная. Вот такая в Мьянме медицина.

**Абашин.** То есть в больницу они идут...

**Кириченко.** В больницу они идут. Был британский колониализм, и он вакцинацию распространил навсегда. Поэтому, что бы ни случилось, бирманцы идут и делают укол жаропонижающего или антибиотика. Парацетамол — лекарство от всех болезней. При этом, конечно, обязательно идут и к астрологу. В основном, этим женщины заведуют. У мужчин есть более важные дела: футбол, пиво, у VIP-персон — гольф.

**Абашин.** Они к этому серьёзно относятся?

**Кириченко.** На самом деле, в Бирме ко всему относятся с определённой долей иронии. Поэтому есть существенный процент населения, который вообще ни во что не верит. Но даже у таких людей есть родственник, который ходит к астрологу за них. И есть масса вещей, которые принято делать коллек-

тивно; тут уже никакой уклонист не отвертится. Он может про себя бурчать или шутить, но если что-то положено делать семьёй, то он пойдет и будет делать это; и если что-то положено делать трудовым коллективом, он пойдет и будет делать. Иными словами, различные действия, направленные на то, чтобы всё везде было хорошо и правильно, бирманцы совершают ещё и потому, что так делает весь квартал, весь дом, вся семья. С точки зрения быта Мьянма напоминает Советский Союз 1950–1960-х годов, когда вся жизнь протекала в коллективе (хотя бы в масштабе двора): здесь все друг друга знают, причем шире и глубже, чем было у нас, так что координация достигается очень быстро.

**Дмитриев.** У меня есть два замечания и несколько коротких вопросов. Первое. Я хочу поблагодарить докладчика: вчера мы узнали, что у нас в России есть концепция духовной безопасности, но она не расписана в деталях, а теперь стало понятно, как её нужно расписать. Второе. Мне кажется, что абсолютно очевидно, что эту страну, про которую никто из нас ничего не слышал, докладчик придумал специально, чтобы обличать недостатки нашей действительности.

И первый вопрос: я понял уже, что, видимо, простой бирманец считает, что амулетом можно избавиться от всех опасностей. Но ведь с точки зрения буддизма это наверняка невозможно? Ведь фактически безопасность — это синоним нирваны.

**Кириченко.** Амулеты у нас очень любят национальные меньшинства, особенно тайцы. А бирманцы в основном используют алхимические шарики, хотя и не все. Для усиления эффекта в амулет лучше заложить пепел от сожженного священного текста. Лучше всего взять самую древнюю рукопись. Чем древнее рукопись, тем лучше, так как она сама старая, самая неприглядная. Рукописи вообще никому не нужны, тем более, древние. На протяжении нескольких столетий поступали так: сначала из старой государевой одежды делали самые дорогостоящие и престижные рукописи, потом из этих рукописей получался пепел и амулеты. В общем, получается пепел, помещается в амулет, амулет загоняется под кожу, потом над ним ещё какой-нибудь текст читается, и можно начинать медитировать. Против такой эшелонированной обороны уже никакая зараза не страшна. Хотя, надо признать, что одна из основных причин смертности в Мьянме — это укусы змеи. Видимо, мало осталось подходящих рукописей для защиты...

**Дмитриев.** У меня ещё вопрос. Среди опасностей были отмечены всякие водные хищники. Неужели нет других хищников, более наглядных?

**Кириченко** Ну, источники-то создавались на Ланке, там вода — это актуально. В Мьянме есть другие гады.

**Колганова.** А что за страшное водное существо, о котором говорилось в докладе?

**Кириченко.** Макара? В одном бирманском переводе макара вообще стал дельфином. По сути, это животное, которое связано с водной стихией, олицетворяющее её.

**Попов.** У меня вопрос тоже по списку угроз. В нём, наряду с неудачными родами, разбойниками, крокодилами, политическую составляющую представляет только государь. А такие факторы, как война, захват, мятеж, смута? Почему они вообще отсутствуют?

**Кириченко.** Они, так сказать, ноша государя, его проблема. Универсальной проблемой это не считается.

**Попов.** А если придут захватчики?

**Кириченко.** Ну, буддисты смотрели, что за люди эти захватчики. По сути, сопротивляться проклятым колонизаторам многие народы не хотели: ни сингалы, ни бирманцы. Так что бирманское правительство правильно делает, что не хочет доверять населению: если им дать возможность, сдадут врагам, и всё тут. Если же говорить серьёзно, то в коллективной памяти современной Мьянмы голода и войны как глобальных бедствий нет. С одной стороны, фоновый уровень насилия в буддистских странах достаточно высокий. Это business as usual, правила игры, но при этом угроза персонализирована. С буддийской точки зрения не может лично тебе угрожать армия противника. Тебе может угрожать конкретный враг, который пришёл и тычет в тебя штыком, потому что он тебя ненавидит. От такого ненавистника и врага защититься надо. Вот, придумана масса средств. С другой стороны, как буддисты, мы за мир во всем мире.

**Дмитриев.** Но в принципе нас это не волнует?

**Кириченко.** На самом деле, волнует. Пожелания безопасности как «андэрей-кин» адресуются всем живым существам. Не только людям, а вообще всем. Для собственного же блага человеку очень полезно медитировать, распространяя пожелания блага на всех живых существ.

## **ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЯПОНИИ: XVII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА**

*Александр Мещеряков*

Особенностью развития Японии в течение длительного времени являлась ее малая вовлеченность в мировой / региональный исторический процесс. Это было обусловлено островным положением, осознанием элитой самодостаточности ресурсной, демографической и культурной базы страны, отсутствием интереса по отношению к Японии регионального гегемона Китая. В связи с этим вопросы военной безопасности мало волновали правящие слои, на протяжении длительного периода — с начала IX по середину XIX века — в Японии даже не было единой армии. Главный акцент в деле достижения безопасности делался на внутреннюю социальную политику, которая была призвана обеспечить управляемость обществом, его строжайшую иерархию.

Безопасность страны отождествлялась с безопасностью императорской династии, её несменяемостью. Официальной задачей военных правителей сёгунов была именно защита императоров от мятежей и заговоров. Считалось, что император — «хозяин» времени, понимаемого как правильное чередование времён года; с помощью системы ритуалов он обеспечивает благополучие и безопасность подданных, оберегает их от природных катаклизмов и аномалий. (Несменяемость, несмотря ни на какие исторические обстоятельства, императорской династии



с V века н.э. до сегодняшнего дня имеет в своей основе именно это убеждение.) Однако магические потенции императора распространяются только на землю Японии. Земля же эта создана синтоистскими божествами, священна, и неизменная задача всех подданных — оберегать её.

Сакрализация Японии и её безопасности проходит через всю историю страны. В то же время особенности осмысления территории Японии и того, каким образом следует её оберегать, меняются в зависимости от исторических и культурных обстоятельств. В данной статье анализируется период XVII — первой половины XX веков, прослеживается, каким образом в этот период менялись представления о «качестве» территории, какие средства считались адекватными для обеспечения её безопасности.

## I

Период истории Японии, предшествовавший установлению сёгуната Токугава (1603–1867), был наполнен бесконечными кровавыми усобицами, наложившими глубокий отпечаток на весь модус восприятия действительности. Мыслители того времени придерживались буддийской картины мира и, увидев в японской ситуации доказательство концепции о неизбежном ухудшении «качества» времени после достижения Буддой нирваны, заговорили об упадке власти и морали, даже о конце времён, интерпретировавшемся прежде всего как прекращение императорской династии.

Общий пессимистический настрой эпохи сказывался на всём, в том числе на восприятии размеров и географического положения страны. Буддийская картина мира предполагает, что в центре мироздания находится мировая гора Сумеру. Она окружена четырьмя «материками». К материкам примыкает множество островных стран, которые квалифицировались почти уничижительно — как разбросанные в море зёрнышки проса (*дзокусан коку*). Япония противопоставлялась таким образом «большим странам», прежде всего, Индии и Китаю, да и место ей отводилось возле побережья Южного материка, в удалении от мировой горы и её благодати<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Более подробно об этом см.: *Мещеряков А.Н.* Размер имеет значение: эволюция понятия «островная страна» в японской культуре // Вопросы философии, 2012, № 8.

После установления долгожданного мира ситуация меняется самым решительным образом: тонко выстроенная сёгунатом система сдержек и противовесов обеспечивает политическую, социальную и бытовую стабильность, а буддизм перестаёт быть основным средством осмысления мира. Мир наделяется конфуцианскими характеристиками, а само конфуцианство становится официальной идеологией, признаётся наилучшим средством для управления. И тогда общественная мысль обретает оптимистический заряд, начинает позиционировать Японию как страну благоденствия, страну «божественную» — созданную синтоистскими божествами<sup>1</sup>.

Мыслители того времени неизменно возносили хвалу мирному правлению сёгуната. Так, конфуцианец Исида Байган (1685–1744) писал<sup>2</sup>:

«Сегодня в Поднебесной царит мир. Благодаря этому благодатному, счастливому обстоятельству товары и ценности могут беспрепятственно доставляться в места, удалённые на несколько тысяч ри<sup>3</sup>, хоть морским путем, хоть сухопутным, не опасаясь морских пиратов или лесных разбойников. В городах люди имеют возможность спокойно жить в своих домах. Если самураи, крестьяне, торговцы и ремесленники, каждый на своем месте, будут прилагать усилия к исполнению своего занятия, то они будут жить, ни в чем не нуждаясь. Это заслуга милостивой человеколюбивой политики [сегодняшних] властей, вызывающая чувство благоговения... В свободное от трудов время [человек] имеет возможность любоваться луной или цветением сакуры и, кроме того, при желании изучать Путь совершенномудрых... Благодеяние нынешнего государства настолько огромно, что может идти в сравнение с Небом и Землёй, и его едва ли можно описать с помощью кисти».

В отличие от сегодняшнего дня, когда принято подчеркивать бедную ресурсную базу Японии, в то время расхожим было мнение, что

---

<sup>1</sup> Общую характеристику эпохи Токугава см. *Мецержаков А.Н.* Статья японцем. М.: Эксмо, 2012. С.16–50. Автор назвал эту монографию «Статья японцем. Топография и приключения тела», однако, по вине издательства, из названия выпал подзаголовок.

<sup>2</sup> Цит. по: *Карелова Л.Б.* Учение Исиды Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. М.: Наука, 2007. С. 290.

<sup>3</sup> Ри — мера длины в средневековой Японии, равная четырём километрам.

Япония обладает всем необходимым для благополучного существования<sup>1</sup>:

«...Наша страна изобильна пятью злаками [рис, ячмень, чумиза, бобы, просо], богата пятью металлами [золото, серебро, медь, железо, олово] и во всём испытывает достаток, потому, видимо, имеет полное основание не оглядываться на других».

Одновременно с похвалами собственной стране умами овладевает сознание того, что от внешнего мира следует ждать только неприятностей. Европейцы — носители христианства, которое ставит власть духовную выше власти светской, а это грозит мятежами, доказательством чему считалось Симабарское восстание 1637 года на Кюсю, многие участники которого были новообращёнными христианами. В Китае к власти пришла «дикая» кочевническая маньчжурская династия, контакты с ней ничего, кроме вреда, принести не могут, тем более что Япония в это время позиционирует себя культурным Центром — наследником прежней великой китайской культуры. В связи с этим сёгунат проводит политику изоляционизма, отношения с зарубежьем почти прекращаются. Выезд из страны запрещается совсем, а въезд в неё разрешен крайне ограниченному количеству торговцев из Голландии, Китая и Кореи. В этой автаркии сёгунат видит гарантию **безопасности** Японии.

## II

К числу тех конфуцианских мыслителей, что внесли большой вклад в процесс осмысления места Японии в мире, принадлежит астролог и географ Нисикава Дзёкэн (1648–1724). Одна из его наиболее известных работ — появившийся в 1720 году трактат «Нихон суйдо ко» («Размышления о японской земле»), где автор, оперируя не только традиционными категориями китайской политико-географической философии, но и европейскими географическими знаниями, обосновывает несравненные достоинства географического положения Японии и вытекающие из природных условий достоинства власти<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки*. Канкай ибун. Удивительные сведения об окружающих землю морях. Пер. В.Н. Горегляда. СПб: Гиперион, 2009. С. 47.

<sup>2</sup> Мы пользовались следующим изданием: *Нисикава Дзёкэн*. Нихон суйдо ко. Суйдо кайбэн. Каи цусё ко. Токио: Иванами, 1988. С.18–26.

В начале своего труда Нисикава приводит относительно объективную географическую карту мира с нанесёнными на ней континентами и некоторыми странами, с изображением экватора и градусной (широтной) сетки. В то же самое время на этой круглой карте присутствует и привычное, китайское по своему происхождению, обозначение направлений с помощью циклических знаков. Однако китайское и европейское знание не вступают во внутренний конфликт, служат одной цели — обоснованию тезиса об уникально благоприятном географическом положении Японии, гарантирующем **безопасность от внешних угроз**.

В предисловии к своему труду Нисикава говорит о том, что иностранцы «хвалят красоту своих стран», но при этом не свободны от личных пристрастий. Задача же автора трактата состоит в том, чтобы обосновать красоту Японии и показать её превосходство с помощью объективной географической карты. Однако, по сути, его методом оказывается мыслительная операция не столько с реалиями, сколько с их символическими заместителями.

Земной шар делится на «три мира» и «пять материков». К первому миру относятся Азия, Европа и Африка, ко второму — Америка, к третьему — острова восточного полушария к югу от экватора (*Мэгарани*). Первый мир — самый лучший, Азия в нём — наилучшая часть света, а самое благоприятное положение в Азии занимает Япония. Правда, в традиционных китайских / японских мыслительных построениях наилучшее место — это, безусловно, Центр, и Нисикава признает, что центральное положение занимает Китай, а Япония находится к востоку от него. Но положение Японии всё равно более благоприятное по следующим причинам.

Во-первых, по конфигурации страны. В соответствии с геополитическими представлениями своего времени Нисикава не включает в состав Японии Хоккайдо и Окинаву. Поэтому он считает, что страна вытянута на 12 градусов (один градус равняется 40 ри) по оси восток — запад (именно так располагали Японию в традиционной картографии), узка по оси юг — север и имеет форму дракона (семантика дракона весьма многообразна, здесь мы отметим лишь положительную символику этого мифического создания). Причем спина дракона расположена в том месте, которое соответствует расположению первой триграммы *кантэн* (обозначает небо и северо-восток) и святилища *Исэ* (родовое

синтоистское святилище правящего рода). Именно отсюда исходит «огонь» — солнечный свет, в этом месте «встречают» божества света. Получается, что к кантэн имеют отношение не только собственно божества, но и обитатели Японии — как люди, так и животные, — и вообще вся тьма вещей. У дракона — крепкая спина, значит, и климат в стране хорош, а у людей — не лживое сердце.

Во-вторых, территория Японии благоприятна для солнечных (ян'ных) божеств, о чем и свидетельствует её название Нихон — При-солнечная страна. Во многие имена японцев входят форманты *хико* (для мужчин) и *химэ* (для женщин). Автор толкует их как «сын солнца» и «дочь солнца», то есть все обитатели страны являются потомками солнечного божества. Это следствие её географического положения («природности»). Кроме того, Япония — это страна «воды» (дождей и рек), благодаря чему она обладает богатой растительностью.

В-третьих, Япония также является страной, где четыре времени года пребывают в гармонии: погоды сменяются в правильной последовательности, а температурный режим умеренный, не бывает слишком холодно и слишком жарко. Мир велик, но таких чудесных мест на свете больше не существует. Все страны, расположенные на юге и на севере, или очень жаркие, или чересчур холодные. Япония же простирается в промежутке от 38–39<sup>0</sup> до 31–32<sup>0</sup> восточной долготы. Район Киото, где стоит императорский дворец, расположен в самом центре страны (на 35<sup>0</sup>), поэтому климат там обладает наибольшей «срединностью» (умеренностью), начала инь и ян пребывают в гармонии, что напрямую сказывается на людях — они там очень красивы.

Далее, Япония — самая восточная страна, солнце освещает её первой, благодаря чему в ней берёт начало сильная положительная (солнечная) энергия (яп. *ки*, кит. *ци*), дающая жизнь деревьям и растениям, всему живому. Поэтому японцы обладают развитым человеколюбием и чувством долга по отношению к тем людям, с которыми им приходится вступать в контакт. Кроме того, японцы обладают мужеством — силой, которую они черпают от гор. В связи с этим они любят светлое, чистое и белое и не любят грязное и мутное, а также следуют церемониальности — правилам телесного и вербального поведения, обеспечивающим поддержание иерархии в обществе, то есть порядка. Даже японские простолюдины, в отличие от простолюдинов других стран твердо придерживаются правильных семейных отношений, которые

тоже имеют иерархическую структуру во главе с отцом семейства; даже для них брак и семья — начало порядка, человеческих отношений и обязательств.

Вдобавок Япония расположена на северо-востоке, то есть там, где кончается инь и начинается ян, куда приходят светлые божества и откуда бегут демоны *они*. В последний день года убийственный зимний инь сменяется животворным весенним ян. Все японцы неукоснительно справляют новый год; ведь новый год — это начало весны, светлого ки, в новогоднюю ночь привечают светлых божеств, а темное ки прогоняют, в этом и состоит японский обычай. Вообще в деле почитания божеств Япония превосходит другие страны, она страна божественная, страна, где собираются божества. Поэтому-то все японцы постоянно веселы и жизнерадостны, а уныние ненавидят, и эти чувства народа — следствие естественного географического положения страны.

Наконец, если сравнить Японию с Индией и Китаем, то Япония, конечно, — страна не самая большая, но справедливо ли суждение, что она маленькая страна? В море расположены восемь («восемь» можно трактовать и как «множество») больших островов-стран, Япония среди них — самый большой остров. Так почему же называют её маленькой, даже «просьяным зернышком»? Земной шар делится на 360 градусов, протяженность Японии с востока на запад меньше этого числа всего в 32 раза. А потому Япония — страна совсем не маленькая, нельзя сравнивать её с просьяным зернышком. Кроме того, большие размеры вовсе не означают, что всякую обладающую ими страну следует считать заслуживающей уважения. «Уважаемость» страны определяется климатом (правильностью смены четырёх времен года) и его производной — качеством проживающих там людей. В странах со слишком большой территорией чувства людей и их обычаи чересчур разнообразны, их трудно объединить. Из-за этого многообразия в Китае всё время случаются смены династий. Размеры Японии — не большие и не маленькие, обычаи её людей, их чувства одинаковы, управлять ими легко. Поэтому и правящая династия в Японии никогда не менялась, и это делает её уникальной.

Как видим, природная среда, с одной стороны, качества власти и японцев, с другой, находятся, согласно Нисикава, в самой прямой зависимости. Соответственно, его построения следует определить как «географический детерминизм». Такой детерминизм — одна из основных особенностей конфуцианской картины мира. Центр, где пребывает

священный правитель, отличается несравненными характеристиками: благоприятным географическим положением, наилучшим климатом и тем, что он изначально и вечно «культурен». Периферия же не имеет шансов превратиться в Центр, в первую очередь потому, что по определению обладает дурными природными условиями (плохой климат, природные бедствия, неудачное географическое положение). Осознание своего превосходства доставляло глубокое удовлетворение обитателям Центра, которые не ставили целью окультурить периферию. Именно этим объясняется наблюдаемое в японской истории длительное и упорное нежелание расширять территорию страны. Считалось, что периферия мало пригодна для проживания «культурного» человека. На севере слишком холодно и не растет рис — основа пищевого рациона «настоящего» японца. На юге же слишком жарко, там ходят раздетыми, что совершенно неприемлемо, так как «правильная» одежда — одежда, выполняющая роль социального маркера, — основа государственного и общественного порядка<sup>1</sup>.

Признавая, как уже отмечалось, что Япония расположена к востоку от Китая, Нисикава тем не менее считал её восточное положение самым благоприятным и в этом смысле «центральным». И точно так же, как и в чисто китайской модели организации пространства, изложенная им японская модель постулировала неизменность не только географического положения, но всего строя жизни, соотношения между «культурностью» и «варварством».

Европейцам географические знания нужны были в первую очередь для того, чтобы путешествовать по миру, осваивать и покорять его. Нисикава знания по географии, почерпнутые им у европейской науки, использует совсем для другой цели — представить читателю дополнительные доказательства того, что с внешним миром следует иметь как можно меньше контактов. Ибо японцы изначально облагодетельствованы своим географическим положением и природными условиями, им не имеет смысла искать лучшей земли и доли. В связи с этим даже Хоккайдо почти не интересовал сёгунат в плане его освоения. В «Нихон суйдо ко» мы находим полное одобрение изоляционистской политики сёгуна Токугава, ещё одно подтверждение её правильности.

---

<sup>1</sup> Социальным функциям одежды в значительной степени посвящена монография: *Мещеряков А.Н.* Статья японцем...

Вера автора трактата в природный фактор была беспредельной. Раз территория Японии — лучшая в мире, то и занимающая её страна — наилучшая во всех отношениях. В том числе и потому, что её географическое положение обеспечивает ей защищённость от внешних угроз. Территория Японии превосходно «укреплена», по этому параметру она превосходит все другие страны. Закономерность такова: маленькие страны покоряются большим, поглощаются ими. С Японией иначе: хотя она находится поблизости от больших стран, она отделена от них бурным морем и поэтому как бы далека. Поэтому она никогда не была покорена большими странами. Японию с древних времен называют *Ураясу* («Страна спокойных заливов»), потому что она защищена от вторжения природными условиями. Иначе говоря, в предлагаемой системе ценностей морю придаются положительные смыслы как стихии, которая отделяет и предохраняет «культуру» от «варварства». Море играет роль искусственного рва с водой. Сами же японцы, проживая в «большом замке» посреди моря, обладают воинской доблестью тысячи копий; их Небо и Земля — вечны; они — народ потомков божеств; путь этого народа завещан богами; любит он прозрачное, чистое, белое; шествует дорогой человеколюбия и мужества; преисполнен мудрости, которая возникает в нём сама собой, как следствие божественной природы его страны.

Эта точка зрения являлась в эпоху Токугава доминирующей.

### III

Идеи Нисикавы предполагали неизменяемость предложенного им толкования геополитики, исключали активную реакцию на происходившие в мире изменения. Такая позиция была близка и власти. Увеличивавшаяся с конца XVIII века угроза вторжения со стороны западных держав так и не побудила сёгунат к сколько-нибудь активным действиям. Те, кто выступал с инициативой по подготовке отпора западному давлению, рассматривались властями как диссиденты. В этом отношении показательна судьба самурайского сына Хаяси Сихэя (1738–1793). В своем труде 1786 года «Кайкоку хэйдан» («Беседы о военном деле морского государства»), он широко использует термин «морское государство» (*кайкоку*) применительно к Японии. Однако его не интересуют возможности моря как среды, использование которой может способствовать торговле или же облегчить доступ японцев в другие земли.



Автор подчеркивает двойную функцию моря — разделять и соединять, но вторую оставляет почти исключительно иноземцам, одержимым торговыми и захватническими целями<sup>1</sup>:

«То, что страна является морской, может сделать приход чужеземных разбойников в эту страну лёгким, но в то же время послужить препятствием к этому... Говоря о трудностях, я имею в виду наши неприступные берега, со всех четырёх сторон окруженные бескрайним морем, и это исключает возможность попасть в нашу страну без разрешения. Однако не следует и пренебрегать укреплениями на этих неприступных берегах».

Таким образом, Хаяси отдает дань ставшему уже традиционным представлению о Японии как о стране с географическим положением, благоприятным с точки зрения обороны и безопасности. Но в тот период, когда угроза вторжения со стороны западных держав становилась ощутимее (Хаяси также опасался агрессии со стороны цинского Китая), он осмелился предложить конкретные меры по дополнительной, теперь уже рукотворной, защите страны<sup>2</sup>:

«Если с настоящего момента утвердить новую систему [обороны] и постепенно готовиться, пятидесяти лет вполне хватит, чтобы на всём морском побережье Японии соорудить великолепные и внушительные сооружения. Не сомневайтесь! Когда всё это будет реализовано, открытое море станет для нас рвом, прибрежные утесы — каменными стенами, а сама Япония станет подобной огромному замку окружностью в пять тысяч ри. Разве не приятно это осознать?»

В трактате обращает на себя внимание следующее обстоятельство: рассуждая о мощи европейских судов, автор рассчитывает противопоставить ей не столько собственный японский военно-морской флот, сколько оснащённые пушками береговые укрепления. Таким образом, он в значительной степени остаётся во власти представлений, согласно которым Япония является сухопутным земледельческим государством и отдаёт море во власть других стран. Иными словами, «морскому госу-

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Щепкин В.В.* Трактат Хаяси Сихэй «Кайкоку хэйдан» как памятник военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603–1867). Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. СПб, 2010. С. 151.

<sup>2</sup> Там же. С. 158.

дарству» следует обороняться от моря. В другом своем труде, «Сангоку цуран», Хаяси допускал теоретическую возможность проникновения японцев на Эдзо (Хоккайдо), в Корею, Рюкю. Но сам он ни в одной из этих земель не был, и сведения о них почерпнул из книг и частных бесед. Путешествия, которые произвели на него наибольшее впечатление, ограничивались Нагасаки (единственный порт, в который дозволялось заходить европейским судам), где он имел возможность копировать карты, имеющие европейское происхождение.

Предложения Хаяси, при всей их наивности и ограниченности, кажутся вполне разумными. Однако это взгляд из сегодняшнего дня. В указе же сёгуната отмечалось, что само допущение возможности проникновения иностранцев в Японию является вздорным и вредным, потому Хаяси Сихэй приговаривается к домашнему аресту, а его сочинение подлежит изъятию и уничтожению. В вину ему вменялось также копирование «не соответствующих действительности» карт<sup>1</sup>.

Мы видим, что образ Японии как страны, недоступной для иноземцев в силу своего географического положения, фактически являлся частью государственной идеологии, а искажение этого образа приравнивалось к крамоле и диссидентству. Сёгунат находился в плену своей идеологии, распространявшейся на природу и на географию, а потому и его последующая реакция на угрозы безопасности страны и режима, исходившие с Запада, оказалась совершенно неадекватной и закончилась его падением в 1867 году.

#### IV

После свержения сёгуната ситуация меняется коренным образом. К власти приходят активные люди, которые делают императора Мэйдзи своим знаменем. Япония испытывает комплекс неполноценности перед Западом и на какое-то время перестает позиционировать себя как центр культуры. Считается, что агрессия Запада может в любой момент превратить Японию в колонию или полуколонию. Главным условием для обеспечения безопасности и независимости признаются сильная армия и флот, образованное на европейский лад население и формирование единой японской нации, объединившейся для защиты императо-

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Щепкин В.В.* Трактат Хаяси Сихэй «Кайкоку хэйдан» как памятник военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603–1867)... С. 23–24.

ра. Ставится задача догнать Запад и добиться признания Японии в качестве мировой державы, для этого предпринимаются всеобъемлющие институциональные реформы. Концепция закрытого пространства сменяется концепцией пространства открытого и подлежащего освоению. Приоритетное внимание уделяется транспорту — морскому и железнодорожному, получает распространение идея о том, что овладение стихией моря — гарантия безопасности страны. Одновременно на место неподвижной конфуцианской картины мира приходят и с легкостью укореняются идеи эволюции, прогресса и социального дарвинизма, воспринимаемые как операциональные средства защиты императора и японской идентичности, позволяющие Японии надеяться на лучшее будущее. Оно и понятно: без укоренения этих идей была бы невозможна сама постановка задачи по ликвидации «отсталости» Японии.<sup>1</sup>

В духе того времени Япония возжелала обзавестись колониями — превращение страны в колониальную державу сделалось важнейшим условием для поднятия самосознания. После японо-китайской войны 1894–1895 годов, когда Япония приобрела Тайвань, японо-русской войны 1904–1905 годов, принесшей ей Курилы и Южный Сахалин, и присоединения в 1910 году Кореи Япония действительно стала колониальной державой. Теперь она позиционирует себя не как жалкую островную страну, а как мощное материковое государство.

Одновременно предпринимаются всеобъемлющие усилия по созданию общепонской культуры, которая позиционируется сначала как уникальная, а потом — как превосходящая все остальные<sup>2</sup>. Конструируются такие отсутствовавшие раньше понятия как «японская литература», «японская живопись», «японская эстетика», «японская мораль», «японская природа» «японская душа» и т.д. Особое место отводится фигуре императора — «отца» японской нации, представителя не прерывающейся в веках правящей династии. Задача «детей» — народа — состоит в защите императора и японской культуры (= поддержание национальной идентичности) от «порчи», исходящей от иностранных

---

<sup>1</sup> Об историческом содержании периода Мэйдзи см.: *Мецзяков А.Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006.

<sup>2</sup> Об особенностях японского варианта тоталитаризма см.: *Мецзяков А.Н.* Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009.

государств. Более конкретная задача заключается в том, чтобы отодвинуть границы, отдалить варваров от культурного центра. Задача по приобщению «варваров» к культуре ставится лишь в весьма ограниченной степени. Предметом гордости становится тот факт, что японская земля ни разу не была завоевана («осквернена») иностранцами.

Новые границы — границы империи — предполагали, что страна делится на две основных зоны: на внутренние земли *найти* (собственно Япония) и внешние земли *гайти* (колонии). Такое деление соответствовало традиционным представлениям о Центре и периферии, где приближенность к Центру определяет «качество» людей. Действительно, коренные обитатели «внешних земель» в силу их места рождения не имели статуса полноценных подданных, подвергались открытой дискриминации как на государственном, так и на бытовом уровне и не могли рассчитывать на превращение в японцев. Активное оперирование с понятием «земля» показывает связь с традицией, где оно является понятием первичным по отношению к людям («какая земля, такие и люди»).

Задача по защите императора, японской земли и культуры интерпретировалась как создание все более расширяющихся буферных зон (Маньчжоу-го, «дружественный» Китай, планы по завоеванию советского Дальнего Востока и Сибири и т.д.). В результате формируется концепция паназиатизма, идея создания «зоны сопроцветания в Восточной Азии». Аналогично концепции «Срединной страны», паназиатизм опять-таки предполагает наличие «центра» в лице Японии и окружающей этот центр культурной «периферии», которая ни при каких условиях не может изменить свой культурный статус. Такое понимание чаемого мироустройства приводит к геополитическому безрассудству — к объявлению войны Великобритании и США. К безрассудству потому, что это решение не может быть объяснено с точки зрения прагматических соображений: любой сколько-нибудь объективный анализ убеждал в том, что Япония, уже увязшая на континенте в полномасштабной войне с Китаем, не в состоянии выиграть ещё одно противоборство — и уже не со слабым азиатским соседом, а с мощными западными державами.

Беда в том, что к моменту нападения на Пёрл-Харбор состояние умов не позволяло провести такой анализ. К этому времени японцы стали считать, что «дух» сильнее «плоти», а потому любые подсчеты

соотношения — от лукавого. Они искренне уверовали в то, что их страна — культурный центр, страна Срединная, концепция же «Срединной страны» предполагала наказание варваров за непочтительное поведение по отношению к Центру, за нарушение ими правил культурного поведения. В этой системе ценностей долгом периферии считалось доставлять дань Центру природными (необработанными) продуктами. И когда западные страны отказались продавать Японии металл и нефть, Япония «обиделась» на них за такую непочтительность и начала войну. В императорском указе об объявлении войны говорилось, что США и Великобритания препятствуют «мирной торговле» и тем самым угрожают самому существованию Японии.

Япония могла бы получить необходимые ресурсы, если бы отказалась от экспансии, но это условие вообще не подлежало обсуждению. Ведь одним из основных лозунгов войны стал лозунг *хакко итию* («восемь углов под одной крышей»), означавший, что все стороны света должны быть объединены под эгидой Японии. На деле в то время у самих японцев, образно говоря, по-настоящему снесло крышу. Они настолько уверовали в высочайшее качество своей земли, способной обеспечить им безопасность, что полностью пренебрегли подготовкой к её рукотворной защите: система ПВО практически отсутствовала, и американская авиация чувствовала себя в небе Японии в полной безопасности.

\* \* \*

Из проведённого анализа видно, что в основе представлений японцев о своем месте в мире лежит концепт «срединности». В период Токугава «срединность» в первую очередь осмыслялась как самодостаточный географический фактор, который не поддаётся изменению и не предполагает активных действий со стороны человека для обеспечения безопасности страны. В период модернизации ситуация меняется: Япония признается культурным Центром, требующим обеспечения безопасности за счет создания буферных зон вокруг него.

А как, исходя из идеи «срединности», можно интерпретировать нынешнюю ситуацию? Безопасность современной Японии в значительной степени основана на внешней торговле. Чтобы существовать, Япония вынуждена покупать природные ресурсы и превращать их в высокотехнологичные изделия, которые она продаёт поставщикам ресурсов. Традиционные даннические отношения на Дальнем Востоке выглядели

так: вассалы приносят Центру «дары земли» — камни, шкуры, диких животных и т.п., а взамен получают вещи с высокой по тем временам добавленной стоимостью — ткани, керамику, произведения искусства. Ныне же это традиционное представление об обеспечиваемых экономическим обменом безопасных отношениях между «культурным центром» и «варварской периферией» реализуется в общепризнанной форме международного разделения труда.

### Дискуссия по докладу А. Мещерякова

**Микульский.** Вы сказали о сознательном формировании японской нации. Каким образом оно осуществлялось?

**Мещеряков.** Во-первых, с помощью пропаганды. Раньше основой идеологии была фрагментация по сословному принципу. Раньше никому и в голову придти не могло, что между князем и крестьянином есть хоть что-то общее. Межсословные перегородки были очень прочными, теперь сословия упразднили, теперь говорится, что все мы — единый японский народ. Во-вторых, символ этого японского народа — император. Создаётся новый образ императора, вокруг которого и выстраивается вся государственно-политическая система. Раньше император не появлялся на публике — теперь он появляется на публике. Раньше император не покидал пределы дворца — теперь же путешествует по всей стране. Раньше его изображение было табуировано — теперь в школах и учреждениях появляется его портрет, предназначенный для поклонения. То есть император выступает как символ нации. Третье: развитие транспортных средств. Токугавская Япония фактически не знала колесного транспорта. Теперь появляются рикши, быстро и эффективно строятся железные дороги, развивается морской транспорт. В результате население становится более мобильным, перемешивается, постепенно ликвидируются региональные различия. Четвертое: национальный проект. Следует встать в один ряд с западными державами, упразднить неравноправные договоры и стать колониальной державой. Фактически колонии Японии с точки зрения экономики не нужны. И Тайвань, и Сахалин требовали гигантских вложений, отдача от которых будет получена неизвестно когда. Но «великая держава» в сознании того времени — это держава колониальная. И эта идея одушевляла японцев. В особенности это касалось материка. Очень хотелось перейти из категории «островной страны» в разряд «материковой». В результате японо-китайской войны японцы рассчитывали получить южную часть Ляодунского полуострова, но из-за «тройственного вмешательства» этого сделать не удалось, что вызвало взрыв недовольства, потому что Японии не удалось стать материковой державой. Это удалось сделать только в 1910 году, с присоединением Кореи. По поводу чего было настоящее ликование: стали, наконец, материковой державой!

**Абашин.** Как расценивать перемены в области идеологии, которые происходят в конце XIX века? Это попытка создать западный эквивалент, но описываемый с помощью японских слов? Или попытка создать нечто, принципиально отличающееся от западной модели?

**Мещеряков.** Весь мой опыт историка и культуролога говорит о том, что ничего нельзя заимствовать полностью. Даже если ты этого очень хочешь, не получается. В первую половину периода Мэйдзи были сильны позиции западников: сделаем из Японии Европу. Сделаем точно такую же армию, заведем такой же парламент и т.д. Армия, однако, получилась с большими японскими особенностями, парламент тоже. Политическая конструкция получилась иной. Ведь в Европе конца XIX века сильны антимонархические тенденции, полномочия монарха становятся все меньше. В Японии же периода Мэйдзи император позиционируется как монарх абсолютный. Хотя на самом деле Мэйдзи ничего не решал, вообще был, в моем понимании, несчастным человеком. Он был человеком традиционной социализации и привычек. Но должен был выступать в качестве модели на подиуме: его заставляли носить европейскую одежду, есть мясо, пить молоко. Он делал это только для того, чтобы подданные делали так же, как он. Что ему, правда, похуже, понравилось, — так это шампанское. Мэйдзи даже пытались обучить ходить под ручку со своей супругой. Пожалуй, это был единственный случай, когда император не выдержал, — просто побежал впереди неё (*смех*). Но позиции западников постепенно ослабевают, особенно после японско-русской войны. Японцы говорят миру: мы всё сделали по западному лекалу: стали есть мясо, завели парламент, переоделись в европейское, стали колониальной державой. Есть изобразительные тексты, где японцы неотличимы по внешности от белого человека. В большом почете отбеливающие кожу кремы. Идея такая: если отбелиться, то и дети твои станут белыми. Не получилось. И тут на Западе появляется дискурс о «жёлтой угрозе», то есть японцев начинают дискриминировать не по культурному, а по расовому признаку. И с цветом кожи и антропологией поделаться было нельзя ничего.

**Филатов.** А по религиозному принципу дискриминировали?

**Мещеряков.** Не очень. Свобода проповеди была осуществлена, в стране находилось множество проповедников (в основном протестанты, были и католики, и наш святой — отец Николай). Какая-то часть истеблишмента даже приняла христианство, так что обвинения в язычестве звучали не слишком убедительно. Но вот дискриминация по цвету кожи, по телесному признаку (короткие и кривые ноги, маленький рост и т.д.) — вот что было непреодолимым. Когда формировалась Лига наций, японцы предложили внести в устав пункт о расовом равенстве, на что им сказали: никогда. Именно тогда и актуализировались идеи панasiatизма. Равно как и идеи о телесной красоте японца и о большей её функциональности. Есть тексты, где утверждается: у японцев чёрные глаза, их

светопоглощающая способность больше, а значит, и видят японцы лучше. У нас раскосые глаза, значит, больше угол обзора. Ноги у нас короткие и кривые, значит, центр тяжести тела ниже, то есть японец устойчивее стоит на земле. В целом, однако, утверждение о красоте японца-мужчины не прошло. Что прошло, так это красота японки. Появляется идеал японской красавицы, предназначенный для употребления как внутри страны, так и за рубежом. Откуда взялся этот идеал? Прежде всего, с популярных на Западе цветных гравюр. Кто же там изображён? Проститутки. Обычные женщины не появлялись на публике, сидели дома, чернили зубы, одевались неброско, и образ проститутки становится идеалом, официальным женским образом, экспортируемым на Запад. Ещё одна линия преодоления комплекса неполноценности — самоутверждение с помощью природы, в первую очередь с помощью образа Фудзиямы. Фудзияма — это мировая гора, на которую европейцы смотрят снизу вверх. Фудзи стала частью государственной идеологии, один режиссёр снял в конце 1930-х годов фильм о Фудзи, снял её не лубочно, она не вышла у него красивой, без трещин — и получил год тюрьмы за надругательство над национальной святыней.

**Дмитриев.** Как соотносить идею о том, что Япония находится в середине мира и одновременно называется «Нихон» — «страна солнца»?

**Мещеряков.** Восточное расположение страны и ее «центральность» или «срединность» не входило в противоречие, эти концепты сосуществовали. Когда приходят европейские географические знания, это все равно не могло поколебать представление о «срединном» положении Японии. Посудите сами: вот полушарие, Япония там расположена между северным полюсом и экватором, значит, она страна все равно центральная.

**Кириченко.** А где восток на японских традиционных картах? Справа или слева?

**Мещеряков.** По-разному. В период Токугава север там, где Японское море, то есть Япония вытянута в широтном направлении.

**Дмитриев.** Получается, что восток — это наш юг?

**Ответ:** Следует иметь в виду, что рисовали только территорию Японии. А правильное, с нашей точки зрения, позиционирование Японии возникает только с появлением карт мира.



## ОТ СЕНЕКИ ДО *PUBLICA SICUREZZA*: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ» В ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

*Уго Перси*

Сравнительный анализ русского слова «безопасность» и итальянского *sicurezza* убеждает нас в том, что, несмотря на видимую лексическую тождественность одного слова другому, с концептуальной точки зрения они не вполне эквивалентны. Однако эта неполнота эквивалентности проявляется в том случае, когда мы не ограничиваемся простым сравнением русского слова с итальянским, а прослеживаем происхождение и связи последнего. Тогда оказывается, что “*sicurezza*” — только один из многочисленных неолатинских вариантов латинского *securitas*, стоящий в одном ряду с такими, например, словами, как испанское *seguridad*, португальское *segurança*, французские *sûreté* и *sécurité*, английское *security*, а также немецкое *Sicherheit*. Из этого следует, что, если говорить о *sicurezza*, то надо иметь в виду прежде всего *securitas*, точнее — прилагательное *securus*.

“*Securus*” состоит из отрицательно-привативного префикса «*se-*» и корня «*sur-*». У слова *cura*, включающего этот корень, следующие значения: «заботливость», «бдительность», «забота», «беспокойство». Кому повезло быть *securus*, — это человек, считающий себя свободным от внешних беспокойств и опасностей. Про него можно было бы сказать, что он в безопасности, и этим, казалось бы, круг замыкается —

эквивалентность «безопасности» и “*securitas*” как будто полностью восстановлена. На мой взгляд, это не совсем так.

В самом деле, хотя русское слово «безопасность» тоже образовано с помощью отрицательно-привативного префикса «без-», эквивалентного латинскому «*se-*», всё-таки содержательно в нём доминирует понятие «опасность» — понятие чисто внешнего порядка, указывающее на нечто, находящееся вне субъекта. Соответственно, русскому слову, если можно так выразиться, врожденно центростремительное движение. В латинском слове, наоборот, ощущается движение центробежное. Слово “*cura*” происходит из индоевропейского корня KU/KAU, -KAV, от которого образованы не только латинский глагол *cavere* — «беречься» (всем в Италии известно выражение, часто встречающееся на воротах: *cave canem* — «берегись собаки»), но и германский вариант «*schau-*» в глаголе *schauen* — «смотреть», равно как и славянский «чу-» в словах «чувять», «чувствовать». Это значит, что в латинском слове действует изначальное понятие «внимательно смотреть вовне», явно обнаруживающее свою центробежную сущность.

То, что мне важно показать, это не столько направленность одного или другого понятия, сколько положение понятийного фокуса. В русском слове фокус передаваемого им понятия находится **вне** человека, представлен внешней опасностью, в латинском он находится **в** человеке, опасаящемся потерять свой покой. Вследствие этого латинское слово приобретает более внутреннее, личное, я бы даже сказал, более душевное значение, чем русское.

## I

Наверное, не случайно *securitas* находится в центре внимания одного из самых известных и изученных философов древнего Рима, Луция Аннея Сенеки<sup>1</sup>, среди произведений которого, кстати, выделяется, в разрезе нашей темы, трактат «О душевном покое». Я думаю, что хотя бы беглое размышление о понятии “*securitas*” в его философских произведениях поможет прояснить некоторые особенности современной итальянской концепции безопасности. Поможет не потому, что взгляды Сенеки непосредственно воздействовали на концепцию главных институтов совре-

<sup>1</sup> См. об этом: *Lana I. Qualche riflessione sulla securitas secondo Seneca // Scienza, cultura, morale in Seneca. Bari: Edipuglia, 2001. P. 35–51.*

менной Италии (хотя такое воздействие нельзя совсем исключить), а потому, что история Италии в последние 150 лет похожа на те исторические — и опасные — обстоятельства, в которых жил философ.

В творчестве Сенеки мотив безопасности занимает центральное положение, слово «*securus*» определяется немецким ученым Максом Поленцом как «любимое слово» философа из Кордобы<sup>1</sup>. Из-за этой излюбленности оно обладает у Сенеки обширным семантическим спектром. Но я не буду касаться здесь всех его значений, ограничусь только его политическим содержанием.

Частота, с которой “*securus*” и “*securitas*” встречаются у Сенеки, легко объясняется исторической ситуацией тогдашнего Рима. После исчезновения республиканского строя и установление принципата Августа бурные времена закончились, гражданский мир вновь воцарился в государстве, благосостояние распространялось в народе — в ущерб, однако, его свободе. Поначалу казалось, что благосостояние компенсирует потерю свободы, но в дальнейшем стало ощущаться общее чувство беспокойства, ненадёжности из-за того, что судьба государства, судьба всех граждан, в том числе и их имущественное положение, оказались в руках одного единственного человека. Короче, безопасность (*securitas*) эпохи принципата для большинства римлян превратилась со временем в заботу (*cura*). Красноречив в этом смысле написанный анонимным автором времени Нерона диалог Глицериана и Мистеса во втором «*Carmen Einsiedlensis*» — хранящемся в библиотеке монастыря Эйнзиделна (Швейцария) рукописном латинском тексте<sup>2</sup>:

Г.: Отчего ты молчишь, Мистес?

М.: Беспокойство смущает мои развлечения, забота сопровождает пиры; больше того, она вылезает в самый разгар кутежа, и какая-то тяжёлая тревога испытывает радость, бросаясь на наслаждающихся.

Г.: Это мне не совсем понятно.

М.: И мне не стоит всё высказывать.

Здесь есть всё: и благосостояние, и чувство беспокойства, и уклончивость — признак нехватки гражданских гарантий, следовательно,

---

<sup>1</sup> Pohlenz M. Philosophie und Erlebnis in Senecas Dialogen // Kleine Schriften. Hildesheim: G. Olms, 1965. Т. I. S. 400.

<sup>2</sup> Цит. по: Lana I. Qualche riflessione sulla *securitas* secondo Seneca...

безопасности, *securitas*. И всё это Сенека познал на собственном опыте: Калигула хотел наказать его смертью за риторическую одаренность; Клавдий сослал на дикую Корсику, кажется, из-за придворного скандала, в который философ вроде бы был вовлечён. Потом Сенеке повезло: после семи лет ссылки Аграфена уговорила Клавдия отменить наказание, и философ, которому было приказано больше не заниматься философией, стал наставником Домиция — будущего Нерона. После смерти Клавдия, в период несовершеннолетия Домиция государственное управление практически перешло в руки Сенеки, и тот не упустил возможности попытаться внедрить в него политическое учение Платона, гласящее, что лучшее из государств создаётся только совместным управлением законодателя-философа (*philosophus*) и умеренного властелина (*tyrannos*, если пользоваться термином Платона, мыслителя, которого Сенека глубоко уважал). Именно с этими лицами отождествлял Сенека себя и молодого Домиция, в первую речь которого в качестве императора специально включил пункт о разделении компетенций императора, сената и консулов, надеясь таким образом гарантировать безопасность подданных. А в перспективе Сенека, как видно из его трактата «О милосердии», рассчитывал, что к миру и благосостоянию, принесённым Августом, прибавится и дар от нового молодого императора — общественная безопасность (*publica securitas*), устраняющая и заботу (*cura*), и тяжёлую тревогу (*anxietas*).

Сенека не закрывал глаза на то, что основной проблемой римского государства является соблюдение конституционных гарантий, каковые он считал единственным способом обеспечения общественной безопасности. В то же время философ был убежден, что главный источник контроля над властелином, над тем, как тот пользуется властью, заключён в нравственном законе, действию которого должен подлежать сам властелин. Для этого и необходимо влияние философа, и вдвойне оно необходимо тогда, когда надо ответить на вопрос, которому нет ответа: «А что делать, если властелин не хочет соблюдать нравственный закон?» Сенека на него всё-таки ответил, но то был ответ компромиссный, выход из положения *ad hoc*. Он полагал, что достаточно прибегнуть к взаимному милосердию, к благожелательному отношению между подданными и императором — и ими одними будут приданы государству сплочённость и сила, а император станет в итоге отцом своих подданных. Но молодой император, тяготившийся давлением и со

стороны властолюбивой матери и со стороны Сенеки, докучавшего ему строгими моральными поучениями, нашёл собственное решение: кровопролитным способом избавился от обоих и стал знаменитым Нероном.

## II

Между стоической смертью Сенеки и возникновением объединенной Италии минуло тысяча восемьсот лет, в течение которых полуостров видел распад Римской империи, вторжения варваров, раздробление на множество городов-государств, княжеств, герцогств и королевств, включая сюда и папские владения. Нет нужды подчёркивать, что в таких политических условиях о безопасности не могло быть и речи. Достаточно вспомнить, какая жуткая тайная полиция работала в государстве римского папы, не говоря уже об ужасах, которые во времена «святой» инквизиции распространились из Рима на всю Европу.

Когда в 1861 году с воссоединением страны в Итальянское королевство эта геополитическая ситуация закончилась, одной из первых задач нового правительство стала *pubblica sicurezza* — общественная безопасность. Причём контуры её из-за центробежных сил, ощущавшихся, несмотря на объединение, на всех уровнях общества, пересекались с контурами безопасности самого государства.

В 1867 году премьер министр Беттино Риказоли<sup>1</sup> издал инструкции для работников *pubblica sicurezza*. В них рекомендовалось «всма триваться в потребности масс, изучать их нравственные и экономические интересы, исследовать уровень их образования и их настоящие социальные условия»<sup>2</sup>. При заявленных в этих инструкциях положи-

---

<sup>1</sup> Барон Беттино Риказоли (Флоренция, 1809 — замок Бролио, 1880), патриот, государственный деятель. До 1846 года занимался управлением своих имений. После короткого политического опыта в родной Флоренции в эпоху заката Тосканского эрцгерцогства вернулся в своё поместье. В 1860 году Тоскана вошла в состав Итальянского королевства. После смерти графа Камилло Бенсо ди Кавура, первого премьер-министра Итальянского королевства и архитектора объединения Италии, Риказоли стал премьер-министром, но уже в 1862 году должен был подать в отставку из-за того, что его высокомерное поведение мешало ему находить политических союзников. Второй раз был премьером в 1866–1867 г.

<sup>2</sup> См. на сайте Итальянского министерства внутренних дел страницу: [http://www.interno.it/mininterno/export/sites/default/it/minister/dipartimenti/dip\\_pubblica\\_sicurezza/direzione\\_centrale\\_della\\_polizia\\_di\\_prevenzione/scheda\\_unita.html](http://www.interno.it/mininterno/export/sites/default/it/minister/dipartimenti/dip_pubblica_sicurezza/direzione_centrale_della_polizia_di_prevenzione/scheda_unita.html).

тельных намерениях в области социального порядка поражает повторяемость в них концепта «исследование»: он передаётся четырьмя разными глаголами и в конечном счёте обретает привкус **расследования**. В самом деле, дальше инструкция гласит, что каждый префект, то есть представитель государства в каждом административном центре провинции, должен ежемесячно посылать в министерство отчет о положении в его провинции и в нём представлять подробную картину общественного мнения, показывающую также намерения и влияние политических партий и журналистики. Август дал Риму мир и стабильность, итальянское королевство вернуло стране единство, однако в обоих случаях обеспеченная таким образом безопасность была достигнута за счёт основных свобод человека. Неудивительно, что в глазах народа работники *pubblica sicurezza* так и не превратились в блюстителей порядка, остались *sbirri* — «мусором».

Вместе с тем у правительства были определённые основания для того, чтобы стремиться к жёсткому контролю над социально-политической ситуацией в стране. Проблем в новом государстве хватало. В горных районах бывшего Неаполитанского королевства свирепствовали бандиты, против них пришлось послать целый экспедиционный корпус численностью в 100 тыс. солдат. В Сицилии крестьяне восставали против латифундистов, на севере — против введения налога на муку. Причём в их среде начинали распространяться идеалы социализма и анархизма, так что Бакунин неслучайно считал Италию страной с реальными предпосылками для революционной мобилизации<sup>1</sup>. В 1878 году анархист покушался на жизнь короля, после чего было основано Политическое бюро для рассмотрения секретных политических дел. Кроме того, в Милане, в кружке Анны Кулишовой<sup>2</sup>, сформирова-

---

<sup>1</sup> См., например: *Бакунин, Михаил*. «Государственность и анархия». Борьба двух партий в Интернациональном Обществе Рабочих. Доступно на: <http://studentdream.narod.ru/bakunin.htm>.

<sup>2</sup> Анна Моисеевна Розенштейн, в Италии Anna Kuliscioff, родилась в 1857 году в Симферополе. В 16 лет уехала в Цюрих, где посещала курсы философского факультета и вошла в контакт с нигилистами и анархистами. Вернувшись в Россию, вместе с мужем Петром Макаревичем участвовала в пропагандистской деятельности народников, осуждена, бежала в Швейцарию, где и приняла фамилию «Кулишова». Познакомившись с итальянским революционером Андреа Коста, решила разделить с ним судьбу. Пара поехала в Париж, потом во Флорен-

ровалось ядро Итальянской социалистической партии, основанной в Генуе в 1892 году.

### III

В конце XIX века нестабильность привела страну к реакционному повороту. К власти пришло правительство во главе с премьер-министром Франческо Криспи<sup>1</sup>, которое установило своего рода «пруссский» режим, сводившийся к военному положению и роспуску любой противоборствующей организации, включая и только что основанную Социалистическую партию. Условия общественной безопасности резко ухудшились: разграбления городских зернохранилищ, пожары общественных объектов, беспорядки в университетах, эмиграция, прежде всего в США и Аргентину, и, в конце концов, — кровопролитное подавление миланского мятежа, унесшего жизни 80 человек.

---

цию, где Анну осудили за заговор с анархистами. Вскоре она рассталась с Коста. В 1880 году опять нашла убежище в Швейцарии, где начала медицинскую учебу, которую продолжила в Неаполе, Турине и Падуе. Стала гинекологом, открыла бактерию родильной горячки, чем спасла жизнь миллионам женщин. В пролетарских районах Милана её называли «докторшей бедных». В то время Анна познакомилась с Филиппо Турати, деятелем социалистической партии; их связало чувство, длившееся до конца жизни. Активно поддерживала Турати в политической борьбе, в издании первого теоретического журнала итальянского социализма «*Critica sociale*». По словам Карло Сильвестри «лучшая политическая голова итальянского социализма принадлежала нежной и бесстрашной женщине, перед которой все, включая Муссолини, не могли не склонить, почтительно и в восхищении, головы» (цит. по: *C. Silvestri, Turati lo ha detto. Milano: Rizzoli, 1947*). Умерла в 1925 году в Милане.

<sup>1</sup> Франческо Криспи родился в г. Джирдженти (Сицилия) в 1818 году. Поддержал восстание против неаполитанской монархии, отстаивал необходимость федеративного устройства Италии с широкой автономией для Сицилии. В Англии связался с Джузеппе Мадзини. В конце 1850-х годов вернулся в Сицилию, где содействовал экспедиции Гарибальди. В 1876 году стал председателем Палаты депутатов, в следующем году заложил вместе с Бисмарком основы итало-германского союза. Став премьер-министром в 1887 году, завоеванием Эритреи начал решительную колониальную политику. Неудачная война с Эфиопией, закончившаяся поражением итальянских войск в битве при Адуа, и политические последствия финансового скандала, вызванного банкротством Римского банка, положили конец карьере Криспи как политика. Умер в Неаполе в 1901 году.

Ответом властей стало создание в 1894 году института пресловутой Центральной политической картотеки. В инструкциях по её составлению и пополнению чувствуется склонность к генерализациям в духе теорий Чезаре Ломброзо<sup>1</sup>, что подтверждается следующим обосновывающим её учреждением отрывком<sup>2</sup>:

«...Достаточно подумать о высоком проценте имеющих судимость и обычных преступников среди членов подрывных партий, в особенности среди анархистов, и достаточно не упускать из виду, что они представляют собой именно одну из самых опасных категорий преступников, чтобы убедиться в том, насколько этот удвоенный надзор является уместным и полезным для общественного порядка и безопасности граждан».

К разряду политических угроз «общественному порядку» скоро добавится и «опасность большевизма».

Показательно, что после речи в парламенте социалиста Джакомо Маттеотти<sup>3</sup> Бенито Муссолини, тогда ещё не пришедший к власти, иро-

---

<sup>1</sup> Антрополог и психиатр Чезаре Ломброзо родился в Вероне в 1835 году. Сделал блестящую академическую карьеру в университетах Павии и Турина. Его считают зачинателем криминальной антропологии, в основе которой лежит убеждение, что, поскольку любое психическое проявление имеет соматическое основание, всякая психическая аномалия также имеет обязательную соматическую причину и среди психических аномалий надо числить и преступность. Ломброзо выработал целую соматическую типологию преступников. Его теории вызвали горячие споры, но были довольно быстро забыты. Всё же они сильно повлияли на юридические исследования и даже на деятельность законодателей, которые до тех пор считали преступление чисто юридическим фактом. Главные его работы: «Гений и безумие» (1864) и «Человек-преступник в связи с антропологией, юриспруденцией и экономическими науками» (1876 г.). Умер в Турине в 1909 году.

<sup>2</sup> См. <http://www.interno.it/mininterno/export...>

<sup>3</sup> Джакомо Маттеотти родился в 1885 году в провинции Ровиго, в г. Фратта Полезине. Членом социалистической партии стал совсем молодым, ещё до того, как поступил на юридический факультет Болонского университета. Был избран в парламент в 1919 году, в 1922 году стал генеральным секретарем Итальянской социалистической партии. Активно сотрудничал с Ф. Турати. Яростный противник фашизма, в смелых речах в парламенте Маттеотти храбро разоблачал Муссолини. Роковой для него оказалась речь 1923 года, в которой он выступил против предоставления правительству чрезвычайных полномочий,



нически вопрошал: «А что вообще делает наша ЧЕКА?.. После такой речи этому человеку не должны бы были дать свободно передвигаться»<sup>1</sup>. То есть он считал полномочия итальянской полиции недостаточными, по крайней мере, уступающими полномочиям знаменитой Чрезвычайной комиссии, учреждённой большевиками, и желал создания фашистской ЧЕКА — тайной партийной полиции, интегрирующей полицию обычную. По сути же своей эта фашистская ЧЕКА являлась ничем иным, как бандой головорезов, в первую очередь расправившихся как раз с депутатом Маттеотти.

Когда Муссолини установил в Италию свою диктатуру, главой полиции стал Артуро Боккини<sup>2</sup>. Он расширил компетенции полиции от контроля над политической деятельностью партий до общего надзора над жизнью и «нравственными наклонностями», даже над сексуальной ориентацией граждан. Быстрыми темпами это привело к созданию хорошо структурированной тайной организации — OVRA. О возникновении и значении данной аббревиатуры точных сведений не имеется: кажется, она была придумана самим Муссолини и, скорее всего, является сокращением названия «*Organizzazione di Vigilanza e Repressione Antifascista*» — «Организация по надзору и подавлению антифашизма».

---

против незаконных действий и насилий фашистов. 10 июня 1924 года четверо фашистских активистов напали на него на набережной Тибра и похитили. Тело нашли через месяц. Убийцы были осуждены только в 1946 году.

<sup>1</sup> Цит. по: [http://www.interno.it/mininterno/export/sites/default/it/sezioni/ministero/dipartimenti/dip\\_pubblica\\_sicurezza/direzione\\_centrale\\_della\\_polizia\\_di\\_prevenzione/scheda\\_dopoguerra.html](http://www.interno.it/mininterno/export/sites/default/it/sezioni/ministero/dipartimenti/dip_pubblica_sicurezza/direzione_centrale_della_polizia_di_prevenzione/scheda_dopoguerra.html).

<sup>2</sup> Артуро Боккини родился в провинции Беневенто в 1880 году. Получив юридическое образование, начал служить в префектуре. На этом поприще он сделал быструю и блестящую карьеру, побывав префектом в Брешии, Болонье, Генуе. В 1927 году его назначили главой полиции и в конце того же года — главой OVRA. Через два дня после его назначения был арестован Антонио Грамши. В течение четырнадцати лет Боккини оставался человеком, которому Муссолини доверил обеспечение безопасности страны. Ради интеллектуальной честности надо признать, что, будучи идейным фашистом, Боккини был также против нарушений законности, совершавшихся многими иерархами фашизма, и когда понял, что Италия движется к войне, не побоялся плести заговоры против Муссолини. Умер в 1940 году. См. о нём: *Leto G. OVRA. Fascismo — Antifascismo*. Bologna: Cappelli, 1951; *Carafoli D., Padiglione G. Il viceduce: storia di Arturo Bocchini capo della polizia fascista*. Milano: Rusconi, 1987.

Аббревиатура OVRA приобрела мрачный нимб также из-за того, что совпадает с устаревшим синонимом слова «орег», таинственно и тревожно обозначающим некое «дело». Появившись сначала в Милане, OVRA постепенно распространила свое действие за его пределы, так как Муссолини хотел, чтобы «полиция имела серьёзный и всюду проникающий, подобно спруту, контроль над всей территорией страны»<sup>1</sup>. Соглашение о сотрудничестве, подписанное в 1936 году Боккини с главой гестапо Гиммлером, стало, по мнению историка Ренцо Де Феличе<sup>2</sup>, первым звеном союза между двумя фашистскими режимами.

История опять повторилась: итальянский фашизм дал стране двадцать лет стабильности и сравнительного благосостояния, но цена этому была слишком высокой — не просто ограничение, а почти полное уничтожение гражданских свобод и, в конце всего, Вторая мировая и гражданская войны. Новая, республиканская, Италия решила избавиться как можно быстрее от своего фашистского прошлого, но — с одним исключением: Центральная политическая картотека продолжила свою деятельность, только с обратным знаком (с её помощью во время фашизма преследовались коммунисты, а во время демократической Республики — фашисты и те, кого подозревали в симпатиях к фашизму). Правда, после разоблачений и протестов в газетах, запросов в парламенте

---

<sup>1</sup> Цит. по: <http://www.interno.it/mininterno...>

<sup>2</sup> Ренцо Де Феличе родился в 1929 году в г. Риети. Учился на факультете юриспруденции Римского университета, в 1951 году перешел на философский факультет. Вскоре его научные интересы сместились в сторону исторических исследований. Ещё студентом вступил в Итальянскую компартию, в которой, однако, он был активистом троцкистской направленности. В 1956 году подписал манифест против поддержки ИКП советской интервенции в Венгрии, после чего покинул компартию и вступил в социалистическую партию, но вскоре отказался от любой политической активности. Отдаление от «марксистской семьи» обернулось для него годами остракизма со стороны интеллектуальной среды Италии, отличавшейся в ту эпоху выраженной марксистской ориентацией. Не помогли и его исследования в области истории фашизма, начиная с книги «История итальянских евреев во время фашизма» и заканчивая многотомной биографией Муссолини. Труды Де Феличе были раскритикованы как в Италии, так и за рубежом, самого историка обвинили в ревизионизме. В действительности его работы ценные, безупречно документированные; благодаря им, открылась новая эпоха в исследовании фашизма. Умер в Риме в 1996 году.

Главное управление общественной безопасности (Direzione Generale di pubblica sicurezza) выпустило циркулярное письмо к начальникам полиции, в котором указывалось, что регистрации в картотеке не влекут за собой преследований и должны быть строго ограничены кругом лиц, представляющих собой опасность для демократического государства и его внутренней правовой системы.

#### IV

Италия — странная страна, странная в том смысле, что её жители прекрасно умеют маскировать свои трагедии. Однако, несмотря на склонность итальянцев всё обращать остротами в шутку, данная черта национального характера не делает переживание ими своих трагедий менее острым, чем у других народов.

После ужасов войны, после энтузиазма эпохи «экономического бума» в конце 1950-х — в 1960-е годы, в 1970-е началось трудное время «противоположных терроризмов» — правого, намеревавшегося через массовые убийства и при помощи так называемых выведенных из под контроля секторов разведки довести страну до отчаяния, и левого, пытавшегося убийствами самых видных, самых известных представителей власти нанести удар государству прямо в сердце. Едва этот трагический период закончился победой государства, тем не менее глубоко раненного, как заявила о себе очередная гидра. То была организованная преступность — мафия. С ней Италия борется ещё и сегодня, хотя и не без определённых успехов, ставших возможными благодаря полиции и особому подразделению итальянской армии — карабинерам, лозунг которых — *nei secoli fedel* («навек верен»). Надо сказать, что эти два института пользуются всеобщим уважением, а карабинеры, несмотря на шутки над ними, даже своего рода тёплой симпатией.

Доказательство тому — некоторые успешные телевизионные сериалы. Если в фильмах о полиции показываются достаточно острые ситуации, в том числе конфликты между её работниками, то картины о карабинерах никогда до сих пор не представляли ни кровопролитных сцен, ни каких-либо трений между защитниками порядка. В них изображаются участки, лишь чуть менее комфортабельные, чем наши дома, кабинеты, в которых передвигаются женщины и мужчины карабинеры, выглядящие настоящими красавицами и красавцами, или же, как минимум, добродушными симпатиями.

На эти явления современной народной культуры можно, конечно, взирать свысока, с иронической улыбкой или — стоит только вспомнить о не столь радужной повседневной действительности — даже с некоторым раздражением, однако они — отражение бесспорного уважения к государственному институту, весьма редко вовлечённому в коррупционные интриги или незаконные поступки. С другой стороны, на эти же фильмы можно посмотреть и как на представление проблематики безопасности в том ракурсе, о котором я говорил в начале настоящей статьи. Я имею в виду внутреннее, личное, душевное значение латинского слова «*securitas*». Благодаря этому значению, опасность, которая, безусловно, изображается в фильмах, оказывается как бы зачатой хорошими чувствами. Именно они находятся в центре внимания: хотя телезритель смотрит на опасность, видит её, подсознательно он считает, что благодаря «хорошим» карабинерам, словно нарисовавшим некий магический круг, внутри которого он находится в тотальной безопасности, внешняя опасность ему угрожать не может.

### Дискуссия по докладу У. Перси

**Дмитриев.** Во-первых, хотел бы поблагодарить Уго Перси за очень интересный доклад, который многое поставил на свои места. Мы много здесь говорили о содержании понятия «безопасность» в экзотических языках, а, собственно, про начало начал речи ещё не шло. Теперь, конечно, многое стало понятнее. В частности, видимо украинцы и поляки правы, что переводят слово «безопасность» как «беспечность».

Вы сказали, что одним из показателей того, что население с симпатией относится к карабинерам, является то, что они в выигрышном свете представлены в сериалах. В России логика абсолютно обратная. В наших сериалах милиционеры тоже исключительно симпатичные, но это говорит только о том, что государство хочет, чтобы хоть кто-то, кто не выходит на улицы, их таковыми считал. Все остальные не разделяют этого взгляда. Как вы считаете, в Италии, помимо объективной симпатии к карабинерам, можно усмотреть государственную политику, которая спонсирует сериалы? Или это по-настоящему заказ населения?

**Перси.** Конечно, политическое влияние в этих сериалах чувствуется. Но, с другой стороны, есть сериал, где все преступления раскрывает священник, выступающий в качестве детектива-любителя, а карабинеры, тоже милые и симпатичные, остаются на втором плане — всегда не успевают. Я не говорю, что это политическое влияние. Может быть, церковное, Ватикана.

**Микульский.** То есть присутствует идея пастыря, который печётся о народе. В церкви — это священник, в миру — карабинеры.

**Перси.** Но всё-таки преимущество за церковью.

**Филатов.** Профессор Перси, по-моему, затронул тему, которую мы, сознательно или нет, избегали поднять применительно к собственной страны. Она прозвучала бы так: многие из нас считают, что органы национальной безопасности представляют основную угрозу для национальной безопасности (*смех*). Рассказ о ЧК при Муссолини заставляет задуматься о том, что многие разговоры о национальной безопасности стоит оценивать с точки зрения их опасности для национальной безопасности.

**Микульский.** Ещё раз мы убеждаемся, что Москва — это третий Рим: не только мы учимся у Рима, но и Рим у Москвы (*смех*).

**Мещеряков.** Это действительно очень интересная проблема. Понятно, что все эти режимы — нацистский, японский, итальянский фашистский, советский — учились друг у друга. Встает вопрос: у кого и в чём был приоритет? Меня спрашивали, в чем уникальность японцев. Они считали уникальным введение у себя в 1938 году чего-то аналогичного комплексу ГТО. Но в Советском Союзе комплекс ГТО был введен в 1932 году! Вы говорите, что Муссолини завидовал ЧК. А гестапо он не завидовал?

**Панарин.** Но ведь ЧК было основано, раньше, чем гестапо.

**Перси.** Может быть, это прозвучит как шутка, но одним из самых любимых личных имен в Италии в годы фашизма было имя Роберто: *ро* — Рома, *бер* — Берлин и *то* — Токио.

**Панарин.** Мне кажется, стоит обратить внимание на мысль, которая прозвучала в начале доклада и представляется очень интересной. Речь о том, что наше представление о безопасности, не концептуализированной на политическом языке, а переживаемой лично, присутствует в слове и в той или иной мере ориентирует нас. Если я правильно понял Уго, то латинское слово “*securitas*” по содержанию предполагает то, что я сам должен достигнуть, то, что зависит от меня, что я должен защищать. В то время как трактовка русского слова «безопасность» предполагает, что опасность — это что-то внешнее по отношению ко мне. Это значит, что мне оно мало подконтрольно, следовательно, мне нужен «большой» защитник, если я правильно понимаю ход мыслей докладчика. В этом смысле возникает определённый водораздел между тем опытом, который воплощен в римском прошлом и итальянском языке, и тем, что есть у нас.

**Перси.** Да, помимо существительного “*sicurezza*”, в итальянском есть прилагательное “*securus*”. Когда человек говорит, что он *securus*, это значит, что он уверен в себе, поскольку защищён от внешних опасностей. Раз он защищён от внешних опасностей, он более свободен, более силён.

**Кириченко.** Это направление потом будет развиваться у Кальвина и в кальвинизме, где, если отношения с Богом выстроены, то есть уверенность. Бог как синоним *securitas*.

**Панарин.** Между прочим, тут ещё одна линия определилась. В принципе во всем том, что говорилось вчера и сегодня, соотношение безопасности и свободы отсутствовало, а Уго «почему-то» построил доклад именно на этом соотношении.

**Филатов.** Потому что в итальянском сознании со времен Древнего Рима есть ощущение опасности, которую для безопасности личности представляет государство. В то же время карабинеры в какой-то момент превращаются в силу, которая обеспечивает безопасность населения от мафии и терроризма. В докладе профессора Перси хорошо представлена проблема сложного сочетания и опасности государства для реальной безопасности личности, и необходимости государственных инструментов для её обеспечения. Во время работы над нашими текстами нам всем нужно осознать эту проблему.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕЗОПАСНОСТИ  
МОНГОЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ  
(по материалам опроса студентов Монгольского  
государственного университета науки и технологии)**

*Нямаа Галиймаа*

В 80-е годы XX века, когда я училась на историческом факультете Иркутского государственного университета, в передачах советского радио и телевидения часто можно было услышать песню В. Баснера на слова М. Матусовского «С чего начинается Родина». Так часто, что я до сих пор помню первый её куплет:

«С чего начинается Родина?  
С картинки в твоём букваре,  
С хороших и верных товарищей,  
Живущих в соседнем дворе».

Мой однокурсник монгол, начитанный парень из Булганского аймака, восхищался этой песней и однажды сказал: «Как умеют советские люди учить детей любить Родину! Родина начинается с картинки в твоём букваре... просто, понятно и гениально. У нас много патриотических песен, но они чересчур пафосные, какие-то далёкие. Ты можешь мне сказать, с чего начинается Монголия?» Ничего умного я не смогла ответить и потом долго думала над этим вопросом.

Имеет ли это воспоминание какое-то отношение к вопросам безопасности? На первый взгляд, не имеет. Однако я убеждена, что оно отнюдь не случайно всплыло тогда, когда я стала читать ответы студентов, показывающие их представления о безопасности. Но об этом я скажу позже; сейчас мне представляется уместным дать краткую справку об исторических обстоятельствах, долгое время, в том числе и в годы моей студенческой молодости, предопределявших восприятие безопасности монголами.

### ИСТОРИЧЕСКИЙ БЭКГРАУНД

У нас очень долго говорили и сейчас ещё говорят о безопасности и независимости как о чём-то нераздельном, чуть ли не синонимичном. Причины очевидны: Монголия — буферная страна, зажата между Китаем и Россией. Долгое время и её независимость, и её безопасность определялись, — если не полностью, то в очень значительной степени, — политикой северного соседа СССР и южного соседа Китая, а также состоянием их отношений в XX веке. Поэтому в сознании монголов безопасность неразрывно связалась с независимостью, говоря о безопасности, они подразумевали независимость своей страны и наоборот. С распадом СССР зависимость Монголии от России резко уменьшилась. В то же время распад СССР оказал серьёзное негативное воздействие на Монголию, поскольку она зависела от северного соседа не только в плане большой экономической помощи, но и из-за советских поставок важнейших товаров. Из СССР в Монголию поступало 100% потреблявшегося в ней бензина, 90% импорта машин и оборудования, не менее половины от общего объёма закупувавшихся за рубежом товаров народного потребления<sup>1</sup>. Помимо экономических и финансовых вопросов, с которыми Монголия столкнулась вследствие распада СССР, остро встал ещё один вопрос — вопрос безопасности Монголии перед лицом набирающего мощь Китая, сделавшийся предметом интенсивных национальных дебатов.

Китайская угроза воспринимается в Монголии как реальная уже потому, что питается давним страхом. Боязнь же Китая сформировалась

---

<sup>1</sup> Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М.: Флинта, Наука, 1997. Доступно на: <http://www.olegarin.com/olegarin/atr-p57.html>, последнее посещение 07.05.2012.



исторически из-за его двойственной позиции по вопросу о монгольской независимости. Несмотря на то, что Пекин в 1946 году признал суверенитет Монголии на официальном уровне, китайские руководители делают иногда сомнительные по своей сути заявления. Ещё не так давно, в 1990-е годы, в некоторых китайских учебниках истории, на некоторых китайских географических картах и в других документах Монголия оказывалась представленной как часть Китая<sup>1</sup>. У страха есть и объективное основание: северные регионы Китая, граничащие с Монголией, бедны, безработица в этих районах большая. В Монголии же, при огромной территории, численность населения невелика, поэтому рабочая сила из Китая востребована на монгольском рынке труда.

Мощный и спрессованный по времени приток мигрантов<sup>2</sup> из соседней страны-гиганта, их заметная роль в экономике, стиль и манера поведения вызывают сложные чувства в принимающем монгольском обществе. В любом случае китайская миграция усиливает комплекс опасений, страхов и даже фобий, которые были унаследованы от социалистического и ещё более раннего периодов. В Монголии люди в возрасте от 40 до 60 лет и выше воспитаны в духе патриотизма, неизменным проявлением которого стали антикитайские настроения, поскольку китаефобия была частью государственной идеологии и политической практики с начала 1960-х до конца 1980-х годов. Тогда многие видели угрозу Монголии в Китае, много говорили и писали о безопасности страны как о её независимости от южного соседа. И говорили при этом слова «пафосные» и «далёкие» — далёкие от жизни...

---

<sup>1</sup> С. Байяр. Вызовы национальной безопасности Монголии. Опубликовано на английском языке в The Asia Foundation's Center for Asian Pacific Affairs, Report Number 16, September 1994, p. 1–4. На русском языке доступно на: [http://asiapacific.narod.ru/countries/mongolia/mongolia\\_vizovi\\_nas\\_bezopasnosti.htm](http://asiapacific.narod.ru/countries/mongolia/mongolia_vizovi_nas_bezopasnosti.htm), последнее посещение 08.05.2012.

<sup>2</sup> Сведения об их численности крайне противоречивы. Так, по официальным данным, на 2007 год китайских мигрантов всех категорий (долговременных и работающих по краткосрочным контрактам, а также торговцев насчитывалось 11 323 человека, тогда как по неофициальным оценкам их было не менее 100 тыс. См.: Н. Галиймаа, Н. Лунатова. Монголия — перекрёсток миграций. Доступно на: <http://buryatia.asia/mongoliya-perekrestok-migracij/>, последнее посещение 08.05.2012.

Именно поэтому на меня произвели ошеломляющее впечатление результаты экспресс-опроса студентов и дискуссии с ними по вопросу о том, как они представляют безопасность. Сразу стало ясно, что, несмотря на сохранение некоторых старых представлений, молодёжь понимает безопасность по-новому, не так, как люди моего поколения.

### МНЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Опрос о безопасности был проведен весной 2011 года среди 53 студентов, обучающихся в пяти институтах Монгольского государственного университета науки и технологии — крупнейшего в стране учебного заведения. Участвовали в нём 33 юноши и 20 девушек. По получаемым специальностям респонденты разделялись следующим образом: 14 студентов готовились стать архитекторами и инженерами-строителями, 7 — энергетиками, 6 — горняками, ещё 6 — работниками пищевой промышленности, 9 — менеджерами по туризму, 6 — специалистами в области связей с общественностью и 5 — социальными работниками.

Ответы студентов на вопрос о том, что они понимают под безопасностью, могут быть распределены по двум большим категориям представлений о состояниях или действиях, равнозначных достижению безопасности (табл. 1). Первая категория объединяет представления о таких аспектах безопасности и таких обеспечивающих её действиях, которые достигаются / совершаются отдельным индивидом; вторая выводит нас на аспекты безопасности, достижимые лишь на уровне всего общества. При этом, как нетрудно заметить, некоторые состояния / действия присутствуют в обеих группах. Конкретно речь идёт, во-первых, о защите от физического насилия, которая может достигаться как индивидуальным или групповым образом, так и за счёт более высокого уровня поддержания общественного порядка всеми гражданами и ответственными за это структурами государства. Во-вторых, о заботе каждого отдельного человека об окружающей среде и об охране природы всем обществом.

Внутри каждой категории ответы распределились по их содержанию на семь подкатегорий. В таблице 1 эти подкатегории расставлены по числу объединяемых ими ответов. На подкатегории, образующие первую категорию, в сумме пришлось заметно больше ответов, чем на образующие вторую: 67 и 50 ответов соответственно. Исходя из этого соотношения, корректно предположить, что в представлениях учащей-

Таблица 1

**Состояния /действия, отождествляемые студентами  
с достижением безопасности**

Состояния / действия	Ответы:		
	муж.	жен.	всего
<i>Достижимо на уровне личности</i>			
Физическое и духовное спокойствие	23	3	26
Свобода и права личности	4	14	18
Забота о здоровье	5	1	6
Покой в семье	3	3	6
Забота об окружающей среде	3	1	4
Умение избегать рисков	4	-	4
Защита от физического насилия	3	-	3
<i>Достижимо на уровне общества</i>			
Охрана окружающей среды	9	7	16
Общественный порядок	5	6	11
Продовольственная безопасность	7	1	8
Эффективное использование полезных ископаемых	4	3	7
Безопасность нации и государства	2	2	4
Технологическая безопасность	2	-	2
Сохранение генофонда нации	1	1	2

ся молодёжи личная безопасность и личные усилия, направленные на её достижение, занимают более важное место, чем общая безопасность, обеспечиваемая государством и обществом. На ответы второй категории явно повлияла Концепция национальной безопасности Монголии. В структуре этого документа есть разделы «Безопасность общественного порядка», «Научная и техническая безопасность», «Безопасность населения и его генофонда», каждому из которых можно найти почти точное соответствие в ответах студентов<sup>1</sup>. Интересно и то, что во второй категории по количеству ответов на первое место вышла экологическая безопасность: за неё было подано в четыре раза больше «голосов», чем за безопасность нации и государства. Но самым удивительным для

<sup>1</sup> Текст Концепции на русском языке см.: Концепции национальной безопасности Монголии. Доступно на.: [http://asiapacific.narod.ru/analise\\_apr/russia\\_mongolia/top.htm](http://asiapacific.narod.ru/analise_apr/russia_mongolia/top.htm), последнее посещение 05.09.2011.

меня стало первенство ответов, в соответствии с которыми безопасность — это состояние физического и духовного спокойствия личности. Как и то обстоятельство, что такие ответы принадлежали почти исключительно юношам.

Монголия — страна рисков, на тебя могут напасть, где угодно, отметили четверо юношей. Ещё семь студентов панически боятся воров, орудующих в общественном транспорте. Видимо, представители мужского пола чаще, чем девушки, подвергаются актам насилия, соответственно, им и чаще приходится оценивать риски, исходящие из их социального окружения и изыскивать способы избежать их. В то же время большинство из них убеждены, что самое важное для достижения личной безопасности — это умение вырабатывать у себя определённое умонастроение, положительное отношение к окружающему миру. Следует самим заботиться о решении своих проблем и предпринимать с этой целью спокойные продуманные действия, а не устраивать паническую беготню по замкнутому кругу, перекладывая на кого-то или на что-то ответственность за собственную безопасность.

У девушек на первом месте оказалось совсем другое понимание безопасности — как состояния свободы и защищённости прав личности. Это наводит на мысль, что в современном монгольском обществе притязания молодых женщин на равенство прав и на безопасность достоинства удовлетворяются не в полной мере.

Таблица 2

### Представления студентов о способах обеспечения безопасности

Способы обеспечения безопасности:	
<i>на уровне личности</i>	<i>на уровне общества</i>
Формирование навыков самосохранения	Обретение Монголией полной экономической и политической независимости
Ведение здорового образа жизни	
Бдительность	Обеспечение безопасности граждан — это основа безопасности государства
Защита детей родителями	

Ещё меня удивило, что о состоянии продовольственной безопасности больше беспокоятся юноши, чем девушки — будущие матери и хозяйки. Вопрос об обеспечивающем безопасность общественном порядке особенно беспокоил студентов гуманитариев, а охрана окружа-

ющей среды и эффективное использование полезных ископаемых — будущих инженеров. Впрочем, и другие студенты отмечали: чтобы защитить окружающую среду, каждый человек должен не выбрасывать окурки и бумажки мимо урны, сортировать мусор по категориям, отдавать отходы — пластмассу, стекло, аккумуляторы — на переработку, следить за тем, сколько он потребляет воды, принимать участие в субботниках и всем коллективом посадить парк или сквер. Такие ответы были по-хорошему рациональными и прагматичными.

Как студенты видят способы обеспечения безопасности, можно понять, обратившись к таблице 2. Хорошо видно, что их представления о таких способах оказываются более разработанными, более детализированными на индивидуальном уровне, чем тогда, когда дело касается задач общей безопасности, решаемых силами всего общества и/или государства. При этом под здоровым образом жизни студенты понимают оптимальный режим работы и отдыха, сбалансированное питание, соблюдение правил личной гигиены и закаливание, достаточную двигательную активность, отсутствие пагубных привычек. А также — что важно — любовь к людям и положительное восприятие жизни. Предельно внимательное отношение ко всему, что происходит вокруг — к событиям, людям, их словам и поступкам — большинство отвечавших посчитали бдительностью.

Заканчивая рассказ об опросе и последующей дискуссии, я хотела бы привести некоторые индивидуальные мнения, представив их без каких-либо комментариев с моей стороны.

*Security, если брать латинскую основу, — это **не** быть больным, дословно — **не** лечить.*

*Безопасность в монгольском языке — это слово «бояться» и суффикс, означающий отрицание.*

*Общая безопасность — очень субъективное понятие, не всем она понятна.*

*Америка в целях общей безопасности принимает небезопасные меры.*

*В самой большой демократической стране продают много оружия. Разве это безопасно?*

*Как влияет научно-технический прогресс на состояние безопасности?*

*Монголы слишком стали политизированы, начинают говорить о государственной безопасности.*

*О безопасности много говорят, да мало делают. У человека два уха, два глаза, но один рот. Может быть, для того, чтобы люди меньше говорили.*

*Сегодня большой акцент делается на государственную, международную безопасность. Многие до сих пор не думают об этом, и поэтому для них главное — личная безопасность. Моют машины в Толе, не задумываясь об экологии, не думая о других.*

*Безопасность касается многих отраслей.*

*Традиционно подразумевают безопасность государственную, национальную.*

*Надо различать безопасность на макроуровне и безопасность на микроуровне. Самая важная — безопасность человечества, вселенной.*

*Содержание понятия «безопасность» меняется из-за ситуации в мире, так же меняются концепции безопасности. Яркий пример — события 11 сентября 2001 года. Каковы их последствия, мы все знаем. Они повлияли на представления об опасностях и безопасности. Или пример с аварией на атомной станции «Фукусима». Сначала о безопасности ядерной энергетики говорили только в Японии, после землетрясения стали говорить все. Лучшие не имеют атомную станцию.*

*Если говорить о понимании безопасности, то культура играет очень большую роль. Я учился в Турции, в исламской стране. Ислам — это третья часть мира. Там, когда встречаешь незнакомого человека, он тебя спрашивает, какой ты религии, и, если отвечаешь, что ты мусульманин, то сразу приглашает на обряд.*

*Сегодня я понял необходимость понимания безопасности. Нужны обмены мнениями, надо доносить до людей идею безопасности. Приведу один пример. В семь-восемь лет один мальчик из Иркутска так сильно увлекся компьютерной игрой, что потом не смог жить в реальной жизни. Среди молодёжи очень распространённое занятие — нападать на других, на чужую безопасность в киберпространстве. Даже для нас очень интересно, как происходит процесс кибератаки в интернет-среде.*

\* \* \*

Монголия — уникальная страна. С одной стороны, уклад жизни в ней остался таким же, каким был много лет назад: примерно половина

населения продолжает жить в юртах, носить национальную одежду и вести кочевой образ жизни. С другой стороны, налицо все признаки современной цивилизации: автомобили, мобильные телефоны, спутниковые тарелки и солнечные батареи рядом с юртой. Это поразительное сочетание и определяет процесс формирования новых ценностей монголов, а значит, и новых их представлений о безопасности. Толчком к этому послужили изменения социальных связей и устоев жизни, происходившие накануне, в ходе и после Демократической революции. Именно в это время появилась новая система оценок и самооценок, которая хорошо видна по ответам студентов. Как показали экспресс-опрос и дискуссия, наибольшее значение в структуре ценностных ориентаций молодых монголов, определяющих их идеал безопасности, имеют ценности духовного и физического спокойствия, здоровья, достатка (но не богатства) и независимости. А также ценности семейной жизни, здорового питания, жизни в гармонии с окружающей природной средой и её защиты. Менее значимым, но тоже обладающим достаточно высоким статусом, является кластер модернистских ценностей: благоустроенного быта, технологической безопасности, немыслимой без высокого качества профессиональной деятельности, владения современными средствами связи, включенности в информационные потоки.

Время властвования одной коммунистической идеи, время пафоса и отвлечённых умствований о «высоком» на уровне общества сменилось временем прагматизма и плюрализма. А на уровне индивида утвердились индивидуализм, открытость миру и тяга к свободным духовными исканиями. И на обоих этих уровнях произошедшие изменения отчётливо отразились в представлениях молодого поколения монголов о желаемом состоянии безопасности и способах его обеспечения.

### Дискуссия по докладу Н. Галиймы

**Панарин.** Есть ли распределение данных таблицы по подходам?

**Галиймаа.** Данные ранжированы по частоте встречаемости тех или иных ответов. Хотя государству по-прежнему отводится важная роль, главный акцент делается респондентами на необходимости формирования навыков самосохранения. Таким образом, забота о собственной безопасности занимает первое место, то есть человек должен быть в состоянии постоять сам за себя, что еще десятилетие назад не было характерно для Монголии. Мне кажется, можно сказать, что в Монголии начинает формироваться гражданское общество.

**Дмитриев.** Какова степень удовлетворённости монгольского общества собственной безопасностью? Довольны ли общество ролью государства?

**Галиймаа.** Государство, по мнению опрошенных, не принимает должных мер по предвосхищению возникающих угроз. Недовольство связано, например, со слишком открытой миграционной политикой Монголии. Особую озабоченность среди опрошенных вызывает растущий приток граждан из Китая. Что до удовлетворённости, то следует заметить, что монголы традиционно могут удовлетвориться очень малым. Это осталось. Я как-то работала в социологической экспедиции в России, близ границы с Монголией. На мой взгляд, русские, которые там живут, богаче монголов. Тем не менее они сильно жалуются на свой уровень жизни. В это же время монгол, у которого нет даже коня, может дать положительную оценку своему уровню жизни.

**Дмитриев.** Какова, по мнению студентов, динамика: стала ли общая ситуация лучше или хуже, чем пять лет назад?

**Галиймаа.** В общем, ситуации лучше. В Монголии стали понимать, что человек что-то должен делать сам для себя. В этом отношении Монголия чрезвычайно мобильна. Сейчас население её очень молодое: 65% не старше 35 лет. Сразу и возрастная мобильность, и традиционная, присутствовавшая в культуре.

**Колганова.** Какова средняя продолжительность жизни в Монголии?

**Галиймаа.** 65–67 лет.

**Панарин.** В традиционных кочевых обществах с долгожителями было сложно. Кроме того, для Монголии характерны резко континентальный климат, повышенный уровень солнечной радиации и т.д. Для этих условий 65 лет — нормальный показатель.

Возвращаясь к проблеме экологической безопасности, хотелось бы добавить, что, помимо негативного фактора разработки полезных ископаемых без последующей рекультивации затронутых площадей, в Монголии очевидна работа китайского «насоса», почти без ограничений откачивающего любые природные ресурсы. Замечательно красивые ландшафты остались, но вот их наполнение фауной за десять лет страшно сократилось.

**Бочкарёва.** Какой уровень безопасности доминирует в ответах — личный или общественный / национальный?

**Галиймаа.** Уровень личной безопасности. Раньше так не было.

**Панарин.** Общество — стремительно меняющееся.

**Галиймаа.** Причина этого кроется, во-первых, в перенимании западных ценностей, во-вторых, это чисто национальная черта монголов — умение быстро адаптироваться к новым условиям жизни.



## СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ И КАЗАХСТАНСКИХ СТУДЕНТОВ

*Ирина Бочкарева, Айгуль Есимова*

Содержание понятия «безопасность» многогранно. Европейская политическая мысль, начиная с античного периода, дала несколько трактовок этого понятия: от внутреннего ощущения покоя и комфорта, до «общественного блага, которое должно обеспечиваться военными и дипломатическими способами»<sup>1</sup>. Смысловая нагрузка понятия менялась либо расширялась в зависимости от конкретных исторических условий и общественных ценностей. Но разные смысловые аспекты безопасности сохраняют свою значимость до сих пор и находят отражение как в научных подходах к пониманию безопасности, так и в представлениях рядовых граждан<sup>2</sup>.

Анализ представлений о безопасности позволяет определить, какие ее аспекты наиболее значимы для общества или отдельной социальной группы, какова оценка безопасности на данный момент, кем и какими

---

<sup>1</sup> *Rothschild, Emma*. What is Security? // *Daedalus*, Summer 1995. P. 63. Доступно на: <http://www.scribd.com/doc/15229031/Rothschild-What-is-Security>, последнее посещение 15.04.2012.

<sup>2</sup> См.: Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина / Моск. Центр Карнеги. М.: Интердиалект+, 2000. С. 16–34.

ми средствами она должна обеспечиваться. Иными словами, представления о безопасности несут в себе информацию о **культуре безопасности**, сложившейся на данный момент в обществе.

Одним из эффективных способов зондирования представлений о безопасности являются экспресс-опросы в формате фокус-групп. В апреле-мае 2011 года такого рода опросы были проведены среди студентов Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия) и Академического инновационного университета (г. Шымкент, Казахстан). В Барнауле в исследовании приняли участие 29 студентов старших курсов специальностей «История», «Международные отношения» и «Регионоведение». В Шымкенте были опрошены 36 обучающихся по специальностям «Русский язык и литература», «Иностранный язык», «Дизайн», «Психология», при этом двум из них было 18 лет, 26 — 19 лет, семи — 20 и одному — 30 лет<sup>1</sup>.

То, что в опросе участвовали исключительно студенты гуманитарных специальностей, было обусловлено учебной нагрузкой авторов статьи, а полученные результаты нельзя, конечно, автоматически переносить на всех студентов, тем более на молодежь в целом. Вместе с тем в свете предмета изучения представления студентов-гуманитариев о безопасности представляют особый интерес, поскольку именно они по окончании обучения чаще других выпускников пополняют структуры управления, образования, различные социальные службы, следовательно, в перспективе могут оказывать влияние на политику государства в области безопасности.

Далее представлены результаты экспресс-опросов в обоих вузах и их сравнительный анализ. Ответы студентов приводятся без правки, в том виде, в каком они были получены.

### «БЕЗОПАСНОСТЬ — ЭТО...»

Опрос включал в себя три этапа. На первом этапе студентам было предложено письменно сформулировать своё определение безопасности. Учитывая тот факт, что студенты заранее не знали тему опроса и на ответ им было дано не более пяти минут, резонно предположить, что

---

<sup>1</sup> Национальный состав казахстанских респондентов: казахов, русских и узбеков — по девять человек, корейцев, татар, турок и азербайджанцев — по два человека и один перс.

полученные ответы явились результатом первой реакции, которая, как правило, строится на сложившихся стереотипах восприятия того или иного явления. В основе официальной политики Российской Федерации и Республики Казахстан в сфере безопасности лежит государствоцентричная модель<sup>1</sup>: русской и советской политической культуре исторически присуще восприятие государства как высшей ценности и совокупности институтов, стоящей над обществом, коллективом, семьёй. Поэтому мы ожидали, что в представлениях студентов о безопасности государство будет лидировать и в качестве её субъекта, и в качестве объекта.

Эти ожидания не оправдались. Анализ ответов барнаульских студентов показал, что в большинстве своём они дали определения в духе концепции человеческой (human) или общей / совместной (common) безопасности, получившей распространение на Западе в начале 1990-х годов. Основное её положение заключается, пожалуй, в том, что как субъект и объект безопасности человек должен быть не менее значимым, чем государство, а безопасность жизни, прав и достоинства отдельного человека, малых и крупных человеческих общностей — не менее, если не более, важна, чем сохранение целостности территории государства и его политического строя<sup>2</sup>. И 18 из 29 опрошенных в Барнауле студентов, то есть практически две трети, в качестве субъекта / объекта безопасности поставили человека и написали об условиях, обеспечивающих его достойное существование. Ещё в пяти ответах не был указан субъект безопасности, а сама она определялась методом от

---

<sup>1</sup> Об этом убедительно свидетельствуют концепции национальной безопасности обоих государств. Представление о российской концепции можно составить по двум её редакциям (см.: Российская газета, 29.09.1997; Независимое военное обозрение, 14.01.2000) и по более позднему документу, принятому в 2009 году, озаглавленному «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и размещённому на сайте Совета Безопасности РФ (см.: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>). Основными положениями казахстанской концепции определяется содержание недавно принятого нового Закона Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (См.: [http://mod.gov.kz/mod-ru/index.php?option=com\\_content&view=article&id=263&Itemid=209&lang=ru](http://mod.gov.kz/mod-ru/index.php?option=com_content&view=article&id=263&Itemid=209&lang=ru)).

<sup>2</sup> Подробнее о концепции common security см.: Миграция и безопасность в России... С. 26–31.

противного — как отсутствие угрозы и опасности. Лишь в четырёх ответах наряду с человеком в качестве субъекта / объекта фигурирует государство, и не было ни одного определения, где бы речь шла сугубо о национальной, государственной безопасности.

В определениях казахстанских студентов государство вообще не упоминается. Правда, присутствуют единичные формулировки, указывающие на тот или иной аспект национальной безопасности: «*охрана безопасности общества*»; «*защита населения*»; «*охрана окружающей среды*»; «*военные силы государства*». В большинстве их ответов речь также идет об индивидуальной безопасности, только преимущественно в форме безопасности собственной, личной. Это прочитывается в использовании притяжательных местоимениях «*своей*», «*себя*», «*свою*», тогда как у барнаульских студентов субъектом безопасности выступает человек вообще — как социальная единица.

Если попытаться классифицировать ответы студентов с точки зрения восприятия безопасности, то в представлении большинства и барнаульских, и шымкентских студентов безопасность предстаёт как данность — благоприятные внешние условия, необходимые для нормальной жизнедеятельности личности. На втором месте по частоте встречаемости оказываются ответы, в которых безопасность раскрывается через чувство защищённости, отсутствия опасности, спокойствия. Лишь четыре респондента — три в Барнауле и один в Шымкенте — истолковали понятие безопасность как норму и право, прежде всего, как право на личную неприкосновенность.

На формирование представления о безопасности оказывает влияние состояние личной идентичности, актуализирующее для человека его онтологическую безопасность. Понятие «онтологическая безопасность» (“ontological security”) «обозначает присущее людям чувство безопасности, упорядоченности и правильности их жизни»<sup>1</sup>. Считается, что наиболее отчётливо это чувство ощущается в случае устойчивой личной идентичности, не меняющейся в течение продолжительного времени. Кризис идентичности как ответ на быстрые изменения общественных условий существования личности приводит к дестабилизации, ослаблению, уменьшению онтологической безо-

---

<sup>1</sup> Аберкромби Н., Хилл С., Тёрнер Б.С. Социологический словарь, 2008. Доступно на: <http://voluntary.ru/dictionary/874>, последнее посещение 17.04.2012.

пасности; как следствие, для личности резко актуализируется чувство безопасности<sup>1</sup>.

Анализ тех ответов, которые позволяли это сделать, с точки зрения онтологических аспектов безопасности даёт не такие совпадающие результаты, как при сравнении определений субъектов и объектов безопасности. Если для барнаульских студентов безопасность преимущественно отождествляется со стабильностью условий жизнедеятельности (*«состояние, при котором исключены угрозы нарушения благоприятного положения дел»*) и, в меньшей степени, с гарантией прав личности, то в ответах студентов из Шымкента обращает на себя внимание отождествление безопасности с физическим выживанием. Для них характерны такие определения, как *«страх за свою жизнь»*, *«знание о том, что можешь жить без страха»*, *«инстинкт выживания»*, *«ужасные и страшные вещи не грозят для человека»*, *«чистое, спокойное небо»*, отсутствующие в ответах барнаульских респондентов. Наиболее же употребляемые слова в дефинициях казахстанских студентов — это *защита* (7), *жизнь* (5), *страх* (3). В совокупности с частым употреблением притяжательных местоимений, указывающих на большую, чем в барнаульских ответах, степень персонификации в восприятии безопасности, это наводит на мысль о том, что у казахстанских студентов оценка состояния безопасности ниже, а чувство опасности / безопасности — острее, чем у российских.

Отличительной чертой ответов барнаульских студентов было то, что предложенные ими дефиниции безопасности как будто позаимствованы из учебников — очень близки к тому как, какими словами определяется безопасность в специальной литературе. В то время как в ответах шымкентских студентов присутствовали образные и свободные определения. Например, *«чистое, спокойное небо»*, *«военные силы государства»*, *«борьба за жизнь и за место под солнцем»*.

Если попытаться ответить на вопрос, что, помимо СМИ и социокультурной среды, повлияло на представления студентов, то стоит обратить внимание на их специализацию. Барнаульские студенты имели определенную базу, запас знаний для обсуждения темы опроса. В самом деле, образовательные программы специальностей «Международные отношения» и «Регионоведение» включают курс «Национальная

---

<sup>1</sup> Аберкромби Н., Хилл С., Тёрнер Б.С. Указ. соч.

безопасность», а также общие курсы «Теория международных отношений», «Конфликтология», «Процесс формирования внешней политики», где проблемы обеспечения безопасности органично присутствуют. Специальность, на наш взгляд, отчасти задала логику рассуждений и несколько шаблонный язык, который использовали студенты из Барнаула для выражения своих представлений. В Казахстане в опросе участвовали студенты-гуманитарии, не специализирующиеся на изучении политической сферы жизни общества; кроме того, аудитория была разнородной по национальному составу, и, как можно заметить даже по ответам, русский язык не является родным для большинства респондентов. Возможно, поэтому им сложно было сформулировать на русском языке строгое формализованное определение, и, чтобы передать свою мысль, они прибегали к конкретным образам.

### ПРИОРИТЕТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Ответы студентов лишней раз подтвердили, что понятие безопасность многоуровневое, сложное по содержанию, поэтому задачей второго этапа опроса стала расстановка приоритетов безопасности. Студенты должны были предложить свою иерархию определений безопасности с точки зрения их значимости. Это задание выполнялось в течение более длительного периода, чем первое. Для решения задач второго этапа исследования студенты были разбиты на мини-группы. Хотя опросы проходили по одному сценарию, методика их проведения имела свои особенности. В Барнауле ответы студентов были в зависимости от содержания объединены в несколько категорий, в Шымкенте студенты этого не делали, а выстраивали иерархию приоритетов, исходя из всей совокупности ответов. Однако их варианты расстановки во многом соотносятся с теми, что были предложены барнаульскими студентами, поэтому приоритеты, предложенные в Барнауле и Шымкенте, будут анализироваться в целом.

Ответы, полученные в Барнауле, были распределены самими студентами на три категории ответов, критерием же распределения стали разные уровни восприятия безопасности и выделенные субъекты. Первую категорию составили определения безопасности как субъективного внутреннего ощущения защищённости человека. Наиболее типичное определение здесь такое: *«безопасность — чувство защищённости, комфорта, когда действие внутренних и внешних факторов не беспо-*

коит человека». Во вторую категорию вошли ответы, в которых содержание понятия «безопасность» объективировано: *«безопасность — состояние / положение, при котором отсутствует угроза жизни, свободе и здоровью человека»*. В третью категорию, условно названную нами «национальной безопасности», вошли определения, где в качестве объекта безопасности наряду с человеком фигурировали государство и общество: *«безопасность — состояние экономической, военной, социальной защищённости индивида, государства и общества»*.

Работа велась в десяти студенческих мини-группах — семи в Барнауле и трёх в Шымкенте. Расстановка приоритетов безопасности показала, что в своём большинстве — семь групп из десяти — студенческая аудитория осталась верна первоначальным представлениям, отдавая индивидуальной безопасности первое место. При этом четыре мини-группы из этого большинства состояние защищённости человека как внешней данности поставили на первое место, а его внутреннее самоощущение — на второе, тогда как участники трёх других мини-групп большинства поменяли эти приоритеты местами. Безопасность как состояние защищённости государства оказалась на последнем, третьем, месте у всех семи мини-групп, хотя её значимость как условия индивидуальной безопасности не отрицала ни одна группа. Вообще в рассуждениях студентов этих семи групп присутствовала мысль, что иерархия приоритетов безопасности не является жёсткой, зависит от конкретных обстоятельств, от конкретных условий и в представлениях человека на первый план выходит та сторона безопасности, угроза которой наиболее вероятна. В настоящее время нет явных угроз национальной безопасности России, низка вероятность военных конфликтов, новой мировой войны, вследствие чего акцент смещается на индивидуальную безопасность. Но безопасность индивида всё-таки, по мнению, студентов первична, а интересы государства и человека порой входят в противоречие. Если отдавать приоритет национальной безопасности, безопасность индивида может быть принесена в жертву безопасности государства, что нежелательно. Вместе с тем во время работы в мини-группах увеличилось число сторонников национальной безопасности. Если в спонтанных индивидуальных определениях понятия «безопасность», полученных на первом этапе исследования, государство присутствовало, как мы помним, лишь в четырёх ответах, то после коллективного обсуждения вопроса уже три мини-группы выдвинули

безопасность государства на первое место. Доводы студентов в обоснование этого решения практически повторяли одно из основных положений концепции национальной безопасности — без сильного государства, которое в состоянии обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность, индивидуальная безопасность невозможна.

Таким образом, картина, полученная по итогам второго этапа исследования, отличается от той, которую мы видели на первом, но не кардинально. Тенденция, изначально обозначившаяся в представлениях студентов — акцент на безопасность индивида как данности либо как внутреннего ощущения, — несколько ослабла, но сохранилась.

### **БЕЗОПАСНОСТЬ — SECURITY — ҚАУПСІЗДІК — ХАВФСИЗЛИК**

В языке закреплены результаты отражения и познания мира. Часто слово, принципы его образования несут в себе сложившееся в обществе понимание того или иного явления. Задача третьего этапа работы со студентами Барнаула и Шымкента заключалась в выявлении разных смысловых оттенков понятия «безопасность» в русском и некоторых других языках — в нашем случае в языках английском, казахском и узбекском — путём нахождения синонимов и разбора их содержания.

Базовые синонимы у студентов двух городов оказались схожими. В русском языке были приведены следующие слова: *защищённость, спокойствие, стабильность, неприкосновенность, целостность*. На вопрос, какое из этих слов ближе всего по смыслу их представлению о безопасности, барнаульские студенты выбрали «*защищённость*». По их мнению, это наиболее общее понятие, которое включает в себя почти все аспекты, о которых они писали на первом этапе исследования. Действительно, в их индивидуальных формулировках безопасность чаще всего раскрывается через слово «*защищённость*». Согласно толковому словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой, «*защищённость* — состояние надежной безопасности, защиты от кого-л., чего-л.»<sup>1</sup>. Из других слов-синонимов студенты прокомментировали

---

<sup>1</sup> Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Автор Т. Ф. Ефремова. Доступно на: <http://www.efremova.info/letter/+zashh.html?page=2>, последнее посещение 14.01.2012.



«целостность», которое, как они считают, применимо в тех случаях, когда речь идет об уровне национальной безопасности, защите национального суверенитета.

У казахстанских студентов на первом месте по числу повторений стояло слово «*спокойствие*». В русском языке это слово имеет два значения: «1. состояние природы, окружающей обстановки и т.п., характеризующееся отсутствием шума, волнения, движения, суеты; покой тишина; 2. состояние душевного равновесия, покоя, отсутствие душевной тревоги, волнений»<sup>1</sup>. Эти значения отсылают нас к представлению о благе, уравновешенности, статичности, отсутствия движения. Такой концепт безопасности, как нам представляется, был свойствен традиционным восточным обществам. Также казахстанской аудиторией были предложены синонимы: *самосохранение, самооборона, рефлексия, комфорт, жизнь, умиротворённость, благоприятное существование, страхование, охрана, оборона, защита, опека, пацифизм, гуманизм, сохранность*. Среди них обращают на себя внимание слова «самосохранение» и «самооборона»: они опять сигнализируют о первоочередном восприятии безопасности через безопасность личную. В то же время слова «страхование», «охрана», «оборона», «защита», «опека», взятые не по отдельности, а вместе, в качестве стихийно получившегося, но достаточно цельного кластера синонимов, свидетельствуют о таком понимании безопасности, которым предполагается наличие некоего патрона-защитника. А уравновешиванием безопасности с сохранностью и даже жизнью, с одной стороны, с комфортом и благоприятным существованием, с другой, фактически фиксируются полярные представления о безопасности: в первом случае речь идёт о безопасности физического выживания, во втором — о гарантированной полноте жизни.

В качестве аналогов русскому слову «безопасность» в английском языке обе аудитории назвали слова *safety* и *security*. По мнению студентов, именно эти английские термины ближе всего по своему значению содержанию понятия «безопасность» в русском языке. Российские студенты привели ещё слова *stability, defense, welfare*, казахстанские — *protection, peace, carefulness, guard*. Сразу же отметим, что слово

---

<sup>1</sup> Словарь русского языка. В 4-х томах. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988. Т. 4. С. 228.

*protection* наиболее часто встречается в англоязычных определениях безопасности<sup>1</sup>.

Слова *safety* и *security*, по мнению всех студентов, употребляются в английском языке чаще любых других, когда речь идет о вопросах безопасности. Разницу между ними они прокомментировали следующим образом: *safety*, а также *welfare* употребляются в контексте безопасности человека, создания нормальных условий для его жизнедеятельности (в американском английском понятие “welfare” синонимично понятию “social security” — И. Б., А. Е.); *security* же чаще употребляется в контексте защиты государства и нации. И, если посмотреть трактовки слов “safety” и “security” в Оксфордском словаре современного английского языка, то окажется, что есть немало оснований именно для такого понимания этих слов студентами, пусть не во всём полном и точного. Словарь первоначально раскрывает оба термина как состояние безопасности; однако последующие коннотации, передаваемые словарём, довольно чётко выявляют различия в их значениях. Так, в качестве атрибута “safety” указывает на средства защиты **человека** от возможных травм, тогда как одним из основных значений понятия “security” является безопасность **государства** или **института**, например, компании от шпионажа, хищений и других опасностей<sup>2</sup>.

По сценарию студентам предлагалось найти синонимы слову «безопасность» и в своих национальных языках. Казахская аудитория привела следующие синонимы. На казахском языке: *қауіпсіздік* (два упоминания) — «безопасность», *қорғаныс* (тоже два) — «защита», *қорғау* — «защита», *тыныштық* — «спокойствие», *бейбітшілік* — «мир», *күзет* — «охрана». На узбекском языке: *хавфсизлик* — «безо-

---

<sup>1</sup> См.: например, определение в англоязычной Википедии (все выделения в нём сделаны автором статьи в Википедии. — И. Б., А. Е.): **Security** is the degree of protection against danger, damage, loss, and crime; security as a form of protection is *structures and processes that provide or improve security as a condition* (Безопасность — это степень защищённости от угроз, убытков, урона и преступлений. Как форма защиты безопасность представляет собой совокупность структур и процессов, обеспечивающих или улучшающих безопасность как состояние). Available at: <http://en.wikipedia.org/wiki/Security>, last visited on 02.05.2012.

<sup>2</sup> The Concise Oxford Dictionary of Current English. 8<sup>th</sup> ed. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 1061, 1093.

пасность», *тинчлик* — «благополучие», *ўзини сақлаш* — «самосохранение». На азербайджанском языке было представлено только одно слово — *eminlik*, что переводится как «гарантия».

Предложенные студентами лексемы *қауіпсіздік* в казахском языке и *хавфсизлик* — в узбекском представляются нам калькой с русского языка, так как их дословный перевод звучит как «состояние, когда опасности нет» (в обоих случаях суффикс именного отрицания «-сіз» / «-сиз» присоединяется к существительному и образует отрицательное значение)<sup>1</sup>. Эти термины появились в местных языках в советский период. Что касается других синонимов, то их значения имеют «общий знаменатель» со словами, использующимися для определения феномена безопасности в других языках, в частности, в русском и английском.

\* \* \*

Сравнение результатов экспресс-опросов, проведенных в Барнауле и Шымкенте, показывает, на наш взгляд, больше сходства, чем различий. Очевидно, что в представлении большинства студентов безопасность предстает как безопасность **индивидуальная**, конкретнее — как условие нормальной жизнедеятельности личности. Именно личности, потому что подразумевается отнюдь не одно только «голое» физическое выживание биологической особи: речь идёт об «экономическом, культурном, социальном благополучии каждого». Личностно ориентированные представления студентов о безопасности могут рассматриваться как косвенное свидетельство того, что основные положения концепции общей безопасности получают распространение на постсоветском пространстве и находят отражение в официальных документах, учебниках и общественном сознании. Вопрос в том, перевело ли общество эти представления в разряд общезначимых ценностей, и если да, то каким образом они будут обеспечиваться? Европейская культура безопасности уже на уровне понятия, слова несёт в себе деятельное на-

---

<sup>1</sup> Доценко Е. А. Русские предлоги и их казахские эквиваленты // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 17 / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. Донецьк, 2008. С. 64; Казахско-русский словарь: около 50 000 слов / Под ред. Р.Г. Сыздыковой и К.Ш. Хусаина. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 525; Узбекско-русский словарь on-line. Доступно на: <http://slovar.olam.uz/>, последнее посещение 05.05.2012.

чало, признаёт за отдельным человеком и группами (общинами, сообществами, общественными организациями) одновременно и право, и обязанность участвовать в обеспечении безопасности. Ответы российских и казахстанских студентов не дают нам пока оснований говорить, что в среде постсоветской молодежи утверждается близкая к европейской культура безопасности. Наоборот, очевидна пассивность в ответах студентов по вопросу обеспечения безопасности. Человек в предложенных определениях предстает скорее объектом, чем субъектом безопасности, в них преимущественно используется пассивный залог, практически не встречаются слова, обозначающие активные действия, не отмечается, кто и каким образом должен обеспечить желаемое состояние безопасности. Поскольку общество лишь единично присутствует как субъект безопасности в ответах студентов, эта обязанность, скорее всего, негласно возлагается студентами на государство.

### Дискуссия по докладу И. Бочкарёвой и А. Есимовой

**Галиймаа.** Были ли принципиальные различия в ответах студентов из России и Казахстана?

**Бочкарёва.** На мой взгляд, не было. Можно отметить некоторые нюансы в представлениях о безопасности. Так, в представлениях барнаульских студентов безопасность в основном связана со стабильностью условий жизнедеятельности, у казахстанских студентов речь идет преимущественно о защите своей жизни. Можно ещё отметить как отличительную черту наличие в ответах казахстанских студентов образных формулировок — таких как «чистое небо над головой», «военные силы государства», «борьба за жизнь». Сложно дать однозначное объяснение, почему были даны подобные ответы. Возможно, это можно объяснить меньшей их подготовленностью к тому, чтобы обсуждать эти вопросы. В Казахстане в опросе принимали участие студенты специальностей «филология», «психология» и т.п. У барнаульских студентов в силу их специализации был определен запас знаний, чтобы вести разговор на тему безопасности.

**Панарин.** Наличие образных ответов еще может объясняться и тем, что в группе у Айгуль Есимовой русских было немного. Например, в качестве синонима слова «безопасность» приводилось слово «тинчлик», которое переводится как «спокойствие». Но это слово имеет больше значений, чем приводит Айгуль, именно образных.

**Абашин.** «Тинчлик» — это спокойствие, тишина.

**Панарин.** Да, речь идет о том, как мне кажется, что группа, где было больше представителей тюркоязычного населения, в ответах на вопрос «что

такое «безопасность» на русском языке выразила смысл через образы. На ответы же барнаульских студентов, помимо их специализации, повлияло и другое: они пользовались преимущественно, что называется, «стёртым» языком безопасности.

**Бочкарёва.** Да, их ответы были даны под влиянием того, что пишется в литературе о безопасности, поэтому, наверное, было много схожих ответов.

**Цой.** А были ли различия в ответах студентов разных специальностей?

**Бочкарёва.** В принципе не было. И историки, и международники дали близкие по содержанию ответы, их представления о безопасности оказались очень схожи.

**Колганова.** Была ли чёткая гендерная разница в ответах?

**Бочкарёва.** Задачи анализировать ответы студентов по гендерному признаку не ставилось, тем более что студенты писали свои формулировки анонимно. Могу сказать, что во всех группах преобладали девушки.

**Дмитриев.** Насколько тема безопасности близка и интересна студентам? Как они оценивают современную ситуацию в области безопасности государства и личности в России?

**Бочкарёва.** На мой взгляд, студенты с интересом откликнулись на эту тему, активно работали в группах. Что касается их оценок ситуации с безопасностью в России, то этой темы мы напрямую не касались. Однако многие студенты были на стажировках и обучении за рубежом, в частности в Китае. По их высказываниям в ходе дискуссий можно сделать вывод, что степень их внутреннего ощущения безопасности выше, когда они в Китае, чем когда они в России.

**Абашин.** Была ли попытка понять, на что ориентируются студенты, когда, отвечая на вопросы, используют тот язык, который используют? На учебные программы, телевидение или интернет? Есть ли какие-то учебные программы по проблемам безопасности?

**Бочкарёва.** Программы есть. У студентов специальностей «регионоведение» и «международные отношения» есть по программе курс «Безопасность», в рамках которого они изучают различные подходы к пониманию безопасности. Я допускаю, что наличие подобного курса и близких к нему курсов по международным отношениям могло оказать влияние на их ответы. Они были такие «гладенькие», порой как из учебников. У студентов-историков такого же курса нет, но ответы были схожие. Хотя у студентов всех этих специальностей в обучении акцент делается на политическую сферу жизни общества, а безопасность — это сфера политического.

**Мещеряков.** Я знаю, что у студентов есть обязательный курс ОБЖ — «основы безопасности жизнедеятельности», так, кажется, расшифровывается эта аббревиатура? Если задуматься над тем, что влияет на представления о безопасности, то, может быть, изучение такой дисциплины, как ОБЖ?

**Панарин.** Нам сильно здесь не хватает парочки студентов.

**Абашин.** А в Италии есть учебные программы, где объясняется, что такое безопасность?

**Перси.** Точно не могу сказать, но, насколько я знаю, нет. Может быть, есть в специальных институтах, занимающихся вопросами техники безопасности.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕЗОПАСНОСТИ  
СТУДЕНТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ  
(по материалам экспресс-исследования  
в Ивановском государственном университете)**

*Ирина Буданова*

Экспресс-исследование было проведено 29 мая 2011 года в форме дискуссии. Участвовали в нём 22 студента III курса исторического факультета Ивановского государственного университета, обучающиеся по специальности «Международные отношения»: 20 граждан Российской Федерации и 2 гражданина Афганистана. Следует подчеркнуть, что это один из наиболее хорошо подготовленных курсов в рамках данной специальности, что положительно сказалось на качестве состоявшегося обсуждения. Важно отметить, что его участники хорошо знают друг друга, среди них уже обозначились свои лидеры и подтягивающиеся, и это, возможно, способствовало некоторому сглаживанию углов, отсутствию резких выпадов во время споров. Вместе с тем конкуренция всё равно была, только проявилась она на уровне мини-групп, что было особенно заметно при выполнении заданий «синонимы» и «иерархия».

К сожалению, к дискуссии не удалось привлечь студентов-историков. Причинами тому стали отсутствие мотивации, слабая заинтересованность в предмете обсуждения. К тому же исследование пришлось на конец мая, то есть на традиционное время сдачи курсовых и дипломных работ, на начало сессии.

Дискуссия проходила в три этапа и длилась 1 час 20 минут (одну «пару»). Моя роль заключалась в фиксации основных положений, выдававшихся мини-группами и отдельными участниками. Поскольку о том, что экспресс-исследование будет проведено при минимальном моём участии, было объявлено заранее, перед началом работы был выбран ведущий из числа самих студентов. Он получил примерный сценарий, где были обозначены временные рамки каждого этапа. Однако с точки зрения ведущего оказалось логичнее поменять местами два из них: сначала поговорить о синонимах слову «безопасность» в русском и других языках, а затем уже выработать в мини-группах и сообща обсудить приоритеты безопасности.

### ПЕРВЫЙ ЭТАП: ЭКСПРЕСС-ОПРОС

На первом этапе ведущий раздал однокурсникам по листу бумаги, и каждый участник в течение двух-трёх минут дал письменный ответ на вопрос «Что такое безопасность?».

Затем ведущий собрал листы с ответами, зачитал их и записал на доске (табл. 1).

Таблица 1

#### Ответы студентов на вопрос «Что такое безопасность?»

Студенты	Определения
Студент 1	<b>Контроль</b> государства, способность сохранять стабильность на территории своего государства
Студент 2	Глобальная <b>проблема</b> , которая появилась вместе с появлением человека
Студент 3	Необходимое <b>условие</b> поступательного развития государства и общества, состоящее в способности адекватно реагировать на угрозы, превращать вызовы в новые возможности
Студент 4	<b>Состояние</b> государства, мирополитической системы, при которой совокупность угроз (мягких и жёстких) умеренная.
Студент 5	Отсутствие опасности, угрозы. <b>Защищённость, стабильность.</b> Состояние непричинения вреда.
Студент 6	<b>Состояние</b> чего-либо или кого-либо, отражающее <b>невозможность причинения вреда, ущерба</b> определенному объекту. Также <b>отсутствие возможной угрозы</b>
Студент 7	Такое <b>состояние</b> , при котором <b>отсутствуют какие-либо угрозы</b> , либо субъект чувствует свою способность противостоять им.



## Продолжение таблицы 1

Студенты	Определения
Студент 8	<b>Отсутствие угрозы</b> (как внутренней, так и внешней), мирные отношения между государствами и т. д.
Студент 9	<b>Состояние</b> системы, при котором она <b>защищена от угроз</b> , есть гарантия обеспечения жизненно важных интересов
Студент 10	<b>Состояние</b> , при котором рассматриваемому объекту ничто не угрожает. Как правило, безопасность не существует, поэтому субъект «думает», что ему ничего не угрожает, в силу того, что он принял необходимые меры для поддержания безопасности
Студент 11	Определенная <b>гарантия защиты; свойство</b> , заключающее в себе надёжность
Студент 12	<b>Состояние защищённости</b> , ограждение от любых внешних угроз + внутреннее <b>ощущение</b> индивидом или группой личностей стабильности и спокойствия перед настоящим и будущим
Студент 13	<b>Отсутствие угроз</b> либо <b>способность</b> отразить угрозы; <b>чувство уверенности</b> , спокойствия, надежности, защищённости
Студент 14	<b>Отсутствие опасности на личном уровне</b> — без нападений, так и <b>на глобальном</b> — никто не взорвет и не «уронит» на голову ядерную бомбу; исключаются несчастные случаи
Студент 15	<b>Отсутствие угроз, вызовов и рисков</b> жизненно важным интересам субъекта; отсутствие тех факторов, которые могут угрожать стабильному состоянию субъекта
Студент 16	<b>Состояние</b> , к которому стремится тот или иной актор, состояние стабильности отражать угрозы внешние, так и внутренние. Также безопасность — это, прежде всего, <b>система предупреждения</b> неблагоприятных действий и их последствий. Это состояние (качество) актора или субъекта
Студент 17	<b>Состояние</b> защищённости объекта
Студент 18	<b>Отсутствие внешней угроз</b> + внутреннее благополучие, <b>чувство комфорта</b> и уверенности
Студент 19	<b>Состояние</b> защищённости от опасности и <b>способность удовлетворять свои потребности и нужды</b> без противодействия извне или изнутри
Студент 20	<b>Защищённость</b> от угроз или отсутствие этих угроз

## Окончание таблицы 1

Студенты	Определения
Студент 21	<b>Важный аспект / свойство политики</b> (внутренней и внешней) того или иного государства с целью обеспечения стабильности и прочных позиций на мировой арене
Студент 22	<b>Совокупность принципов и норм</b> , регулирующих взаимодействие субъектов в обеспечении мира и безопасности

Далее ведущий вместе с выбранными им помощниками сначала свёл воедино близкие ответы, а затем распределил их в шесть различающихся по содержанию категорий.

1. Безопасность как проблема.
2. Безопасность как отсутствие угрозы.
3. Безопасность как политика (комплекс мероприятий).
4. Безопасность как защищённость.
5. Безопасность как условие чего-либо.
6. Безопасность как совокупность норм и принципов.

Аудитория забрала две последних категории, посчитав их частными случаями предыдущих. В итоге категорий осталось четыре. Также следует отметить, что и ведущий, и аудитория не выделили и не стали рассматривать в качестве отдельной категории безопасность как состояние, хотя ровно в половине ответов для определения безопасности использовалось именно это понятие.

## ВТОРОЙ ЭТАП: РАСШИРЕНИЕ СМЫСЛОВ

На втором этапе ведущий с помощниками разделил студентов на три мини-группы, предложив каждой из них подобрать синонимы слову «безопасность» в русском языке и назвать аналоги этому слову в других языках.

Таблица 2

### Синонимы слову «безопасность» в русском языке

Мини-группа I:	Мини-группа II:	Мини-группа III:
сохранность, спокойствие, обеспеченность	защищённость, стабильность, застрахованность	устойчивость, надёжность, уверенность, мир, безвредность

Таблица 3

**Синонимы слову «безопасность» в романских, славянских, немецком, финском и турецком языках**

<b>Мини-группа I:</b>	<b>Мини-группа II:</b>	<b>Мини-группа III:</b>
<i>sûreté</i> (франц.) = уверенность	<i>безпека</i> (укр), <i>бяспеку</i> (белор.) = безопасность	<i>Sicherheit</i> (нем.) = уверенность, безопасность
<i>sécurité</i> (франц.) = security, безопасность, защищенность	<i>безбедност</i> (серб.) = безопасность	
<i>la sûreté de l'Etat; sécurité nationale</i> = гос. безопасность	<i>zabezpečení</i> (чеш.), <i>zabezpečenie</i> (словац.) = безопасность	
	<i>bezpieczeństwo</i> (польск.) = обеспеченность	
<i>sicurezza</i> (итал.) = безопасность, застрахованность, сохранность,	<i>seguridad</i> (испан.) = безопасность, надёжность; гарантия; уверенность, убежденность	<i>turvallisuus</i> (фин.) = security
<i>gefährlichkeit</i> (нем., редко) = отсутствие угроз, опасности		<i>Varmuus</i> (фин.) = safety
		<i>güvenlik</i> (турец.) = уверенность

Мини-группы выполняли задание в несколько приёмов. В течение первых семи минут были подобраны прямые, по их мнению, синонимы, имеющиеся в русском языке (табл. 2). В последующие десять минут мини-группы в какой-то мере попытались разобрать содержание синонимов — выяснить, полностью ли оно совпадает с предложенными на первом этапе значениями слова «безопасность». В целом, однако, участники исследования дальше выявления синонимов не пошли. После этого студенты подобрали известные им синонимы русскому слову «безопасность» в других языках, за одним исключением — в европейских (табл. 3).

Ведущий заметил, что полностью выпали английские синонимы, и все три мини-группы обратились к английскому языку. В итоге была даже составлена специальная таблица (табл. 4), показывающая соответствия английских синонимов русскому слову «безопасность», его русским синонимам и друг другу.

Таблица 4

**Английские синонимы слову «безопасность» в их соотношении  
с русскими синонимами и друг с другом**

Слово	Значение	Синоним
Security	1. а) <b>безопасность</b> ; надежность; б) уверенность (в чем-л.); в) гарантированность (от чего-л.);	
	2. стабильность, прочность	stability, fixity
	3. защита, охрана.	guard, protection, defense
	4. обеспечение, гарантия	assurance, guarantee
Stability	1. а) <b>устойчивость</b> (способность не падать, не опрокидываться); б) закреплённость, неподвижность в) стабильность, устойчивость (способность оставаться в неизменном положении при воздействии каких-либо внешних сил); е) прочность, связность (способность не подвергаться разложению или распаду);	fixity, fixedness
	2. (о нематериальных сущностях). а) стабильность, неизменность (явлений); б) постоянство, твердость (характера); непоколебимость (решения).	

Мини-группы обратили внимание на то, что в славянских языках безопасность лексически передаётся с помощью префикса «без-», указывающего на отсутствие какого-то качества, свойства, состояния, то есть фактически через отрицание, тогда в других языках есть слова, передающие состояние защищённости, сохранности без помощи отрицания<sup>1</sup>. В рамках небольшой завязавшейся дискуссии её участники

<sup>1</sup> Например, *safety* в английском языке. В то же время и английское *security*, и французское *sécurité*, и итальянское *sicurezza*, и испанское *seguridad* произошли от латинского *securus*, в котором само наличие значения основы «cura» (= забота) отрицается префиксом «se-» (см. *Secure // National Collegiate Dictionary*. Available at: <http://en.academic.ru/dic.nsf/mwc/90262/secure>, last visited on 12.05.2012). Все они унаследовали от исходной латинской лексемы конструкцию, аналогичную той, по которой построены слова, обозначающие безопасность в славянских языках. То же самое относится и к немецкому *Sicherheit* (см.: *Медведева Т.С. Концепт Sicherheit в немецкой лингвокультуре // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и философия, 2011. № 2. С. 49.*

вспомнили и о российском проекте Договора о европейской безопасности, который, как на трёх китах, покоится на трёх «не»: **не** обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других; **не** допускать действий, ослабляющих единство общего пространства безопасности; **не** позволять, чтобы развитие и расширение военных союзов наносило ущерб другим участникам договора<sup>1</sup>. Аудитория пришла к выводу, что, вообще говоря, не совсем удачно отражать состояние безопасности только негативным образом — посредством отрицания.

### ТРЕТИЙ ЭТАП: РАССТАНОВКА ПРИОРИТЕТОВ

Напомню: на первом этапе исследования студенты сформулировали четыре категории определений для понятия «безопасность»: 1) безопасность как проблема, 2) безопасность как отсутствие угрозы, 3) безопасность как политика и 4) безопасность как защищённость. На третьем этапе им предстояло установить в мини-группах определённую иерархию этих категорий безопасности, показать их возможное соотношение. На эту работу всем мини-группам было отведено по 15 минут. По окончании обсуждения в мини-группах последовали презентации и коллективное обсуждение выработанных иерархий определений.

*Мини-группа 1.* На первое место по приоритетности эта группа поставила **безопасность как проблему**. Свою презентацию она открыла риторическим вопросом: «С чего начать?» — «С восприятия / осознания проблемы», — тут же прозвучал её ответ. На новый вопрос: «Каковы критерии восприятия проблемы?», ответ был ещё более кратким и исчерпывающим: «У каждого свои». Ход мысли в данном случае очевиден: безопасность как проблема всегда связана с личным восприятием, соответственно у всех она неизбежно получается «разная». И далее, следуя этой логике, первая мини-группа пришла к такому выводу, сопроводив его иллюстрирующей схемой (рис. 1): *«Безопасность как проблема определяет безопасность как защищённость, безопасность как отсутствие угрозы и безопасность как политику (всё очень субъективно). В этом случае состояние безопасности достичь сложно / почти невозможно, так как всё упирается в осознание данной проблемы многочисленными разнородными внутренними и внешними угрозами».*

---

<sup>1</sup> Размещён 29 ноября 2009 года на сайте Президента Российской Федерации, где с ним и можно ознакомиться. См.: <http://президент.рф/news/6152>.



Рис. 1. Безопасность как проблема в графическом представлении первой мини-группы.

Один из членов первой мини-группы, присоединившийся в конечном счёте к мнению её большинства, повторил своё определение безопасности на первом этапе: *«Безопасность — необходимое условие поступательного развития государства и общества, состоящее в способности адекватно реагировать на угрозы и превращать вызовы в новые возможности»*. С его точки зрения, подход к безопасности как **к условию** более прагматичный и эффективный, когда надо измерить уровень безопасности, чем подход к ней как к проблеме.

**Мини-группа 2.** Группе немного не хватило времени для того, чтобы выработать взвешенное единое мнение, так как в ней оказалось два лидера, каждый из которых стремился навязать остальным свою точку зрения. В результате принятое в последнюю минуту компромиссное решение выглядело следующим образом: *«Безопасность как отсутствие угроз — определяющая, но при этом и очень субъективная категория: кто-то ощущает угрозы, кто-то нет. Исходя из этого, «отсутствие угроз» само по себе проблема, которая решается государством. Главное, на что нужно обращать внимание — это кто / что обеспечивает безопасность»*. Графической схемы группа не предложила.

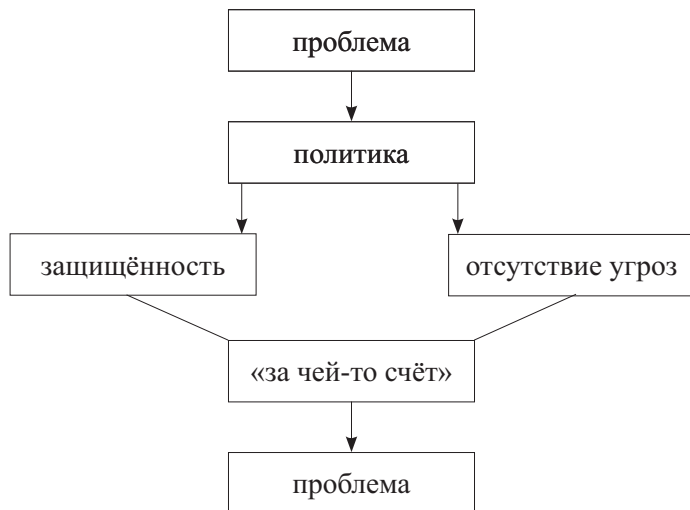


Рис. 2. Безопасность как проблема в графическом представлении третьей мини-группы

*Мини-группа 3.* Свой подход к ранжированию коллективно согласованных категорий безопасности она назвала «формально-логическим». Руководствуясь им, третья мини-группа, как и первая, пальму первенства отдала **безопасности как проблеме**, но при этом устранилась от субъективного начала «восприятия». В предложенной ею первоначально графической схеме группа изобразила три частично пересекающихся круга, вписывающихся в воображаемый треугольник; при этом круг, расположенный у вершины этого треугольника, она определила как защищённость, а два других, находящихся в основании — как отсутствие угроз и политику. По замыслу группы, такая расстановка приоритетов в тенденции способствовала бы движению от безопасности как проблемы к безопасности как идеальному состоянию. Столкнувшись с жёсткой критикой, группа сходу переделала свою схему, выстроив новую цепочку: проблема порождает политику, которая приводит к защищённости и отсутствию угроз. Графически новая схема выглядела так, как показано на рис. 2.

После выступления третьей группы завязалась дискуссия, в ходе которой проявили активность даже те студенты, которые обычно отмалчиваются. В частности, студент — гражданин Афганистана решил изложить своё видение диалектики безопасности. По его мнению,

безопасность как политика, то есть политика, направленная на обеспечение безопасности, одновременно порождает и проблему безопасности, и состояние защищённости.

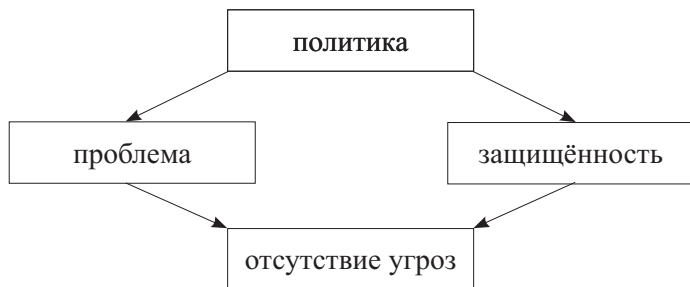


Рис. 3. Диалектика безопасности в графическом представлении одного из участников.

Только при совмещении этих параметров — систематическом соотношении проблемы с защищённостью и наоборот — возможна безопасность как отсутствие внутренних и внешних угроз; при этом главная роль в обеспечении безопасности принадлежит государству (рис. 3).

\* \* \*

На меня как на преподавателя произвела впечатление основательность, с которой третьекурсники — участники исследования подошли к осмыслению понятия «безопасность». Это показало, что студенты не утратили интерес к обучению на выбранной специальности.

Во-вторых, в ходе обсуждения проявилось доминирование в их суждениях государственноцентричного подхода к безопасности, на первый план в их собственных представлениях о безопасности вышла безопасность государства, мирополитической системы в целом. И в этом коренное отличие ивановских международников от опрошенных Айгуль Есимовой, Ириной Бочкарёвой и Надеждой Цой российских и нероссийских по гражданской принадлежности студентов, в представлениях которых безопасность личности присутствует, как минимум, на равных с безопасностью государства.

Вместе с тем не следует забывать, что экспресс-исследование проходило в рамках учебного процесса и что в глазах ребят оно было ини-



цировано мною, их преподавателем. Не исключено, что они отнеслись к нему как к своеобразному семинару, где в первую очередь надо продемонстрировать усвоенные знания. Даже предоставленная им самостоятельность могла подталкивать их в том же направлении. Очень может быть, что в другой обстановке та же самая аудитория показала бы более разнообразные представления о безопасности.

### Дискуссия по докладу И. Будановой

**Панарин.** Двадцать с лишним международных — специфическая группа, есть о чём подумать, о чём поговорить.

**Кириченко.** Было бы интересно повернуть их, образно говоря, в сторону «кирпича в подворотне». Например, насколько безопасно идти домой по ивановским отдалённым кварталам. Наверное, это немного бы минимизировало государственный подход.

**Панарин.** Здесь представлена безопасность на уровне высокой абстракции.

**Цой.** Кто входил в группу? Только ребята из города Иванова?

**Буданова.** Нет, были ребята из области. И из Владимирской области.

**Панарин.** В 2008 году мы проводили Школу молодого автора в Иванове, и я ещё тогда отметил, что это очень сильные ребята, которые хорошо говорят и чётко выражают свои мысли

**Бочкарёва.** Меня всё-таки удивили их ответы. У моих студентов, как кажется, была бы слабая грамматика и не столь ясное содержание мыслей.

Какие учебники используются в преподавании?

**Буданова.** Из российских — учебник П. А. Цыганкова по теории международных отношений. И ещё многочисленные оригинальные тексты на английском языке.

**Дмитриев.** То, что преобладает подход к безопасности с точки зрения государства, Вы рассматриваете как плюс — как профессиональное качество — или как минус — неспособность занять другую позицию?

**Буданова.** Во-первых, здесь я вижу некоторые итоги обучения специальности — грамотное использование профессиональной лексики, теоретических подходов. С другой стороны, не совсем согласна, что речь идет только о государстве. В ответах часто мелькает и понятие «система», применяемое не только к государству, но и в целом к осознанию безопасности на глобальном уровне.

**Панарин.** Рассматривается ли в ходе обучения концепция human security?

**Буданова.** Да, конечно.

**Панарин.** Удивительно, что при этом государство вышло на первое место.

**Попов.** Здесь не исключена и случайность. Скажем, в начале дискуссии была брошена «ориентирующая» фраза: мы говорим о международной безопасности.

**Буданова.** Я тоже считаю, что нельзя абсолютизировать результаты. Более того, сомневаюсь вообще в показательности данного исследования. Но вот установки студентам перед занятием не было. Они знали только, что будет экспресс-исследование, но тема заранее не озвучивалась. И с планом исследования все они также не были знакомы, за исключением ведущего.

## **РАЗВИТИЕ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КНР: НОВЫЙ КУРС — НОВЫЕ РИСКИ?**

*Татьяна Тутнова*

В настоящее время среди всех стран, развивающих ядерную энергетику, Китай демонстрирует наибольшие амбиции: из 60 реакторов, строящихся в 14 странах, на его долю приходится более 40% — 25 энергоблоков. По числу возводимых мощностей КНР значительно опережает следующих за ним Россию, Индию и Республику Корею (11, 6 и 5 реакторов соответственно)<sup>1</sup>. При этом новая политика Китая в ядерно-энергетической сфере характеризуется как агрессивными темпами развития, так и возрастающей самостоятельностью страны на всех этапах машиностроительных работ и ядерного топливного цикла. К тому же одним из результатов избранной стратегии должно стать расширение экспортных возможностей страны на международном рынке атомных технологий. Речь идет об экспорте АЭС «под ключ» и о поставках отдельных компонентов для строящихся за рубежом АЭС.

Официально заявленная цель нового курса — обеспечение энергетической безопасности страны в условиях быстрого роста энергопотребления, с одной стороны, ограниченности и неравномерного рас-

---

<sup>1</sup> Данные МАГАТЭ по энергетическим реакторам (PRIS — Power Reactor Information System). Available at: <http://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/CountryStatisticsLandingPage.aspx>, last visited on 02.11.2011.

пределения ископаемых энергоресурсов, с другой. Говорится также о необходимости повышения эффективности использования энергоносителей, перехода на интенсивные источники электроэнергии, сокращения выбросов углекислого газа<sup>1</sup>. В действительности причины развития собственной атомной промышленности выходят за пределы этого перечня. В самом общем виде можно сказать, что развитие национальной атомной индустрии призвано внести весомый вклад в укрепление экономической и политической безопасности страны. Более конкретно от него ожидают создания новых высокотехнологичных рабочих мест для китайского населения в пределах страны и за рубежом, роста технологического потенциала страны за счет сотрудничества китайских атомщиков с иностранными специалистами в рамках создаваемых на территории Китая совместных предприятий, становления новых отраслей отечественной науки и технологии (например, ядерной медицины и опреснения воды). Иначе говоря, пытаясь с помощью форсированного развития ядерной энергетики в первую очередь решить проблему энергетической безопасности, КНР не упускает из виду и другие, не столь «горячие», но важные цели — закрепление за собой выгодной ниши на рынке высоких технологий и статуса значимого субъекта международных отношений.

Один из главных вопросов, вызываемых ядерными планами Китая, заключается в следующем: сможет ли страна совместить быстрый рост своей ядерно-энергетической отрасли с обеспечением её безопасности в будущем? Для стран-экспортеров атомных технологий не менее актуален вопрос, удастся ли Китаю прочно обосноваться на международном рынке АЭС и, если да, как расширение экспортного потенциала КНР скажется на деятельности зарубежных поставщиков атомных технологий, состоянии мирового ядерно-энергетического рынка в целом? А в плане международной безопасности особое внимание привлекает стремление Китая овладеть всеми звеньями ядерно-топливного цикла. Добившись этого, КНР получит хорошие шансы для экспорта чувствительных технологий в другие страны, но возникает вопрос, не будет ли тем самым создана реальная угроза ядерному нераспространению?

---

<sup>1</sup> 核电中长期发展规划 (2005–2020年) (Перспективный план развития ядерной энергетики КНР (2005–2020 гг.)) Available at: <http://www.sio2cable.com/PDF%20file/Nuclear%20power%20plan.pdf>, last visited on 02.11.2011.

Вряд ли на все эти вопросы можно исчерпывающим образом ответить в одной статье. Тем более что значительная часть информации, необходимой для получения внушающих доверие ответов, отсутствует либо носит сугубо оценочный характер. Тем не менее я попытаюсь представить некую систематизированную картину развития китайской ядерной энергетики, которая может помочь получению искомым ответов. При этом особое внимание будет уделено проблеме безопасности китайских АЭС.

## **ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В КНР**

Курс на бурное развитие ядерной энергетики был взят в Китае лишь в начале 2000-х годов. «Прародителем» ядерно-энергетической программы (далее — ЯЭП) Китая стал военно-ядерный комплекс. Воспользовавшись зарубежным опытом, Китай ещё в 1964 году испытал первую отечественную атомную бомбу и быстрее других ядерных государств — всего за три года — преодолел расстояние между испытаниями атомного и термоядерного зарядов<sup>1</sup>. В начале 1970-х годов премьер-министр Чжоу Эньлай выступил в поддержку развития ядерной энергетики, и в 1991 году на АЭС «Циньшань» был подключен к сети первый коммерческий реактор Chinese Nuclear Plant мощностью 300 МВт (CNP-300). Он является собственной китайской разработкой и, хотя до сих пор находится в эксплуатации, сейчас, когда в Китае возводятся реакторы уже третьего поколения мощностью 1000 МВт, должен считаться скорее исторической вехой в развитии китайской атомной промышленности, нежели реально эффективным энергетическим объектом.

Создавая атомную отрасль, Китай опирался на готовую технологическую базу других стран и с самого начала избегал зависимости от одного проектировщика АЭС. Сегодня у него есть французские, канадские и российские энергоблоки. Всего же по состоянию на конец 2011 года на территории КНР эксплуатируется 14 реакторов общей

---

<sup>1</sup> См.: Federation of American Scientists (FAS): China's Nuclear Weapons. Available at: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/nuke/index.html>, last visited on 02.11.2011.

мощностью 11,3 ГВт, что составляет лишь 1,8% от общего объема производимой в стране электроэнергии<sup>1</sup>.

Сегодня китайская атомная промышленность делает резкий скачок на базе инновационного потенциала, накопленного технологически более развитыми странами. В 2007 году Китайская национальная комиссия по развитию и реформам приняла постановление о создании в ядерной энергетике за 2010–2020 годы дополнительных мощностей в 40 ГВт, и темпы строительства АЭС дают основания считать, что эта планка будет превзойдена. При этом предполагается добиться, одновременно с количественным ростом ядерно-энергетической отрасли, её резкого качественного совершенствования<sup>2</sup>.

Незадолго до аварии на АЭС «Фукусима» представители индустрии озвучили новые цифры — до 80 ГВт мощностей к 2020 году. Правда, после 11 марта 2011 года власти КНР на год приостановили выдачу лицензий на новые проекты, мотивировав своё решение необходимостью провести дополнительные проверки безопасности на запланированных для строительства площадках. Это несколько снизило первоначально запланированные темпы развития отрасли. Однако события на АЭС «Фукусима», во-первых, никак не повлияли на темпы возведения уже строившихся на тот момент 27 энергоблоков (из 65, сооружаемых во всём мире!), которые не позднее 2017 года добавят в энергобаланс страны 30 ГВт. А во-вторых, в любом случае к 2015 году в Китае на той или иной стадии строительства будут находиться порядка 50 энергоблоков<sup>3</sup>. По последним данным, к 2020 году совокупная мощность китайских АЭС должна достичь 60 ГВт. В 2013 году планируется начать работы по возведению первой АЭС во внутренней провинции Китая<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> China's Nuclear Fuel Cycle // World Nuclear Association. Available at: [http://www.world-nuclear.org/info/inf63b\\_china\\_nuclearfuelcycle.html](http://www.world-nuclear.org/info/inf63b_china_nuclearfuelcycle.html), last visited on 02.11.2011.

<sup>2</sup> См.: 2020年中国核电装机有望达到7000万千瓦 (К 2020 г. установленная мощность китайских АЭС может достичь 70 ГВт). Available at: <http://energy.people.com.cn/GB/10312924.html>, last visited on 06.06.2012.

<sup>3</sup> Nuclear Power in China // World Nuclear Association. Available at: <http://www.world-nuclear.org/info/inf63.html>, last visited on 06.11.2011.

<sup>4</sup> Kevin, Jianjun Tu. China's Nuclear Crossroads // Carnegie Endowment. Available at: <http://carnegieendowment.org/2012/03/11/china-s-nuclear-crossroads>, last visited on 04.04.2012.

## КИТАЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ ЭКСПОРТ

До сих пор единственным импортером ядерных энергоблоков Китая был и остаётся его стратегический партнер Пакистан, чьё сотрудничество с другими странами в сфере ядерной энергетики ограничено руководящими положениями Группы ядерных поставщиков (ГЯП)<sup>1</sup>. Но сегодня импорта реакторов из Китая жаждет Турция, объявившая тендер на строительство второй в стране АЭС. Китайское предложение выгодно отличается от предложений Японии и Южной Кореи<sup>2</sup> обещанием обеспечить финансирование без дополнительных гарантий со стороны турецкого правительства. Выход на турецкий рынок и, как следствие, значительное укрепление экономических и политических связей с единственным в ближневосточном регионе государством — членом НАТО, не только принес бы КНР экономические дивиденды, но и стал бы несомненным достижением её внешней политики<sup>3</sup>.

Вместе с тем, возводя на своей территории суперсовременные реакторы, за рубежом Китай может пока продавать лишь устаревшие модели, разработанные китайскими атомщиками в 1980-х годах. Только на их экспорт у страны имеется патент. Из-за лицензионных ограничений Китай может предложить Турции проект с морально устаревшим реактором CNP-600, уступающий современным дизайнам по мощности, эффективности систем безопасности, срокам эксплуатации, технико-экономическим характеристикам. Поэтому сегодня главная задача китайской ядерно-энергетической индустрии — создать собственный реактор последнего поколения, не просто свободный от лицензионных прав зарубежных разработчиков, но и отвечающий международным стандартам качества.

Эту задачу КНР уже успешно решает путём создания на своей территории совместных исследовательских и конструкторских предприя-

---

<sup>1</sup> Пакистан не является членом Договора о нераспространении ядерного оружия, однако таковым обладает, что накладывает ограничения на его сотрудничество в ядерной сфере со странами-членами ГЯП.

<sup>2</sup> Предложения одного из наиболее крупных и опытных игроков ядерной отрасли, Франции, вообще не рассматриваются из-за напряжённости в отношениях между Парижем и Анкарой.

<sup>3</sup> Turkish nuclear tender to seize opportunities // Financial Info. Available at: <http://www.financialinfo.co/turkish-nuclear-tender-to-seize-opportunities.html>, last visited on 10.04.2012.

тий с крупнейшими зарубежными атомными компаниями. Предприятия совместного сотрудничества создаются на территории КНР на сроки до 70 лет, что позволяет иностранным компаниям закрепить свое присутствие на ёмком китайском рынке. Инвестиции в эти предприятия зарубежные компании осуществляют как в денежной форме, так и в виде оборудования, ноу-хау, обучения китайского персонала, совместных исследований. Кроме решения прямой задачи модернизации китайской технологической базы, сотрудничество по линии совместных предприятий может облегчить продвижение недорогого китайского оборудования на АЭС, строящиеся за рубежом.

### МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

До 2004 года в качестве приоритетного направления развития мирного атома был выбран проект модификации старейшего национально-го реактора CNP-300 и создания на его основе первого китайского реактора-тысячника CNP-1000. В 2004 году руководство КНР изменило стратегию, заявив о необходимости создания специального инструмента для исследования и отбора перспективных зарубежных технологий. Этим инструментом стала Государственная корпорация ядерно-энергетических технологий — State Nuclear Power Technology Corporation Ltd., сокращённо SNPTC, учреждённая в 2007 году.

Лидирующими поставщиками атомных технологий являются компании, которые либо находятся в собственности японских машиностроительных корпораций, либо вступают с ними в альянс. Это сотрудничающая с “Mitsubishi Heavy Industries” французская группа “Areva” и американо-японские консорциумы “Westinghouse–Toshiba” и “General Electric–Hitachi”.

“Areva” настаивает на таком варианте сотрудничества, при котором права на воспроизведение французских технологий китайской стороне не предоставляются. Но это препятствие нельзя считать непреодолимым, о чём говорят два следующих примера. В 2009 году в г. Шэньчжэнь (провинция Гуандун) при участии “Areva” было учреждено совместное конструкторское предприятие “Wecan” по производству оборудования для франко-китайских проектов. Вполне вероятно, что выпускаемая продукция будет экспортироваться за рубеж. В то же время компанией “Areva” был заключен контракт с Китайской национальной ядерной корпорацией — Chinese National Nuclear



Corporation (CNNC) о создании совместного предприятия по выпуску циркониевых трубок, необходимых для производства топлива для легководных реакторов. Расположенная в Шанхае компания начнет функционировать в 2012 году, долевое участие стороны разделили поровну<sup>1</sup>.

“Westinghouse”, выиграв в 2006 году тендер на строительство в Китае четырех энергоблоков и обойдя, таким образом, и компанию “Areva”, и «Атомстройэкспорт» — дочернее предприятие российской госкорпорации «Росатом», в рамках соглашения с SNPTC осуществляет передачу технологий американского реактора третьего поколения AP1000, который впервые в мире строится именно в Китае. Как предполагает SNPTC, эти технологии станут основой дальнейшей ядерно-энергетической стратегии КНР<sup>2</sup>.

Именно согласие “Westinghouse” на передачу китайской стороне технологий в значительном объеме и с правом их самостоятельного использования при проектировании за рубежом послужило главным фактором, повлиявшим на выбор проектировщика. Как отмечают представители обеих сторон, это наиболее дорогостоящая и полная передача технологий в истории китайского ядерно-энергетического сектора. В контракт, помимо передачи технической документации и компьютерных программ, входят доставка в Китай необходимого оборудования для локализации AP1000, техническая кооперация исследовательских институтов двух стран и специализированное обучение китайского персонала<sup>3</sup>. Важной особенностью американского реактора AP1000, делающей его флагманом дизайнов третьего поколения, является широкое использование «пассивных» систем защиты для аварийного охлаждения активной зоны. Это означает, что выполнение требуемых функций безопасности зависит только от действия естественных сил природы, таких как сила

---

<sup>1</sup> China: Areva Signs Major Agreements With CGNPC and CNNC // Areva. Available at: <http://www.areva.com/EN/news-8601/china-areva-signs-major-agreements-with-cgnpc-and-cnnc.html>, last visited on 06.11.2011.

<sup>2</sup> См. официальный сайт SNPTC, раздел «Construction of world’s AP1000 NPP». Available at: [http://www.snptc.com.cn/templates/T\\_en\\_channelContent/index.aspx?nodeid=276](http://www.snptc.com.cn/templates/T_en_channelContent/index.aspx?nodeid=276), last visited on 06.11.2011.

<sup>3</sup> Nuclear Power in China: How the Red Dragon will lead the world // Power Engineering International. Available at: <http://www.powerengineeringint.com/articles/print/volume-18/issue-9/features/nuclear-power-in-china-how-the-red-dragon-will-lead-the-world.html>, last visited on: 06.11.2012.

тяжести, естественная циркуляция, испарение и конденсация<sup>1</sup>. Подобные технические решения исключают зависимость аварийных систем от внешнего энергоснабжения, подачи электричества и электронных щитов аварийного управления, применявшихся на блоках АЭС «Фукусима». Не говоря уже о том, что повышается безопасность установки, отказ от активных компонентов защиты позволяет значительно уменьшить количество используемого оборудования и упростить его и сократить сроки строительства каждого энергоблока с традиционных 60 до 36 месяцев<sup>2</sup>.

В будущем китайские специалисты планируют самостоятельно спроектировать реакторы CAP1400 и CAP1700 — модифицированные версии импортированных американских технологий с увеличенной мощностью и таким образом сделать ядерную технологию новейшего поколения «национальной». Здесь прослеживается стремление повторить путь развития южнокорейской ядерно-энергетической программы. Ведь именно сотрудничество с “Westinghouse” помогло Южной Корее создать стандартизированный суперсовременный национальный реактор третьего поколения APR-1400, с которым эта страна, выиграв в 2010 году тендер на строительство АЭС в ОАЭ, впервые вышла за рубеж. Теперь опыт восточноазиатского соседа рассчитывает повторить бурно развивающий свою ядерную энергетику Китай<sup>3</sup>. Китайский CAP1400, вероятно, будет являться аналогом южнокорейского APR-1400. Пока же вице-президент представительства “Westinghouse Ltd.” в КНР, высоко оценив китайскую систему безопасности и диспетчерское управление при проведении строительных работ на АЭС «Саньмэнь» в провинции Чжэцзян, предположил, что Китаю удастся повторить полученный опыт и самостоятельно создать большее количество реакторов нового поколения<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Реактор AP1000 // Мирный атом. Доступно на: <http://mirnyiatom.ru/ip1000.htm>, последнее посещение 05.11.2011.

<sup>2</sup> См. официальный сайт проекта Westinghouse AP1000 (<http://www.ap1000.westinghousenuclear.com/>), разделы “Improved and More Efficient Operation” и “Unequaled Safety”.

<sup>3</sup> Hanguo hedian jishu fazhan sudu ling shijie jingya (Поражающие темпы развития ядерной энергетики Южной Кореи, 2011) // Power In-En. Available at: <http://power.in-en.com/html/power-1130113018547806.html>, last visited on 07.11.2011.

<sup>4</sup> China Starts Building 3<sup>rd</sup>-generation reactors using Westinghouse technologies. 2009. Available at: [http://news.xinhuanet.com/english/2009-04/19/content\\_11217433.htm](http://news.xinhuanet.com/english/2009-04/19/content_11217433.htm), last visted on 07.11.2011.

Закладка бетона для первого энергоблока с суперсовременным китайским реактором нового поколения CAP1400 намечена на апрель 2013 года, начало коммерческой эксплуатации установки — на декабрь 2017. Стоит, однако, отметить, что Китаю может понадобиться гораздо больше времени для реализации этого и других проектов, поскольку молодой ядерно-энергетической отрасли КНР предстоит найти эффективное решение многих сложных задач. А оценивая перспективы китайских машиностроительных компаний как субподрядчиков при строительстве АЭС за рубежом, необходимо учитывать не только технологические возможности Китая, но и степень привлекательности производимого в нём оборудования в глазах зарубежных заказчиков: препятствием здесь может стать распространённое в западных странах восприятие китайской продукции как некачественной.

### **ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЙСКИХ АЭС**

Безопасность ядерно-энергетического комплекса — важная составляющая национальной безопасности. В КНР за все вопросы безопасности в сфере ядерной энергетики, от оценки рисков новых проектов и выдачи лицензий на утверждённые до отслеживания работы уже построенных станций, отвечает специальное ведомство — National Nuclear Security Administration или NNSA. Однако объективность оценок им проектов и эффективность контроля над АЭС вызывают сомнения, представляющиеся обоснованными хотя бы потому, что фактически NNSA зависит в своей деятельности от другой государственной организации, заинтересованной в максимально широком развитии ядерной энергетики, — CAEA (China Atomic Energy Authority/ Государственное управление по атомной энергетике КНР)<sup>1</sup>.

Но этим обстоятельством опасения относительно безопасности китайской ядерной программы не исчерпываются. Некоторые члены китайской Академии наук, в том числе известные ученые, занимавшиеся разработкой китайского ядерного оружия, и ряд других специалистов полагают, что масштабные планы КНР по расширению собственного

---

<sup>1</sup> Xu Yi-chong. Nuclear Power in China: How it really works // Global Asia. East Asia Foundation. Available at: [http://www.globalasia.org/V7N1\\_Spring\\_2012/Xu\\_Yi-chong.html](http://www.globalasia.org/V7N1_Spring_2012/Xu_Yi-chong.html), last visited on 04.04.2012.

парка АЭС предъявляют такие требования к уровню модернизацию технологической базы, к стратегическому планированию и к подготовке высококвалифицированных специалистов для нужд отрасли, которые вряд ли могут быть удовлетворены в полном объёме. Отмечая слабые стороны отрасли, способные сыграть негативную роль в одновременном обеспечении её масштабного и безопасного развития, они высказываются в пользу разработки менее амбициозной модели ядерной энергетики<sup>1</sup>.

Посмотрим, что в Китае делается для преодоления вызывающих опасения проблем ядерной энергетики, имея при этом в виду, что обеспечить высокий уровень безопасности в ней может лишь комплексное решение всех их.

**Модернизация технологической базы.** Нельзя не признать значительных достижений атомной промышленности КНР в последнее десятилетие в развитии технологической базы энергетического машиностроения и в производстве высокотехнологичного тяжелого оборудования для АЭС. Если верить публикуемым в Китае официальным данным о национальных машиностроительных мощностях, страна создала крупнейшую в мире производственную базу для атомного машиностроения<sup>2</sup>. Китай успешно освоил технологии второго поколения, наряду с Францией, США, Канадой, Россией, Японией и Южной Кореей входит в семерку стран, обладающих знаниями, необходимыми для управления проектами по строительству АЭС, и практическим опытом их возведения за рубежом. В 2010 году лицензии на поставку составных частей отечественного производства ядерных реакторов Поколения III получили десять китайских компаний-изготовителей<sup>3</sup>. Если для первого блока АЭС «Гайшань» основное оборудование будет импортировано из Японии и Франции, то

---

<sup>1</sup> См., например, статью китайского физика Хэ Цзосю, (р. в 1927 г.), члена Академии наук КНР, в свое время работавшего в Международном институте ядерных исследований в Дубне и участвовавшего в создании китайского ядерного оружия: *He Zuoxiu. China must alter nuclear policy // 中外对话 (China Dialogue)*. Available at: <http://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/4576>, last visited on 06.11.2011.

<sup>2</sup> См. официальный сайт CFHI (China First Heavy Industries), раздел “Products and Services”: <http://www.cfhi.com/en/channels/285.aspx>

<sup>3</sup> Heavy Manufacturing of Power Plants // World Nuclear Association. Available at: [http://www.world-nuclear.org/info/inf122\\_heavy\\_manufacturing\\_of\\_power\\_plants.html](http://www.world-nuclear.org/info/inf122_heavy_manufacturing_of_power_plants.html), last visited on 06.11.2012.

на второй блок будут поставлены компоненты, самостоятельно произведённые в КНР: корпус реактора будет изготовлен компанией “Dongfang Electric”, парогенераторы — ею же и “Shanghai Electric”.<sup>1</sup> Хотя Китай не обладает ещё всеми звеньями производственной цепочки, китайские разработчики стремятся принять активное участие в производстве всех типов оборудования для АЭС нового поколения, для чего, собственно, и стараются вступать в совместные предприятия с ведущими западными поставщиками технологий, такими как “Areva” и “Westinghouse”. И нельзя исключить, что в случае успешного опыта сотрудничества с французами и американцами в рамках существующих совместных предприятий Китаю удастся постепенно повысить качество и престиж отечественного оборудования. В равной степени, однако, возможно, что по мере роста конкурентоспособности китайского ядерно-энергетического машиностроения, но до того, как оно достигнет стадии относительной самодостаточности, западные и японские партнёры начнут сворачивать проекты, предполагающие передачу технологий.

**Стратегическое планирование.** Одна из важнейших проблем в этой области — это **отсутствие эффективно функционирующей структуры управления** ядерно-энергетической отраслью. КНР столкнулась с неотложной задачей по совершенствованию структуры управления атомной отраслью и механизмов принятия решений в ней. Сегодня решения о выдаче лицензий на строительство новых энергоблоков, о выборе технологий для новых АЭС, о проведении инспекции строительства и эксплуатации и о том, как надо реагировать на эти проверки, выносятся добрым десятком институтов и правительственных организаций. При этом зона ответственности каждого учреждения очерчена весьма слабо, а их функции зачастую дублируются<sup>2</sup>. Такая структура управления негативно влияет и на эффективность реализации программы (в частности, увеличиваются сроки выдачи лицензий и согласо-

---

<sup>1</sup> China Rapid Growth in Nuclear Energy // Energy Business Online / официальный сайт компании Areva. Available at: [http://www.areva.com/globaloffer/libllocal/docs/EnergyBusiness/Energy%20Business%2010/print\\_3.html](http://www.areva.com/globaloffer/libllocal/docs/EnergyBusiness/Energy%20Business%2010/print_3.html), last visited on 04.04.2012.

<sup>2</sup> Nuclear Power in China. Government Structure and Ownership // World Nuclear Association. Available at: Government Structure and Ownership, last visited on: 06.11.2011.

ния проектов между многочисленными регулирующими органами), и на объективность и независимость оценок безопасности. Между тем, события на «Фукусиме» в марте 2011 года отчетливо продемонстрировали, насколько сильно и возможность предотвращения аварий на АЭС, и ликвидация их последствий зависят от качества управления. Как известно, на японской АЭС оно оказалось не на высоте<sup>1</sup>.

После техногенной катастрофы в Японии Китай, подобно другим государствам, провёл всесторонние проверки техники безопасности на уже работающих АЭС и на площадках, подготовленных для строительства энергоблоков. Утверждение новых проектов вообще было отложено на год. Проверки были завершены к августу 2011 года, наблюдатели заявили об отсутствии каких-либо нарушений техники безопасности на китайских ядерно-энергетических объектах<sup>2</sup>. Однако подготовленные NNSA отчеты пока не были обнародованы. В любом случае в нынешней ситуации, когда, как показал опыт «Фукусимы», не срабатывают сами механизмы прогнозирования аварийных ситуаций, проведение дополнительных инспекций на ядерно-энергетических объектах выглядит не более чем формальными мерами.

В действительности для каждого конкретного энергоблока необходимо детально рассматривать совокупность всех факторов, определяющих его безопасность, учитывать возможный синергетический эффект сложения нескольких негативных факторов. Например, на «Фукусиме» к эскалации событий привело одновременное воздействие двух природных катастроф вкпе с неправильным выбором площадки под реактор данного типа и беспечностью национальных регулирующих органов, проигнорировавших вышедший в феврале 2011 года отчёт о несоответствии объекта нормам безопасности, а также с отказом аварийного оборудования и неграмотным аварийным планированием<sup>3</sup>. Но организаци-

---

<sup>1</sup> Special Report on the Nuclear Accident at the Fukushima Daiichi Nuclear Power Station // INPO (Institute of Nuclear Power Operations), 2011. Available at: <http://es.scribd.com/doc/87660897/25/Earthquake-Design-Basis>, last visited on 31.05.2012.

<sup>2</sup> China develops nuclear energy under safe precondition: deputy envoy to IAEA // China's News Agency Xinhua. Available at: <http://english.peopledaily.com.cn/90883/7750340.html>, last visited on: 04.04.2012.

<sup>3</sup> Special Report on the Nuclear Accident at the Fukushima Daiichi Nuclear Power Station...

онные пробелы обнаруживаются не только в Японии. Отсюда следует важный вывод: глобальные стандарты ядерной безопасности должны быть детально пересмотрены на международном уровне, а регулирующие органы должны являть собой хорошо координируемый эффективный механизм. И потребность в этих переменах ощущается особенно остро, когда мы имеем дело со страной со столь масштабными темпами развития ядерной энергетики, как Китай.

С проблемой управления тесно связан следующий пробел стратегического планирования — **неопределенность выбора базовой технологии** для масштабного строительства в стране и за рубежом. В самом деле, внутри сложной системы отраслевого руководства наблюдается глубокое расхождение по вопросу о том, какая технология должна лечь в основу китайского «атомного скачка». С одной стороны, проекты новых станций в основном полагаются на два типа реакторов: на французско-китайский реактор CPR-1000 и на американский суперсовременный реактор AP1000. С другой, выбор ключевой технологии для продвижения на международный рынок АЭС затруднён лоббированием интересов крупнейших китайских компаний-операторов АЭС. Молодая, но бурно развивающаяся Гуандунская Корпорация Атомной Энергетики КНР (China Guandong Nuclear Power или CGNPC) имеющая длительные связи сотрудничества с французскими разработчиками, проталкивает проект китайского реактора второго поколения CPR-1000 — адаптированного аналога французских технологий 1980-х годов. По её заявлениям, CPR-1000 выгодно отличается от западных «реакторов-тысячников» быстрыми сроками строительства и низкой себестоимостью, что, впрочем, ставится под сомнения независимыми экспертами. Но, невзирая на усовершенствованные китайскими специалистами систему безопасности и срок службы реактора, приближающие его к третьему поколению, проект остаётся морально устаревшим. В это же время CNNC выступает за необходимость модернизации другой старейшей технологии, реактора CNP-300<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> *Xu Yi-chong*. Nuclear Power in China: How it really works // Global Asia. East Asia Foundation. Available at: [http://www.globalasia.org/V7N1\\_Spring\\_2012/Xu\\_Yi-chong.html](http://www.globalasia.org/V7N1_Spring_2012/Xu_Yi-chong.html), last visited on 04.04.2012.

**Ядерное образование.** Правительство КНР активно стимулирует программы подготовки кадрового резерва. Например, финансируется создание так называемых «образовательных мостов» между китайскими и зарубежными исследовательскими институтами, конструкторскими предприятиями. Согласие на подобное взаимодействие даёт преимущество зарубежным компаниям-проектировщикам, заинтересованным в продвижении своей продукции на бурно развивающийся китайский рынок АЭС. Так, CNNC, контролирующая работу 8 из 14 китайских АЭС, заключила договор с крупнейшей американской компанией-оператором АЭС “Exelon Generation”. В результате американские специалисты были направлены на китайскую АЭС «Циньшань» для совершенствования навыков более чем 200 китайских работников отрасли. Кроме того, китайские студенты-физики участвуют в международных образовательных программах в сфере проектирования ядерных установок, например, в программе “Génie Atomique”, реализуемой во Франции, проходят стажировку в университетах Франции, Украины, Республики Корея<sup>1</sup>. Но, по мнению китайских экспертов, при многократном увеличении мощностей страна, несмотря на эти меры, вряд ли сможет подготовить нужное количество квалифицированных работников<sup>2</sup>.

**Гарантированные поставки топлива.** КНР обладает небогатыми запасами урановой руды, к тому же добываемая в Китае руда считается бедной, производство из неё уранового энергоносителя — низкопродуктивным. Домашняя добыча уранового сырья не может обеспечить потребности китайской атомной индустрии уже сегодня. Так, в 2008 году производство природного урана на китайских месторождениях составило чуть более 800 т, в то время как совокупное потребление урана в КНР сегодня составляет порядка 2,5 тыс. т в год<sup>3</sup>. В связи с планируе-

---

<sup>1</sup> Status and Trends in Nuclear Education / IAEA Nuclear Energy Series No. NG-T-6.1, 2011 // Официальный сайт МАГАТЭ. Available at: [http://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/P1475\\_web.pdf](http://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/P1475_web.pdf), last visited on 02.11.2011.

<sup>2</sup> 中国核电技术培训依赖法国 (Chinese Nuclear Industry Gets Help from France) // The Epoch Times. Available at: <http://www.theepochtimes.com/n2/china-news/chinese-nuclear-industry-gets-help-from-france-153997.html>, last visited on 04.04.2012.

<sup>3</sup> China’s Nuclear Fuel Cycle // World Nuclear Association. Available at: [http://www.world-nuclear.org/info/inf63b\\_china\\_nuclearfuelcycle.html](http://www.world-nuclear.org/info/inf63b_china_nuclearfuelcycle.html), last visited on 02.11.2011.



мым расширением китайского парка АЭС, к 2020 году ожидается увеличение данного показателя до 7 тыс. т урана в год (из расчета на 40 ГВт мощностей). Традиционно дисбаланс между спросом и производством урана компенсировался прямыми закупками и формированием складских запасов урана. По сообщениям западных СМИ, в 2010 году Китай осуществил беспрецедентную закупку урана в размере 17 тыс. 136 т (в три раза больше, чем в предыдущем году)<sup>1</sup>. Вслед за газо- и нефтедобывающей отраслями, атомная отрасль Китая стремится стабилизировать поставки энергоносителя за счет проникновения китайских компаний в регионы с богатыми энергоресурсами. Достигается это двумя путями.

Во-первых, Китай заключает контракты на покупку акций в зарубежных корпорациях, имеющих свои урановые рудники по всему миру. Создана Китайская ядерная международная урановая корпорация “Sino Uranium”, ведущая геологоразведку и добычу урана в других странах. Достигается это через долевое участие в зарубежных добывающих компаниях, создание с ними совместных предприятий. Так, Китай приобрел акции австралийской компании “PepinNini Minerals Ltd” и с нею же учредил совместное предприятие с долей своего участия в 60%. Китайская компания “Sinosteel Mining Company Ltd” сотрудничает с канадской “Ditem Sign LOI” в разработке урана в провинции Квебек, участвует в добыче урана в Кыргызстане<sup>2</sup>. А строительство в Китае двух энергоблоков стоило группе “Areva” 35% акций её подразделения “Ura Min”, добывающего уран в Африке<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> China’s Uranium Quest Part I: Domestic Shortages Fuel Global Ambition // James Town Foundation. Available at: [http://www.jamestown.org/programs/chinabrief/single/?tx\\_ttnews%5Btt\\_news%5D=38318&cHash=1eb2a5fc02db5dff7990ea0ace00224c](http://www.jamestown.org/programs/chinabrief/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=38318&cHash=1eb2a5fc02db5dff7990ea0ace00224c), last visited on 06.11.2011.

<sup>2</sup> См.: Sinosteel and Ditem Sign LOI for Joint Exploration Activites in Canada // Ditem Explorations Inc. Available at: <http://www.marketwire.com/press-release/sinosteel-and-ditem-sign-loi-for-joint-exploration-activites-in-canada-tsx-venture-dit-843503.htm>, last visited on 31.05.2012.

<sup>3</sup> Areva mum on China Guangdong U ties; but other uranium projects proceed // Independent Nuclear News. Available at: <http://www.i-nuclear.com/2012/01/02/areva-mum-on-china-guangdong-u-ties-but-other-uranium-projects-proceed/>, last visited on 04.04.2012.

Во-вторых, Китай стремится заключать рамочные соглашения о сотрудничестве в сфере атомной энергетики со странами с неразвитой атомной промышленностью, но обладающими богатыми ресурсами урановой руды. Практических результатов КНР удалось достичь пока в Нигере, долгое время остававшемся монополией французских уранодобывающих предприятий. В 2005 году было учреждено совместное китайско-нигерское предприятие по разработке месторождения Азелик, в 2011 оно выдало первую партию урановой руды<sup>1</sup>. Китай планирует и дальше расширять доступ к месторождениям за рубежом, преимущественно в странах Африки и Центральной Азии, и готов для этого платить по ценам выше рыночных.

\* \* \*

Освоение технологий АЭС третьего поколения рассматривается в Китае как локомотив технологической модернизации. Руководство КНР стимулирует производство тяжелого оборудования для суперсовременных реакторов, в стране происходит масштабная переориентация машиностроительных предприятий на нужды ядерной энергетики. Для обеспечения растущего спроса на уран Китай всё активнее участвует в разработках урановой руды на зарубежных территориях, скупает акции в уранодобывающих компаниях Австралии и Канады, вступает с ними в совместные предприятия. Расширяется кооперация зарубежных и китайских специалистов в исследовательской и производственной областях, что способствует не только количественному, но и качественному росту китайского ядерно-энергетического комплекса. Для повышения конкурентоспособности китайского атомного машиностроения и квалификации китайских атомщиков, расширения ассортимента выпускаемого в стране оборудования создаются совместные с ведущими зарубежными поставщиками технологий конструкторские предприятия. Наконец, в рамках сотрудничества с иностранными компаниями Китай создает собственную конкурентоспособную технологию третьего поколения, которая позволит стране расширить географию экспорта АЭС. Реактор повышенной мощности CAP1400 должен стать первым

---

<sup>1</sup> First uranium from Niger mine // World Nuclear News. Available at: [http://www.world-nuclear-news.org/ENF-First\\_uranium\\_from\\_Niger\\_mine-0401117.html](http://www.world-nuclear-news.org/ENF-First_uranium_from_Niger_mine-0401117.html), last visited: 04.04.2011.

собственно китайским дизайном нового поколения, и его экспортная готовность может быть достигнута уже в 2018 году.

Однако на фоне этих успехов меры по обеспечению безопасной эксплуатации собственного парка АЭС представляются недостаточно эффективными. Как отмечалось, на долю Китая приходится 40% всех строящихся в мире ядерных энергоблоков — и в то же время нигде в мире не наблюдаются столь бурные темпы строительства АЭС прошлого поколения, как в том же Китае: 16 из 27 возводимых сейчас энергоблоков строятся по устаревшим китайским технологиям поколения II.

До сих пор в ходе работы китайских АЭС не было зарегистрировано серьезных инцидентов, превышений норм выбросов. Но это достоинство — во многом результат сравнительно слабого и медленного развития отрасли до последнего времени. Небольшое число ядерных энергоблоков — всего 14 на конец 2011 года — позволяло «штучно» готовить специалистов для их обслуживания. Быстрое расширение парка АЭС, во-первых, повышает требования к самим методам формирования кадрового резерва. Во-вторых, Китаю предстоит решить проблему старения ведущих ядерных специалистов, создать эффективные механизмы для передачи уже накопленных знаний и опыта новому поколению атомщиков. В-третьих, дополнительное время занимает формирование «культуры безопасности»<sup>1</sup>, что требует от молодых специалистов навыков больших, нежели простой контроль штатных ситуаций, и знаний более глубоких, чем элементарное понимание физических процессов.

Китай демонстрирует стремление достичь мировых стандартов в сфере ядерной безопасности. По его инициативе иностранные наблюдатели ежегодно проверяют отдельные ядерно-энергетические объекты, причём эти проверки включают инструктаж персонала и разработку чрезвычайных планов на случай аварии<sup>2</sup>. Это, несомненно, способствует повышению безопасности на проверяемых объектах. Однако для поднятия уровня безопасности всего ядерно-энергетического комплек-

---

<sup>1</sup> Понятие, возникшее после аварии на АЭС «Чернобыль» и вошедшее в научно-техническую терминологию.

<sup>2</sup> *Chen Hua*. Building a strong safety culture // Inside WANO. The Magazine of the World Association of Nuclear Operators, 2012. Vol. 20, No. 1. P. 8–10.

са подобные проверки должны стать обязательными и не быть выборочными.

Будущее китайской ядерной энергетики напрямую зависят от того, сумеет ли эта страна — нынешний мировой лидер по числу возводимых АЭС — обеспечить безопасность их функционирования. Ключевыми же составляющими обеспечения этой безопасности мне представляются новые международные стандарты использования мирного атома, а также способность китайских стратегов объективно анализировать принятый ими курс ЯЭП, своевременно и в нужном объёме его корректировать.

### Дискуссия по докладу Т. Тутновой

**Абашин.** Ядерная тема показывает противоречивость понятия безопасности, её двоякую трактовку. С одной стороны, это энергетическая безопасность, но с точностью до наоборот можно сказать, что, с точки зрения экологии, нераспространения, терактов ядерная энергетика представляет угрозу безопасности. Такая дискуссия ведётся в мире, ведётся ли она в Китае?

**Тутнова.** Официально — нет. Китай провозгласил развитие ядерной энергетики национальным приоритетом, сделав её незаменимым выбором в целях достижения к 2020 году пятнадцатипроцентной выработки энергии из неископаемого топлива. Очевидно, что приостановка выдачи лицензий в 2011 году и проверка на безопасность запланированных к строительству площадок приведут к некотором снижении темпов строительства новых АЭС в Китае (40 ГВт вместо ранее заявленных 70 ГВт), однако общая тенденция остаётся неизменной. В лучшем случае указанные меры наложат ограничения на строительство АЭС в некоторых внутренних провинциях страны, но в долгосрочной перспективе Китай не отказывается от амбициозных планов по увеличению своих ядерно-энергетических мощностей. В настоящий момент в стране продолжается сооружение более двадцати новых энергоблоков, что не позднее 2020 года даст 40 ГВт мощностей в дополнение к существующим сегодня 12 ГВт.

**Абашин.** Многие говорят, что все трудности бурного развития Китая ещё впереди: политический коллапс, региональный сепаратизм и т.д. Есть ли в мире дискуссия о том, что неудачный сценарий развития ядерно-энергетического комплекса Китая может стать детонатором сложных политических процессов?

**Тутнова.** Действительно, в западных СМИ встречаются дискуссии о том, что переживая ряд экономических, социальных, экологических и многих других проблем, Китай может столкнуться со всплесками нестабильности, в том числе вследствие такого внешнего фактора, как утечка радиации с АЭС «Фуку-

сима». После событий марта 2011 года власти КНР не прекращают риторику о новом поколении строящихся в стране реакторов, спроектированных ведущими ядерно-энергетическими компаниями мира — французской группой “Areva” и американско-японским консорциумом “Westinghouse”. Эти технологии действительно обладают рядом особенностей, позволяющих качественно повысить уровень аварийных систем безопасности и устранить зависимость аварийного охлаждения активной зоны от внешней подачи электричества. Это делает невозможным повторение сценария «Фукусимы», когда в условиях прекращения подачи электричества из-за обрушившегося цунами схема расхолаживания не сработала. Однако и в случае с АЭС «Фукусима» большую роль сыграл человеческий фактор: неверные действия ядерно-энергетической компании ТЕРСО по устранению на АЭС последствий обрушившихся стихийных бедствий, упущения разработчиков аварийной документации. Хотя до сих пор на китайских АЭС не произошло каких-либо существенных инцидентов, тем не менее для ядерно-энергетической отрасли Китая характерны географические риски, проблемы с формированием необходимого кадрового состава для планируемого масштабного парка АЭС и другие угрозы безопасному использованию ядерной энергии.

**Дмитриев.** Китай пребывает в периоде крайнего энтузиазма в плане технологического прогресса, который остальной мир в основном уже прошёл. Что и говорить, если ГЭС «Три ущелья» стоит в исключительно сейсмоопасной зоне, и в случае разрушения плотины в море сразу смываются десятки миллионов человек. Конечно, Китай предпринимает усилия для обеспечения надежности технологий, но безопасность для Китая стоит не на первом месте. Больше всего китайцев волнует мощность, и КНР намеревается строить ещё более мощную ГЭС.

**Батбаяр.** Говоря о «Фукусиме» и отказе Германии от использования ядерной энергетики, стоит отметить, что ей это позволяет ситуация — в Европу идет газ из России. Тем не менее никакие альтернативные источники энергии не могут выдавать такой мощности, как ядерная энергетика; несмотря на все достижения, наука на нынешнем этапе неспособна добиться эффективного использования альтернативных источников.

**Дмитриев.** И альтернативные источники энергии не такие безвредные, как представляется...

**Абашин.** Я так понимаю, что на официальном уровне дискуссии нет, а китайский интернет управляем, но есть ли какие-либо рецидивы сомнений, например, на интернет-форумах?

**Тутнова.** В интернете не часто, но всё же встречаются примеры отрицательного отношения населения к ядерной энергетике. Кроме того, в 2011 году в Даляне к 25-летию аварии на Чернобыльской АЭС прошли демонстрации студентов против мирного использования атома. Хотя в целом данная тема

в Китае не характеризуется ярко выраженной оппозиционной активностью. Не стоит сомневаться, что государство предпринимает все необходимые меры для подавления малейших оппозиционных настроений в зародыше.

**Дмитриев.** В чём причина запрета сотрудничества Китая с Пакистаном?

**Тутнова.** Пакистан не является членом Договора о нераспространении ядерного оружия, однако таковым обладает, что накладывает ограничения на сотрудничество с ним в ядерной сфере ведущих ядерных держав, стран-членов Группы ядерных поставщиков (ГЯП). До того как Китай в 2004 году присоединился к ГЯП, он успел построить в Пакистане маломощный реактор (на АЭС «Чашма») собственного дизайна и производства и заключить договор на строительство в Пакистане еще одного энергоблока с аналогичным реактором. В ноябре 2010 года, уже после вступления Китая в ГЯП, стало известно о продолжении сотрудничества двух стран по расширению АЭС «Чашма» предположительно до 5 энергоблоков. В мае 2011 года китайцами был заложен фундамент для третьего энергоблока пакистанской АЭС.

**Буданова.** Если Китай нацелен на внешний мир, будет ли здесь играть роль кредит доверия?

**Тутнова.** Справедливо отмечено, что, оценивая реалистичность привлечения китайских машиностроительных компаний в качестве субподрядчиков, необходимо учитывать не только технологические возможности страны, но и степень привлекательности производимого в Китае оборудования в глазах западных заказчиков, и определённым препятствием здесь может стать восприятие западными странами китайской продукции как некачественной. В ближайшее время масштабный выход Китая со своим оборудованием на западные рынки маловероятен, а китайский ядерно-энергетический комплекс лишь недавно получил толчок к активному развитию. Однако сотрудничество с западными поставщиками технологий в рамках конструкторских предприятий, которые в настоящий момент активно создаются на территории Поднебесной, будет постепенно способствовать качественному и количественному улучшению производительности китайских машиностроительных мощностей, повышению квалификации китайских кадров, положительно повлияет на приток иностранных инвестиций в китайские проекты, увеличит их престиж. Поэтому в долгосрочной перспективе ситуация может измениться.

**Буданова.** Чего здесь больше — политики или экономики? Мне кажется, что определяющим является политический фактор.

**Тутнова.** Политический фактор действительно преобладает. Здесь наличие и стремление Китая к формированию статуса высокотехнологичной державы, способной на равных конкурировать с мировыми державами в научно-технологической сфере. Особенно ревниво Китай относится к последним успехам Республики Корея, которая вышла на ядерно-энергетический рынок Ближнего Востока с современными технологиями собственного производства. Также

прослеживается стремление к обладанию «чувствительными» технологиями, поскольку экономическая выгода от конверсии и обогащения урана на собственных мощностях, с точки зрения экспертов, не столь очевидна. Возможность продажи подобных технологий или полученной на них продукции в страны, с которыми другие государства отказываются сотрудничать, — с целью коммерческой выгоды или из политических соображений — представляется более убедительной.

# **ПРАВО НА СЕЦЕССИЮ КАК НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГРУППОВОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КРИТИКА ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ**

*Фёдор Попов*

Рассуждения о господствующих в определённый исторический период или внутри определённой культурной группы представлениях о безопасности неизбежно сводятся к рассмотрению ценностей, лежащих в их основе. Какие именно условия существования человека, совокупности людей или государства мыслятся здесь и сейчас настолько важными, чтобы их гипотетическая утрата воспринималась как непосредственная угроза безопасности? Об универсальных и вневременных ценностях надо говорить с большой осторожностью. Ведь даже элементарное физическое существование индивидуума далеко не всегда обладает безусловной значимостью — вспомним разнообразные религиозные традиции, в рамках которых ощущение личной безопасности определяется не столько текущей (земной), сколько ожидаемой (загробной) жизнью. В то же время, любой, кажущийся со стороны незначительным, фактор может восприниматься как ключевой элемент безопасности. В антиутопии «Мы» Евгения Замятина описан характерный эксперимент: троих жителей вымышленного тоталитарного государства освободили на месяц от работы, предоставив полную свободу дей-



ствий и лишив тем самым возможности участвовать в строго регламентированной повседневной жизни — и это, в конечном итоге, привело их к мучительной смерти. Персонажи Замятина обладали правом на существование в качестве элементов жёсткой социальной системы — правом, значительно более ценным для них, чем свобода выбора и даже чем право на жизнь, — и потеря данного права нанесла сокрушительный удар по их безопасности.

В категориях права легко выразить представления о личной, групповой и национальной безопасности — о тех её формах, в которых субъект безопасности может быть рассмотрен как правообладатель; соответственно, любую концепцию права можно точно так же перевести на язык безопасности, подобрав подходящий субъектный тип и область проявления. Право на жизнь соответствует индивидуальной физической безопасности, избирательное право — индивидуальной электоральной безопасности и т.п. Часто речь идёт о сугубо лексических различиях: словосочетания «свобода слова» и «государственная безопасность» более привычны слуху, чем гипотетические конструкции «безопасность волеизъявления» и «право государства на защиту от внешних и внутренних угроз». Сути дела это не меняет: так, говоря о свободе вероисповедания и безопасности вероисповедания, мы имеем в виду одну и ту же ценность — возможность беспрепятственно исповедовать любую религию.

В большинстве статей, представленных в настоящем сборнике, рассматриваются базисные с точки зрения безопасности ценности, свойственные тем или иным культурным или территориальным общностям прошлого и настоящего. В данной работе предпринята попытка сместить акцент с группы на эпоху и обратиться к системе ценностей, присущей современному обществу в целом. Более конкретно — к такому важному и новому её элементу, как возможность индивидуума свободно определять свою государственную принадлежность, то есть **самоопределяться**.

## I

Концепт самоопределения может трактоваться двояко: как выбор индивидуумом только личной государственной принадлежности, то есть выбор гражданства, и как выбор также и государственной принадлежности его «приданого» — территории, воспринимаемой де-факто

принадлежащей индивидууму или «его» группе<sup>1</sup>. Таким образом, право на самоопределение может интерпретироваться и как право на эмиграцию / иммиграцию, и как право на сецессию. Как и другие условно-политические права, например, право на революцию, обе эти формы прочно вошли в область моральных представлений, но не закрепились в качестве принципов политических отношений. Существование в большинстве государств мира иммиграционных ограничений разной степени жёсткости не мешает мировой общественности осуждать политику «железного занавеса». Аналогичным образом при фактическом господстве в современной политической практике принципа неприкосновенности государственных границ в общественном мнении с некоторых пор усиливается тенденция к тому, чтобы считать борцов за независимость, национальное единство и историческую справедливость обладателями естественного и неотчуждаемого **права на сецессию**.

На деле отнесение сецессии к формам самоопределения<sup>2</sup> при всей его кажущейся очевидности некорректно из-за отсутствия ясных механизмов соподчинения индивидуума и территории. Ни принцип проживания, ни принцип исторических земель, ни апелляции к прошлым государственным и нынешним административным границам не могут легитимировать претензии какой бы то ни было совокупности индивидуумов на распоряжение какой бы то ни было частью территории государства<sup>3</sup>. Как отметил американский этноконфликтолог Дональд Горо-

---

<sup>1</sup> Стоит отметить, что применительно к связке «человек — территория» под самоопределением часто понимают выбор не только государственной принадлежности, но и вообще политического статуса (ординарная часть государства, особый автономный статус, независимость, принадлежность другому государству).

<sup>2</sup> О праве на самоопределение писали, в частности, такие видные теоретики права на сецессию, как австралийский философ Гарри Беран и один из пионеров данного направления — австрийский экономист Людвиг фон Мизес; см. *Beran H. A Democratic Theory of Political Self-Determination for a New World Order // Theories of secession / Ed. by P.B. Lehning. London and New York: Routledge, 1998. P.33–60; Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М.: Начала-Пресс, 1994.*

<sup>3</sup> Логически оправданным выглядит только принцип частной собственности, но в условиях современной политической действительности его применение затруднено.

виц, «если самоопределение относится к людям, то сецессия относится к территории»<sup>1</sup>, и невозможно выстроить прочный концептуальный «мост» между этими категориями.

Тем не менее логические нестыковки не мешают устоявшемуся восприятию сецессии в качестве морально легитимного инструмента обеспечения безопасности через самоопределение. В подтверждение этого тезиса предлагаются разнообразные теории права на сецессию, авторы которых находят основания такого права в концептах национализма, либерализма или исторической справедливости. Каждая из теорий обладает определённой привлекательностью; проблема только в том, что возможность строгой и последовательной реализации на практике любой из них вызывает сомнения даже тогда, когда мы не берём в расчёт несводимость свободы распоряжения территорией к свободе самоопределения.

Попробуем провести обзор такого рода теорий, продемонстрировав как их сильные, так и слабые стороны.

## II

Разработку концепции права на сецессию можно представить в общем случае как поиск ответа на вопрос: «При каких условиях сецессия может и должна быть оправдана?». Возможные ответы группируются в три класса: «ни при каких условиях», «при любых условиях» и «при определённых условиях»<sup>2</sup>. Первый вариант отбрасывается, оставшиеся составляют два типа концепций — неограниченного права и ограниченного права на отделение.

Концепции первого типа отличаются «разрешительным» радикализмом и внешней простотой. В основном они развиваются в русле либертарианства — политической теории, утверждающей необходимость максимизации индивидуальных свобод и минимизации влияния государства на жизнь человека. Среди авторов, рассматривающих вопросы

---

<sup>1</sup> Horowitz D. Self-Determination: Politics, Philosophy, and Law // National Self-Determination and Secession / Ed. by M. Moore. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. P. 192.

<sup>2</sup> Подобное разделение можно встретить у многих авторов, к примеру, у Майкла Фримана; см. Freeman M. The Priority of Function over Structure: a New Approach to Secession // Theories of secession... P. 14.

права на отделение с либертарианских позиций, выделяются упоминавшийся Людвиг фон Мизес, американские экономисты Мюррей Ротбард, Уолтер Блок, Роберт Макги, их немецкий коллега Ханс-Херманн Хоппе, американский историк Клайд Уилсон<sup>1</sup>. Их работы характеризуются столь высокой степенью совпадений во взглядах, что можно говорить о единой теории, представленной разными авторами в различных аспектах.

Концепции неограниченного права исходят из либертарианского тезиса о свободе выбора государственной принадлежности любыми индивидуумами, объединяющимися в группы на основе общего согласия по данному вопросу. Их желание воспользоваться такой свободой признаётся необходимым и достаточным условием правомерности отделения. Безопасность здесь — это личная безопасность выбора. При всей внешней привлекательности данный подход едва ли осуществим на практике из-за невозможности сделать общепризнанным некий минимальный размер группы-правообладателя. В качестве выхода предлагается определить исходную сетку территориальных единиц — объектов возможной сепарации. Но таким образом изменяется сама суть права на сепарацию: правообладателями становятся уже не группы свободно объединившихся единомышленников, а группы населения, проживающие на какой-то чётко выделенной территории; субъект права оказывается производным от объекта, индивидуальная безопасность трансформируется в групповую. Такое право может реализоваться посредством референдума, и соответствующую теорию называют **плебисцитарной**. Легко заметить, что она ставит право группы над правом индивидуума и потому не согласуется с основополагающими либертарианскими принципами. Ведь если даже в группе из 100 человек за сепарацию высказались 70 или 80, как быть со свободой (и личной безопасностью!) оставшихся 30 или 20, которым придётся подчиниться диктату боль-

---

<sup>1</sup> См. *Mises L.* Указ. соч.; *Rothbard M.N.* Nations by Consent: Decomposing the Nation-State // *Secession, State & Liberty* / Ed. by D. Gordon. New Brunswick (NJ): Transaction Publishers, 1998. P. 79–88; *Wilson C.N.* Secession: The Last, Best Bulwark of Our Liberties // *ibid.* P. 89–98; *Block W.* Secession // *Dialogue*, 2007. No. 4. P. 1–14; *McGee R.W.* Secession Reconsidered // *Journal of Libertarian Studies*, Fall 1994. Vol. 11, No.1. P. 11–33; *Hoppe H.-H.* Nationalism and Secession // *Chronicles*, Nov. 1993. P. 23–25.

шинства? Другая проблема заключается в том, что при территориально-неравномерном расселении сторонников и противников отделения итоги референдума во многом зависят от точности проведения границ того региона, будущее которого выносится на голосование. И плебисцитарная теория не даёт ответа на вопрос, как проводить эти границы.

Хотя принцип свободы сецессии для каждого легко преобразуется в популистский лозунг, ни одно из современных развитых сецессионистских движений на него не опирается. Причина очевидна: представляя неограниченные возможности для морального оправдания сецессии любой территории, эта теория не содержит механизмов защиты от сецессий второго, третьего и т.д. порядка. Взяв этот принцип на вооружение, сецессионисты, стремящиеся обосновать правомерность своих территориальных притязаний, должны будут соглашаться с тем, что любая часть образуемого ими государства может с той же степенью легитимности выйти из него. А это для них категорически неприемлемо: абсолютное их большинство руководствуется принципом «нет сецессии после сецессии»<sup>1</sup>. Поэтому, несмотря на массу усилий, вложенных в разработку теории неограниченного права на отделение, её ценность как действительного инструмента легитимации сецессии близка к нулю.

### III

В основе концепций ограниченного права на отделение лежит иной подход к определению субъекта права: таковым здесь выступает не произвольная группа, заявляющая о претензиях на территорию, а лишь та, природа которой, условия существования или специфика выдвигаемых требований отвечают неким установленным критериям. Разнообразие предлагаемых критериев обуславливает множественность концепций, варьирующих от рассмотрения права на сецессию как почти универсального принципа до ограничения области его применения исключительными случаями. Сами сецессионистские движения распределяются по двум взаимоисключающим видам на «справедливые» («легитимные») и «несправедливые» («нелегитимные»), что вполне устраивает сецессионистов-практиков, потому что позволяет им

---

<sup>1</sup> Данное выражение («no secession from secession») заимствовано у Дональда Горовица; см.: *Horowitz D. Op. cit. P. 192.*

«теоретически» защитить проектируемое государство от «нелегитимной» сепессии второго порядка.

Часть исследователей обосновывает право на сепессию для выделяемых групп их эмпирически доказанной способностью формировать полноценные государства. Это **теории жизнеспособного государства**, представленные, например, в работах Гарри Берана и Кристофера Уэллмана.<sup>1</sup> С либертарианскими теориями их роднит опора на свободу выбора, использование плебисцитарного подхода и примат объекта (территории) над субъектом (группой). Ограничительный критерий жизнеспособности направлен на минимизацию возможных негативных последствий сепессии. Этот подход, однако, уязвим уже хотя бы потому, что он может спровоцировать власти материнских государств на ужесточение политики, направленной как раз на сдерживание экономического развития «проблемных» регионов и препятствование становлению в них автономных политических институтов, что не может не сказаться на росте напряжённости в стране.

Идеи теоретиков жизнеспособного государства получают логическое продолжение в теории **права победы**. В соответствии с ней претензии группы на суверенитет над территорией признаются легитимными, если группа **на деле** демонстрирует свою состоятельность как суверена, то есть способна удерживать фактический контроль над территорией и формировать внутри неё новое пространство власти<sup>2</sup>. Очевидно, что при нынешней системе политических ценностей прямое использование такого принципа в качестве нормы международного права неприемлемо.

В рамках ещё одной теории правом на сепессию наделяются только **аскриптивные группы**, сформированные по принципу предполагаемой общности качественных признаков, таких, как язык, раса, вероисповедание и т.п. Это право базируется на необходимости обеспечения

---

<sup>1</sup> См. *Beran H.* Op. cit. P. 36–42; *Wellman C.H.* A Defense of Secession and Political Self-Determination // *Philosophy and Public Affairs*. Spring, 1995. Vol. 24, No. 2. P. 160–164.

<sup>2</sup> См., к примеру: *Ремизов М., Межуев Б., Карев Р. и др.* Признание Приднестровья как гарантия будущего России // АПН — Агентство Политических Новостей. Доступно на: <http://www.apn.ru/publications/article10560.htm>, последнее посещение 14.02.2012.

безопасности групповой идентичности, воспринимаемой как безусловная ценность, защитить которую можно только посредством обретения государственного суверенитета, что и требует сецессии. Создание национального государства мыслится здесь как необходимое условие для сохранения идентичности и группы в целом. Речь в данном случае идёт об одной из форм групповой **социетальной безопасности**, охарактеризованной датским политологом Оле Вёвером как «защита группы от угрозы потери идентичности»<sup>1</sup>.

В отличие от плебисцитарных теорий права на сецессию, субъект права здесь первичен по отношению к объекту, но механизм их соподчинения остаётся неясным. Взятый в качестве такого механизма принцип проживания далеко не идеален: независимо от выбранного государствообразующего признака его носители делят территорию с представителями другой общности, и последовательная реализация принципа приведёт к образованию нежизнеспособных «рассеянных» государств. Стремясь избежать этого, сецессионисты идут на подмену принципов и распространяют претензии на большие территории, захватывая области проживания других групп. Субъект права де-факто становится производным от объекта, внутригрупповое голосование как механизм реализации права замещается территориально детерминированным плебисцитом со всеми вытекающими проблемами. Далее, из-за того, что ясно и чётко аргументировать выбор того или иного набора качеств невозможно, ни один из них не получает безусловного признания со стороны населения. А отсутствие ограничений на минимальный размер группы-правообладателя при выраженной иерархичности признаков грозит бесконечной атомизацией сецессии. Словом, в этой системе ценностей стремление устранить угрозу социетальной безопасности одной группы создаёт угрозу социетальной безопасности другой, а также международной безопасности в целом.

Один из наиболее авторитетных исследователей права на сецессию Аллен Бьюкенен предлагает другой подход к систематизации соответствующих концепций. Он разделяет весь их массив на две катего-

---

<sup>1</sup> *Wæver O. The Changing Agenda of Societal Security // Globalization and Environmental Challenges. Reconceptualizing Security in the 21st Century. Ed. by H.G. Brauch e. a. / Hexagon Series on Human and Environmental Security and Peace. Vol. 3. Berlin e. a.: Springer-Verlag, 2008. P. 581.*

рии — на теории **первичного права** на отделение, к которым относит все рассмотренные выше концепции, и теории **исправляющего права**<sup>1</sup>. В первом случае сепарация значима сама по себе — как проявление свободного выбора или как ключевое условие сохранения идентичности. Во втором случае в фокусе находятся другие, более приземлённые ценности и традиционные категории групповой безопасности, как то: экономическая, политическая, военная безопасность. Их обеспечение в данных конкретных условиях может быть достигнуто только посредством сепарации. В первом случае право неотчуждаемо, во втором — возникает только в определённых ситуациях.

В теориях первичного права на сепарацию речь идёт фактически о принципе национального государства в том его понимании, что предложил Карл Поппер: «политическое требование, согласно которому территория каждого государства должна совпадать с территорией, населённой одной нацией»<sup>2</sup>. Или о принципе национализма как его значительно позже сформулировал Эрнст Геллнер: «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»<sup>3</sup>. Оба принципа предполагают одно и то же целеполагание: нация — некая особым образом выделенная группа — может существовать только в условиях политической независимости, поскольку обладает внутренним суверенитетом, а посему — и правом на сепарацию. Нация при этом воспринимается как естественная и первичная по отношению к государству субстанция, характеризующаяся восхитительной содержательной пустотой. Тот же Поппер писал, что «никто не может внятно сказать, что он имеет в виду под нацией, чтобы этот фактор мог послужить основанием для практической политики»<sup>4</sup>. Какие бы наборы признаков и атрибутов нации ни предлагались — от лингвистической концепции Иоганна Фихте до либертарианской «нации по согласию» Мюррея Ротбарда<sup>5</sup> — ни один из них не может считаться «более истинным», чем остальные.

---

<sup>1</sup> См., например: *Buchanan A. The International Institutional Dimension of Secession // Theories of secession... P. 225–253.*

<sup>2</sup> *Popper K.P. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. С. 63.*

<sup>3</sup> *Gellner Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 23.*

<sup>4</sup> *Popper K.P. Указ. соч. С. 63.*

<sup>5</sup> См. *Fichte J.G. Addresses to the German Nation. London: The Open Court Publishing Company, 1922; Rothbard M.N. Op. cit.*



Теория исправляющего права связана в первую очередь с именем самого Аллена Бьюкенена. Он отрицает существование первичного права на одностороннюю сецессию, но признаёт моральную оправданность сецессионистских требований в тех случаях, когда отделение представляется единственным средством восстановления справедливости<sup>1</sup>. Рассматривая разные варианты таких ситуаций, он ближе всех подходит к созданию концепции безопасности. Его позицию разделяют и другие авторы, в частности, Энтони Бёрч<sup>2</sup>.

Бьюкенен отвергает как ультралиберальную безопасность индивидуального выбора, так и эфемерную социетальную безопасность в её националистической интерпретации. В качестве угроз, наличие любой из которых делает сецессионистские притязания правомерными, он называет следующие.

Во-первых, незаконное включение территории группы в состав государства (утрата военной безопасности). Сецессия подаётся здесь как возвращение отнятой собственности и узурпированного права, обеспечение безопасного владения ими. Уязвимость подхода заключается в том, что очень сложно — за редчайшими исключениями практически невозможно — выявить «законного владельца» любой территории: история большинства регионов пестрит аннексиями и захватами, а преемственность между его нынешним и прошлым населением часто сомнительна. Неясен и временной порог, за которым «право владельца» территории утрачивает силу: по-настоящему бесспорно такое право, пожалуй, лишь в случае её оккупации в ходе продолжающейся войны.

Во-вторых, экономическая и политическая дискриминация региональной группы, оборачивающаяся утратой либо реальной угрозой утраты экономической или политической безопасности. Слабость этого аргумента — в отсутствии внятных критериев дискриминации. Так, под неё можно подвести (и часто подводят!) любые государственные реформы, каким-либо образом влияющие на распределение финансовых потоков между регионами или между регионами и центром либо

---

<sup>1</sup> См. *Buchanan A.* Op. cit.; *Бьюкенен А.* Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001.

<sup>2</sup> *Birch A.H.* Nationalism and National Integration. London: Unwin Hyman, 1989.

так или иначе ведущие к снижению самостоятельности отдельных регионов или всей их совокупности в целом.

В-третьих, угроза утраты или утрата группой физической безопасности вследствие действий властей государства или других групп, действия которых власти не могут или не желают пресечь. Увы, данный аргумент, неотразимый в теории, малопригоден на практике даже тогда, когда речь идёт о документально засвидетельствованных массовых убийствах, определяемых как действительно имевший место геноцид. Дело в том, что почти во всех этих случаях жертвами становились дисперсно расселённые по стране экстерриториальные группы, в отношении которых сецессия просто не могла быть применена. Это тутси в Руанде, евреи и цыгане в нацистской Германии и та часть армян в позднеосманской Турции, что была рассеяна за пределами преимущественно армянских по населению вилайетов.

#### IV

В заключение необходимо отметить, что представленные выше концепции права на отделение стоит рассматривать именно в комплексе, не замыкаясь на той или иной отдельной их разновидности. На первый взгляд, было бы целесообразным сосредоточиться на связи между национализмом и безопасностью. Ведь именно националистическая система ценностей является продуктом современности, а националистическая форма социетальной безопасности — сравнительно свежим вкладом в реестр безопасностей, тогда как желание изгнать захватчиков и прекратить выплачивать дань нельзя отнести к веяниям текущей эпохи. В действительности отделять одно от другого нельзя: этого не делают сами сецессионисты.

Стремясь максимально легитимировать притязания, идеологи сецессионистских движений непременно именуют «свою» группу нацией и щедро наделяют её аскриптивными признаками. В первую очередь они «вспоминают» свой язык, на котором порой говорит меньшинство группы (как в Уэльсе и Басконии), а то и вовсе ничтожная её часть (как в Северной Ирландии), возрождая его (как шотландский гаэльский, сканский, когда-то — баскский) или вообще изобретая (как было с хорватским и черногорским, а сейчас происходит с валенсийским). И, конечно, они разрабатывают целую мифологию о происхождении группы, уникальности / превосходстве её культуры, или, на худой конец, культу-

ры её мифических «предков» (поиск кельтских корней у галисийцев и жителей Северной Италии). В то же время, сецессионисты любят апеллировать к «мнению народа», подчёркивать собственную веру в демократические ценности, а также не упускают возможности указать на экономическую дискриминацию «их» территории / группы, на допущенную по отношению к ним историческую несправедливость.

Множественность оснований приводит к алогичности требований. Так, косовские сецессионисты, апеллирующие к древности и уникальности своей «нации», не желают исключать из гипотетической Республики Косово сербские северные анклавы; «национальное государство» Украина не отдаст русскоязычного Крыма и Донбасса; а борцы за свободу франкоязычного Квебека не рассматривают вопрос о самоопределении местных англофонов, индейцев и эскимосов. Таких примеров можно привести не один десяток. Удивительно, но абсурдность ситуации не смущает ни сецессионистов, ни мировую общественность, привыкшую видеть в праве на самоопределении общепризнанную ценность, а в борьбе с сецессионизмом — угрозу личной или групповой безопасности меньшинств. Хотя вызов, бросаемый сецессионистами личной, национальной или мировой безопасности, куда более ошутим.

### Дискуссия по докладу Ф. Попова

**Дмитриев.** Вы фактически считаете более верным установление в качестве основополагающего принципа международного права принцип неприкосновенности существующих государственных границ?

**Попов.** Да, безусловно.

**Дмитриев.** Вы меня заранее простите, я очень далёк от сферы международного права. Но, на мой взгляд, само представление о неких универсальных правилах, устанавливающих, какие группы и когда имеют право на отделение, для современного состояния мира, как и, впрочем, для любого другого, не имеет смысла. В конечном счёте, всё всегда определялось ровно конкретной обстановкой: если какая-то группа превосходила по силе центральное правительство, то она, скорее всего, отделялась, независимо от того, было ли записано где-то это право или нет. В чём всё-таки Вы видите практическое значение Вашей теории?

**Попов.** Скажу так: разумеется, понятно, что на деле всё в итоге решается в соответствии с текущей ситуацией. Действительно, во многих случаях сецессионисты будут добиваться отделения вне зависимости от того, какие принципы и где закреплены. Однако вопрос здесь не в политических доктринах и юридических правилах, а в доминирующей системе ценностей: к настоящей-

му времени принцип национализма «каждой нации своё государство» закрепился в сознании населения планеты как абсолютно естественный. Благодаря этому, любому движению за отделение сейчас проще добиться понимания у незаинтересованной части мировой общественности. Однако если такого рода принципы будут полностью «вычищены» из общепринятой системы взглядов и политический суверенитет группы перестанет играть роль безусловной ценности, это создаст значительные трудности для сепаратистской деятельности. Укоренённость принципа национализма играет роль триггера развития множества сепаратистских движений. При иначе устроенном мировоззрении политическая напряжённость была бы меньше.

**Дмитриев.** Я опасаясь, что этот принцип силён ровно потому, что он совпадает с исторической практикой. Принцип неприкосновенности существующих границ достаточно молод, если сравнивать со всей историей человечества, большую часть времени всё проходило ровно наоборот: границы были по определению непостоянными и зависели от конкретной ситуации в конкретном регионе. Принцип неприкосновенности границ неестественен с точки зрения истории человечества: всё течёт, всё изменяется. Это попытка искусственным образом стабилизировать ситуацию. Подобные процессы можно сдерживать какое-то время, но нельзя принимать данный принцип в качестве основного, потому что он по сути своей противоестественен.

**Попов.** Принцип национального государства, он же принцип самоопределения, тоже весьма молод, он восходит к Французской революции, впоследствии был закреплён в «Четырнадцати пунктах» Вудро Вильсона. Ранее — да, границы изменялись, но они изменялись под действием морально не легитимированных, конъюнктурных факторов, таких как баланс сил, ослабление / усиление государств и т.п., тогда как принцип национального государства был введён в политическую практику и закрепился в политическом сознании как безусловно морально легитимный. Апеллировать в конфликтных ситуациях к тому, что та или иная граница не соответствует балансу сил — странно и нелогично. А вот указывать на то, что она несправедлива и потому подлежит изменению, что данная территория должна принадлежать определённой нации, что «мы» (речь идёт именно о «нас»!) есть нация и потому имеем право на обладание ею — это совсем другое.

**Дмитриев.** Скорее это просто изменение языка, поскольку стремление одной группы выйти из-под влияния другой существует ровно столько, сколько существует человечество.

**Попов.** Как эти группы раньше аргументировали своё желание? Сейчас у них есть вполне респектабельная аргументация.

**Дмитриев.** Аргументация играет очень небольшую роль. Если бы у нас было единственное государство или некий международный орган, который мог бы навязывать свою волю всем государствам мира, тогда этот принцип мог

бы работать. Для современной же ситуации (и вряд ли что-либо изменится в ближайшее время) развитие событий в каждом конкретном случае всё равно зависит не от проработанности аргументации, а от чисто физических возможностей сепаратистов: если они могут завоевать независимость, они её завоёвывают.

**Попов.** Я бы всё-таки не стал полностью сбрасывать со счетов фактор аргументации, фактор позиционирования себя на мировой арене. Существует немало непризнанных государств, государств де-факто, которые исключены из современной политической и экономической жизни планеты, потому что они не обладают суверенитетом, не признаны большинством государств мира и, самое главное, не являются членами ООН.

**Дмитриев.** Но это и порождает массу контрпродуктивных, с моей точки зрения, ситуаций, когда государство десятилетиями существует, осуществляет суверенитет на собственной территории, но при этом не обладает международной правосубъектностью. Кому от этого лучше? Мне кажется, это, наоборот, некий порок современной системы.

**Попов.** Такая позиция, с одной стороны, логична, а с другой — опасна, она мотивирует движения на достижение фактической независимости. В мире достаточно много политических акторов, которые при определённом желании способны вычленивть кусок территории из ткани государства и создать какое-либо псевдогосударственное образование. Тот факт, что многие этого не делают, объясняется, помимо прочего, и тем, что даже в случае относительного успеха они не смогут достичь того, к чему в действительности стремятся.

**Дмитриев.** Вы можете привести конкретный пример ситуации, при которой группа может завоевать фактический суверенитет и осуществлять его на большой территории, но не делает этого только потому, что боится, что её не примут в ООН? Я понимаю Вашу логику, просто мне кажется, что она очень уж «международно-правовая», тогда как существует и некая параллельная реальность. В ряде случаев принципы сепаратизма действительно работали — когда распался Советский Союз, к примеру — но если бы даже они не работали, распад произошёл бы. Просто его было бы как-то сложнее оформить. В таких ситуациях обычно всё происходит потому, что что-то разваливается или потому, что кто-то очень хочет уйти, а как это объясняется, мне кажется, не так важно. Я понимаю, что, возможно, если бы было объявлено, что всякая власть от Бога и желание отделения по определению плохо, и этому долго бы учили в школах, то, наверно, это несколько уменьшило бы число сепаратистских движений. Но всё равно принципиально ситуация не изменилась бы: в тех случаях, когда группа может уйти, она уйдёт, а в тех случаях, когда не может уйти, не уйдёт, только и всего.

**Попов.** Я не думаю, что стоит вот так бинарно оценивать ситуацию: может уйти или не может уйти. Де-юре уйти сейчас практически невозможно.

XXI век даёт нам только три примера завершённой юридической сецессии, одна из которых условна, одна была осуществлена по согласию и только одна была достигнута в результате вооружённой борьбы за независимость.

**Мещеряков.** Что Вы имеете в виду?

**Ответ.** Восточный Тимор, Черногорию и Южный Судан.

**Мещеряков.** А Советский Союз?

**Попов.** Речь идёт только об XXI веке.

**Дмитриев.** Три примера за 10 лет — это довольно много, если учесть, что у нас около 200 государств: немалый процент.

**Попов.** В 1960-е годы он был гораздо выше.

**Панарин.** Можно я вклинюсь? Нельзя забывать о том, что мы живём во время массовой информатизации общества, и всё, что попадает в наше сознание через СМИ, действительно оказывает сильное воздействие на наше поведение. Известно немало случаев, когда возрождение — и создание — нации осуществлялось группкой озабоченных интеллигентов. В конце концов, образованные чехи когда-то вовсе не говорили в массе своей по-чешски. В конце концов, мегрельский алфавит придумал, по-моему, вообще англичанин, который очень сочувствовал мегрелам и считал, что их ужасно обижают картвелы, и т.д. Таких примеров в информационном обществе можно найти много. Мне кажется, что аргумент о роли мотивированности уязвим с другой стороны: мотивированность может иметь разрушительный эффект, утверждая как право на сецессию, так и принцип неделимости государства и неприкосновенности его территории. Она развязывает руки государству. Мы знаем даже больше примеров жесточайшего террора, унижения и угнетения людей во имя этих принципов. Южный Судан — ярчайший из них. Государство, фактически сделавшее часть своего населения рабами, долгое время оставалось их легитимным сувереном. Получается, что было бы благом, если бы они в таком состоянии и оставались, не отделяясь. Или папуасы, у которых главный их вид скота, свиней, морят ядом, потому что Западный Ириан, якобы, это индонезийская территория.

**Попов.** Я абсолютно не уверен, что в независимом Южном Судане не будет происходить примерно то же самое, но уже между отдельными местными племенами.

**Панарин.** Мы не можем говорить о том, что будет или чего не будет, но мы не можем не говорить о том, что есть. И что продолжается на протяжении десятилетий. Вы считаете, что ради некоего воображаемого принципа, утверждающего, что может стать ещё хуже, мы должны смириться с реальностью, которая и так ужасна?

**Попов.** Сецессия не является единственным способом разрешения проблемы.

**Панарин.** Какой другой способ Вы можете предложить?

**Попов.** Изменение внутренней политики государства.

**Панарин.** Кем? Международное сообщество не вмешивается. Вы говорите, что не было примеров геноцида — вернитесь в Африку. Разве уничтожение тутси — это не геноцид, разве тутси не жили компактно? Тот же Дарфур.

**Попов.** Тутси не жили компактно, а события в Дарфуре некорректно относить к геноциду. Там, скорее, имели место межплеменные конфликты.

**Панарин.** Дело даже не в этом, не будем спорить о частностях. Я ещё раз подчёркиваю, что, с одной стороны, я вполне поддерживаю Ваш тезис о том, что хорошо разработанный мотив сам по себе может быть разрушительным. Но я хочу обратить Ваше внимание на то, что этот принцип нельзя ограничивать только сецессионизмом, что он применим к любому политическому действию. Фашизм — это тоже хорошо разработанный мотив.

**Мещеряков.** Мне кажется, мы переоцениваем свои возможности. Мы пытаемся логически аргументировать то, что в строгой системе логики никак не аргументируется в принципе. Я считаю, это просто базовая потребность человека — иметь предрассудки, заблуждаться и творить мифы. И всё, чем мы занимаемся, кроме конкретного обеспечения своей жизнедеятельности, является мифом, и лично для меня в этом заключается особая прелесть человека, лично мне так интереснее жить. Поэтому, если объяснять людям, что их религия с точки зрения здравого смысла ложна, это, как правило, успеха не приносит. Ты спрашиваешь: Ну что же ваш Бог такие злодеяния допускает? А тебе отвечают: Это дополнительное подтверждение его силы. И всё.

**Попов.** Вы считаете, что принцип национализма, введшийся в общественное сознание в конце XVIII века, не может быть оттуда выдернут?

**Мещеряков.** Конечно, он выдернется. Что имеет начало, то, безусловно, будет иметь и конец. Я хочу только сказать, что наша роль чрезвычайно ограничена. Лично я предпочитаю позицию наблюдателя, в том смысле, что стараюсь не навредить. Я понимаю, что навредит само собой, но я не хочу брать на себя ответственность, определяя, кто прав, а кто нет.

**Панарин.** Спор уходит в область мировоззренческих позиций.

**Мещеряков.** Наука тоже есть мировоззрение.

**Панарин.** Это взгляд на мир, который мне близок, но это взгляд на мир. У Фёдора другой взгляд и спор здесь уже становится бессмысленным.

**Абашин.** Мне кажется, этот спор вечен. У каждого своя позиция. Здесь по определению не может быть какого-то однозначного принципа, который не будет оспариваться, не вызовет дискуссии. Мне же очень интересен концепт безопасности, который используется при защите той или иной позиции. Этот концепт можно поворачивать по-разному. Возьмём для примера Кавказ. Можно рассуждать, что с точки зрения безопасности нам выгоднее, чтобы Кавказ входил в состав России — для этого можно привести массу аргументов. Но с той же логичностью можно доказать, что нам с позиции безопасности выгоднее, чтобы Кавказ отделился.

**Панарин.** И большинство в России — по крайней мере, в Москве, подозреваю, именно так и считает.

**Абашин.** Это показывает, на мой взгляд, вообще природу концепта безопасности. С одной стороны, он имеет отвлечённый характер, будучи используем только как инструмент для легитимации тех или иных интересов. В то же время, практически любой интерес можно обосновать, используя соответствующую аргументацию безопасности (продовольственной, экологической и т.п.). Интересно также, что слово «безопасность» в последние двадцать лет становится ключевым понятием для практик и с правовой точки зрения, и в рамках политической и пропагандистской деятельности.

**Панарин.** Да, я бы сказал, что в отличие от западного упора на права человека, свободу и другие концепты, которые оказываются ограниченными в эффективности воздействия, безопасность положительно воспринимается как довод по всему миру.

**Абашин.** Интересно посмотреть на «генеалогию» этого слова. В частности, в Советском Союзе термин «комитет государственной безопасности» возник довольно поздно. В XIX веке его аналогом было «министерство внутренних дел», в большевистский период — «чрезвычайная комиссия», то есть акцентировались несколько другие оттенки. Интересно, какие слова использовались для легитимации порядка, режима, власти.

**Попов.** В данном случае я говорю не о безопасности какого-то конкретного элемента на политической карте, а о безопасности как о концепте. Сецессия по определению противоречит национальной безопасности, поскольку она напрямую угрожает территориальной целостности государства. В то же время, набирающая силу концепция безопасности группы (безопасности суверенитета группы), концепция «социетальной безопасности», предполагает использование инструмента сецессии в качестве реализации этой самой безопасности. Именно на этом я пытаюсь акцентировать внимание.

**Абашин.** Мне кажется, что текущая ситуация на Кавказе как раз прекрасно демонстрирует возможность использования риторики безопасности для аргументации сецессии сверху. Ведь не сами кавказцы требуют отделения, об этом говорит другая сторона, причём обосновывает это именно через государственную безопасность: наличие кавказского анклава разрушает государство через коррупцию, поглощает экономические ресурсы и т.п. Концепт государственной безопасности работает не только в одну сторону.

**Дмитриев.** Очень хороший пример: если бы предлагаемый Вами принцип в своё время был бы принят как основной, то несчастная Франция и Англия сейчас бы захлёбывались, пытаясь изо всех сил удержать одни колонии и, главное, накормить те, которые уходить не хотят. Мне кажется, что Вы некоторым образом играете в смыслы, хотя отделение части государства старо как мир и не стоит ставить знак равенства между сецессией и национализмом.



Национализм — вещь действительно новая, одни народы же отделялись от других ровно столько, сколько существует человечество.

**Панарин.** Всё же этот упрёк некорректен: Фёдор прямо не сказал, что он не берёт во внимание средневековье и древний мир, но из контекста ясно, что речь идёт о современном государстве.

**Мещеряков.** У меня немного другой вопрос. Корректно ли употреблять по отношению к России термин «национальная безопасность»? Есть ли у нас национальное государство? Моя фамилия Мещеряков, мои предки — мещеряне. Я вполне могу считать, что моя национальная безопасность — безопасность мещерян, что к России никакого отношения не имеет.

**Дмитриев.** Это терминологический вопрос.

**Абашин.** Мне кажется, что апелляция к тому, что это было всегда, не слишком удачна. Мы ведь имеем дело здесь в некотором роде с категориями практики.

**Панарин.** Насколько я помню, уже в XVIII–XVII вв. до н.э. в Вавилоне были своего рода банки и векселя, однако это не означает, что там уже был капитализм.

**Абашин.** Но убийства, скажем, всегда были. Это же не значит, что мы не должны выработать инструментов предотвращения убийств. Мы понимаем, что всё равно они всегда будут. В данном случае, может быть, аргументом является то, что международно-правовая система содержит набор очень разных инструментов. Неслучайно в самом международном праве заложено противоречие: есть право на самоопределение и есть принцип территориальной целостности государства. И есть целая огромная и спорная правовая процедура оценивания конкретных ситуаций и определения того принципа, который используется для легитимации решения. Международное сообщество оставляет за собой возможность более гибкого подхода. И это правильно, потому что любая более жёсткая система не будет способна реагировать на специфику конкретных ситуаций.

**Дмитриев.** Степень полезности международного сообщества уже сейчас не очень-то очевидна, а если ещё оно будет ограничено какими-то жёсткими рамками, то эта степень станет совсем сомнительна. Государство — это живой организм. Мы можем взять любой принцип и какое-то время его придерживаться, но чем дальше, тем делать это будет тяжелее. Я абсолютно согласен с тем, что если международное сообщество вдруг примет какой-то один из двух упомянутых принципов — принцип неприкосновенности государственных границ или принцип права на самоопределение — как основной и единственный, оно очень ограничит собственные возможности. В каждой конкретной ситуации нужно опираться либо на одно, либо на другое.

**Панарин.** При исключительном использовании любого из этих принципов, общее количество насилия вырастет в любом случае.

**Попов.** Да, отделения были всегда. Но отделение под флагом национализма, под флагом суверенности нации — это продукт современности, вошедший в политическую практику сравнительно недавно, после Французской революции. Именно закрепление этого принципа в системе ценностей современного населения планеты меня и пугает.

**Дмитриев.** Сецессионистские движения, базирующиеся только на том, что кто-то прочёл книгу, в которой написано, что отделяться можно и нужно, существуют, но скорее только на бумаге. Бретань, к примеру. Они никогда ничего не достигнут, потому что этим не интересуется большинство населения Бретани — да даже большинству самих бретонцев это не нужно. Ну, пусть они останутся, пусть у них будет такой своеобразный клуб по интересам, где они поют бретонские песни, кому они мешают, если этим всё и ограничивается? А все действительные примеры сецессии — за исключением редких случаев при распаде империй — это плод долгого резания глоток, как и тысячу лет назад.

**Попов.** Что Вы скажете по поводу басков?

**Дмитриев.** С точки зрения современного мира, баскское движение за отделение — это «цветочки». Ну да, была ЭТА, которая за 50 лет убила 58 человек. Можно теоретически представить, что баски отделятся, если Испания вдруг войдёт в коллапс, чего, скорее всего, не произойдёт, и можно согласиться, что это в значительно степени будет спровоцировано современным международным правом. Но с точки зрения насилия и нарушения прав человека, с точки зрения безопасности это настолько незначительно в сравнении со, скажем, курдским движением, что я даже не считаю важным это обсуждать. А курды в большинстве своём не знают о том, что такое национальное движение: турки просто бомбят их с самолётов и это им, в общем-то, не нравится.

**Панарин.** Нетрудно вспомнить примеры ситуаций, когда проблема сецессионизма решалась по принципу «нет субъекта — нет проблемы». Полное истребление.

**Дмитриев.** Более того — национализм гораздо больше сыграл на руку противникам сецессии. Вспомним армянский геноцид, который был вызван тем, что турецкое правительство взяло курс на построение национального государства. Национализм принёс значительно больше разрушений, будучи используем как инструмент сохранения существующего национального государства, а не как инструмент создания нового. А Вы в этой ситуации пытаетесь добавить на эту чашу весов ещё и моральную легитимность: мол, вы не только имеете силу, вы ещё и правы, поскольку отделение плохо.

**Попов.** Согласен, что принцип национального государства поворачивается как в ту, так и в другую сторону, и в обоих случаях он влечёт за собой дестабилизацию обстановки. Национализация Франции в своё время была весьма негативным явлением.

**Дмитриев.** Иными словами, Вы не против права на сецессию, а против национализма как такового? Это, в общем-то, правильно, но ещё более утопично — предложить Вам взамен нечего.

**Попов.** Будучи по образованию всё же географом, а не историком, я скажу следующее. Багаж знаний историков пестрит множеством примеров войн и конфликтов. С точки зрения историка все эти войны и конфликты продолжались, продолжают и будут продолжаться, и поделаться с этим ничего нельзя. Мне слегка чужд такого рода «исторический цинизм». Да, войны и конфликты будут всегда, сецессионизм, по-видимому, неискореним, но повернуть мозги людей в сторону от того, куда они были повёрнуты Фихте, Ренаном, Французской революцией и т.п., — это вполне в наших силах. В этом ключе я и пытаюсь работать.

**Панарин.** Скажу несколько слов в заключение. Во-первых, хочу поблагодарить Фёдора за то, что он так нас всех сильно спровоцировал — хотя настоящим провокатором он не является, он истинно верит во всё то, что говорит, и не отступает ни на шаг, как бы я с ним ни спорил на протяжении уже года. Моё видение ситуации заключается в следующем: выступая в малознакомой аудитории, надо избегать максимализмов. Даже не будучи историками, а просто обладая здравым смыслом, мы понимаем, что на всякое правило есть исключение, что конкретные ситуации всегда сложнее теоретических построений. Вы фактически представили нам веберовскую модель идеальных типов в этой области. Но жизнь всегда богаче и сложнее. Поэтому, если в Вашем изложении этот момент ситуационных исключений выпадает, Вы получаете подобную реакцию. С одной стороны, это несёт позитивный заряд — но ведь Вы не сможете всю жизнь выступать в роли провокатора.

## **ПРОТИВОРЕЧИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

*Екатерина Борисова, Сергей Панарин*

Вода и энергия, производимая топливно-энергетическим комплексом (а значит, и сама энергетическая отрасль народного хозяйства любой страны), — животворные силы, благодаря действию которых безопасность становится обеспеченной в самых различных её проявлениях — от элементарного физического выживания человека до открывающейся перед ним возможности отдаваться самым изощрённым видам деятельности, самым утончённым формам досуга. Соответственно, наличие этих базовых для человека условий существования — в необходимом объёме и приемлемого качества — воспринимается сугубо положительно. Напротив, их плохое качество, недостаток или полное отсутствие отождествляется сознанием с одной из самых серьёзных угроз. И, добавим, с одной из самых разветвлённых. Ведь безопасность, как известно, — состояние многоаспектное и разноуровневое<sup>1</sup>, и водные проблемы, как и энергетические, могут угрожать сразу нескольким аспектам или видам безопасности: физической, экологической,

---

<sup>1</sup> Об аспектах и уровнях безопасности см.: Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина / Московский Центр Карнеги. М.: Интердиалект+, 2000. С.16–24.

санитарно-эпидемиологической, продовольственной, военной и т.д. Равным образом, воздействие каждой из этих проблем на безопасность способно сказаться практически на всех её уровнях — на индивидуальном и групповом, на локальном и региональном, на национальном и международном / глобальном. Когда же они объединяются в **единый блок** проблем, высвечивается не только многообразие создаваемых ими угроз, но и возможность возникновения чреватых угрозами противоречий между отдельными аспектами или видами безопасности.

Казалось бы, вода и энергетика в их функции «ресурсных гарантов» безопасности не должны вступать в такое противоречие, поскольку вода сама может быть мощным источником энергии. Но в том-то как раз и загвоздка. Вода — это и необходимая для всего живого питательная влага, и источник энергии, вырабатываемой в турбинах гидроэлектростанций. Многофункциональность воды приводит к тому, что она нужна всем и в больших количествах. Как правило, чем больше аридность пространства, в котором проживают те или иные потребители воды, тем выше их потребности в ней. Одну из таких аридных зон образует на земном шаре пространство, занимаемое так называемой политической Центральной Азией — пятью государствами, образовавшимися на месте бывших союзных республик: Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном. И на примере центрально-азиатского региона хорошо видно вызревание внутренних конфликтов безопасности сразу и на ресурсном, и на политическом уровне.

## I

Суть водно-энергетических проблем Центральной Азии заключается в том, что цели, для достижения которых вода в этом регионе преимущественно используется, различаются в зависимости от страны; в результате при общей недостаточности водных ресурсов в противоречие вступают уже страны. Это противоречие коренится в различных приоритетах водопотребления, когда одни страны делают выбор в пользу сельского хозяйства, другие — в пользу гидроэнергетики. Но расхождения между странами по вопросу о том, как должен использоваться ресурс, являющийся дефицитным или представляющийся таковым, сразу выводит нас на уровень национальной безопасности. Отдельного человека, индивида, вопрос о распределении воды между соседними

государствами интересуется лишь в случае его высокой гражданской сознательности; для большинства же важно чтобы в доме были свет, вода, и еда, с ними пришло бы и ощущение личной безопасности, и куда менее важно, как это достигнуто — за счёт ли квот на воду, полученных в результате межгосударственных соглашений, или посредством бесконтрольного её отбора либо каких-то других мер. Государства — иное дело. Выступая — или мысля себя — в качестве полноправных субъектов собственной безопасности, они, точнее их руководители, берут на себя ответственность за доступ своих граждан к таким жизненно важным ресурсам, как вода и энергия. Поэтому любое препятствие на пути к обеспечению такого доступа воспринимается как угроза национальной безопасности, в том числе и препятствие, возникающее из-за того, что другое государство распоряжается или собирается распорядиться этим ресурсом по-своему, не так, как первое.

Страны региона можно разделить на две группы по особенностям их расположения в бассейнах основных рек Центральной Азии — Амударьи и Сырдарьи. Первая группа включает государства, находящиеся в верхнем течении этих рек; это Кыргызская Республика и Республика Таджикистан. Во вторую группу входят государства нижнего течения: Узбекистан, Туркменистан и Казахстан. Страны первой группы обладают неограниченными водными ресурсами, но страдают от нехватки углеводородных энергоресурсов; страны второй, наоборот, владеют большими запасами углеводородов, но вода до них доходит в ограниченных количествах. Первые активно используют воду для гидроэнергетики, вторым вода преимущественно нужна для сельского хозяйства.

На самом деле вопрос не стоит о каком-то исключительном, необратимом выборе между гидроэнергетикой и сельским хозяйством. Речь идёт об объёмах использования и распределении водных ресурсов между верховьями и низовьями с учётом сезонных циклов. Однако, если рассматривать этот же вопрос с позиций безопасности, конкретнее — с позиций национальной безопасности, то здесь уже противоречие налицо: продовольственная безопасность стран низовья против энергетической безопасности государств верховья. Основная проблема заключается в том, что гидроэнергетика потребляет наибольший объём воды в холодный период, то есть осенью и зимой, а сельское хозяйство — в вегетационный период, то есть весной и летом. Как следствие,

именно тогда, когда Казахстан, Узбекистан и Туркменистан остро нуждаются в воде, Кыргызстан и Таджикистан стараются её экономить: запасают её в своих водохранилищах при ГЭС для активных попусков с целью выработки недостающей электроэнергии в осенне-зимний период. В советское время ГЭС региона работали по ирригационно-энергетической схеме, когда учитывались интересы и верховий, и низовий. В настоящее время они работают по энергетической схеме, из-за чего не только не хватает воды для полива полей в Узбекистане и Южном Казахстане, но ещё и периодически подвергается затоплению немалая часть густонаселённых территорий в странах низовья. Тем самым создаётся реальная угроза для физической безопасности жителей этих территорий.

Государства верховий перешли на энергетическую схему не по злumu умыслу и не от хорошей жизни. Вполне благополучные с точки зрения водообеспечения, страны первой группы в зимний период страдают от острой нехватки электроэнергии. Уже несколько лет Таджикистан осенью и зимой вводит жёсткий лимит на энергопотребление: в некоторых областях республики свет и газ подаются в дома всего на несколько часов. Постоянные перебои с подачей электроэнергии в зимнее время происходят и в Кыргызстане. Нивелирование этих угроз возможно либо за счет договоренности с соседними энергодефицитными странами о поставках теми топливно-энергетических ресурсов в необходимом объёме, по доступным ценам и на постоянной основе, либо за счет создания собственных, не зависящих от доброй воли соседей, энергомошностей. При следовании подходу, характерному для концепций национальной безопасности, для **гарантированного** обеспечения предприятий, учреждений и населения энергоресурсами предпочтительным, естественно, представляется второй вариант, то есть ставка на достижение энергетической безопасности за счёт использования энергии воды. Практически это означает, что Кыргызстан и Таджикистан должны будут увеличивать мощности старых ГЭС и строить новые. Но, следуя этой же логике, то есть исходя из **исключительных** интересов своей национальной безопасности, против такого строительства должны будут категорически возражать — и уже возражают — Казахстан, Туркменистан и Узбекистан.

Вместе с тем, требуя от государств верховья согласия поступить своими приоритетами водопотребления, страны низовья, в особен-

ности Узбекистан, оказываются не готовы к тому, чтобы в обмен на это гарантировать Кыргызстану и Таджикистану бесперебойные и достаточные поставки углеводородов по взаимоприемлемой цене, хотя договорённость на эту тему существует с 1998 года. Имеется в виду Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья, подписанное в Бишкеке 17 марта 1998 года<sup>1</sup>. Оно было заключено на пять лет, впоследствии его несколько раз пытались реанимировать, но безрезультатно: никто не хотел брать на себя никаких обязательств. Впрочем, даже тогда, когда Соглашение 1998 года работало, условия его редко выполнялись всеми участниками в точности. Оно имело один существенный недостаток: в нём не были прописаны ответственность сторон, компенсации за ущерб и алгоритм действий в случае нарушения какой-либо стороной условий Соглашения, и этим периодически пользовались все его участники. Например, как только у Кыргызстана с его хроническим дефицитом бюджета накапливались долги по оплате газа, Узбекистан сразу же перекрывал газовый вентиль. Это происходило несколько лет подряд. Соответственно Кыргызстан, чтобы восполнить образовавшийся из-за нехватки газа энергодефицит, увеличивал сработку воды в Токтогульском водохранилище. Со своей стороны, Узбекистан, воспользовавшись тем, что благодаря нескольким подряд многоводным годам временно не испытывал проблем с водой для полива, с 2004 года, несмотря на имевшиеся ранее договорённости, прекратил покупать летнюю электроэнергию, вырабатываемую киргизскими ГЭС во время их работы в ирригационном режиме. Кроме того, он каждый год стал существенно повышать цену на газ для стран верховья. Если в 2005 году цена узбекского газа для Кыргызстана находилась на уровне 44 долларов США за тысячу кубометров<sup>2</sup>, то в 2006 году она поднялась до 55,

---

<sup>1</sup> Текст его доступен на: [http://base2.spininform.ru/show\\_doc.fwx?rgn=4041](http://base2.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=4041), последнее посещение 05.06.2012.

<sup>2</sup> Киргизия снижает объемы закупки узбекского газа из-за его высокой стоимости // Российская газета, 28.04.2012. Доступно на: <http://www.rg.ru/2012/04/28/kirgaz-site-anons.html>, последнее посещение 06.06.2012.



в 2007 году — до 100 долларов<sup>1</sup>, в 2008 — до 145<sup>2</sup>, в 2009 — до 240 долларов<sup>3</sup>. Цены могли меняться даже ежеквартально: в начале 2011 года стоимость голубого топлива для Кыргызстана составляла 223 доллара, а к концу года подскочила до 305 долларов<sup>4</sup>.

Это лишь один из примеров, когда страны региона не смогли между собой договориться о взаимоприемлемых условиях. Таких примеров много и по линии отношений между Казахстаном и Кыргызстаном, хотя здесь споров возникало меньше всего, и в связи Таджикистан — Узбекистан, не менее внутренне конфликтной, чем кыргызско-узбекская.

## II

Если бы вода использовалась только для решения вопросов продовольственной безопасности, таких острых противоречий между странами региона не возникало бы. Воды хватало бы в достаточной степени всем и в нужное время. Однако всеобщего благоденствия не наступило бы и в этом случае, потому что тогда на первый план вышла бы другая проблема, пока как бы затеняемая разногласиями по поводу приоритетных способов водопотребления. Это проблема минимизации потерь воды при её использовании и очистки после использования. Она очень актуальна и сегодня, так как напрямую влияет на качество жизни в центрально-азиатском регионе, а значит, затрагивает уровень личностной безопасности.

Кризис с обеспечением Центральной Азии водными ресурсами на сегодняшний момент обусловлен тремя основными факторами: быстрым ростом населения, изменениями климата и загрязнением окружающей среды. И если два первых фактора пока ещё можно, пусть

---

<sup>1</sup> Узбекистан повысил цены на газ для Кыргызстана до 100 долларов // Доступно на: <http://www.pr.kg/old/archive.php?id=11222>, последнее посещение 06.06.2012.

<sup>2</sup> Кыргызстан: Страна не может заплатить Узбекистану повышенную цену на газ, 24.12.2008 // Доступно на: <http://www.uadaily.net/eventsw.php?viewe=111523>, последнее посещение 06.06.2012.

<sup>3</sup> Киргизия сторговалась с Узбекистаном в цене за газ на \$240, хотя тот рассчитывал продать за \$300 // Бизнес портал Регион 64. Доступно на: <http://www.region64.ru/businessnews/2009/1/17881?p=16>, последнее посещение 06.06.2012.

<sup>4</sup> В Кыргызстане установили тарифы на природный газ для всех категорий потребителей // ИА Кабар, 19.01.2012.

и с натяжкой, отнести к угрозам потенциальным (точнее, не в полной мере набравшим силу), то загрязнение окружающей среды стало, без всяких оговорок, угрозой реальной.

Вообще говоря, на глобальном уровне именно экологическая составляющая в вопросах водно-энергетического обеспечения является сегодня преобладающей. Весь мир поистине устрашающими темпами движется к экологическому коллапсу в сфере водопотребления. Водная безопасность, под которой в первую очередь подразумевается наличие пригодной для питья и личной гигиены воды, но также возможность предотвращения наводнений, паводков, селей и других бедствий, в которых главной разрушительной силой выступает вода, становится условием планетарной безопасности. Реки в мировом масштабе так пострадали от человеческой деятельности, что под угрозой оказалось нормальное водопотребление почти пяти миллиардов человек и перспектива выживания тысяч водных видов растений и животных, пишет газета “The Guardian”, ссылаясь на предупреждения ученых<sup>1</sup>.

Регион Центральной Азии представляет собой очень неравномерную картину с этой точки зрения. Самая благополучная в экологическом отношении страна — Кыргызстан. С одной стороны, здесь разнообразная природа, богатая водными источниками, с другой — мало вредных производств (да и вообще производств), загрязняющих окружающую среду. Что касается других стран центрально-азиатского региона, то здесь мы видим огромное разнообразие всякого рода экологических проблем. Например, во многих горных и предгорных районах Узбекистана и Таджикистана истощён или разрушен почвенный покров, поэтому на них почти ничего не растёт. Такие горы и предгорья — постоянный источник наводнений, селевых и грязевых потоков. Из-за того, что деградирующие горные ландшафты не способны удерживать влагу, а на равнинных территориях, пронизанных сетью открытых каналов и арыков, происходит её усиленное испарение, средняя температура по региону повышается, что, наряду с глобальным потеплением, способствует ускоренному таянию ледников в горных системах Центральной Азии. С 1957 года по 2000 год, то есть всего за 43 года, запасы воды в ледниках Памиро-Алая сократились

---

<sup>1</sup> См.: <http://www.guardian.co.uk/environment/2010/sep/29/human-impact-world-rivers-water-security>, последнее посещение 05.06.2012.

более чем на 25%<sup>1</sup>. А это, в свою очередь, не может не сказаться отрицательным образом на водном балансе региона.

Не следует забывать и о проблеме Арала, напрямую касающейся Узбекистана и Казахстана. С 1960 по 2004 год площадь водной поверхности Аральского моря сократилась почти на 70% , уровень воды упал примерно на 20 м<sup>2</sup>. Существенно увеличилась солёность моря, значительно уменьшилось биологическое разнообразие, исчез рыбный промысел. Соответственно значительно ухудшились экономические и социальные условия жизни населения. Кроме того, с территории высохшего дна Арала ежегодно выносятся на площадь 400 тыс. км<sup>2</sup> более одного млн т соли и песка, содержащих остатки удобрений<sup>3</sup>. Оседающая аральская солевая пыль уменьшает отражающую способность ледников, что ускоряет процессы их таяния, губит посевы и крайне негативно сказывается на здоровье людей, живущих в Приаралье.

Эти и другие проблемы ставят под вопрос пригодность целых крупных территорий для жизни, становятся угрозами безопасности всех уровней, от индивидуальной до региональной. А в той мере, в какой регион теми же пыльными бурями, таянием ледников и омертвлением некогда живой воды вносит свой «вклад» в ухудшение экологической ситуации на планете — и глобальной. Печально, но факт: вода для региона выступает не только источником жизни, но и разрушительной силой.

### III

Отсутствие действующих, неукоснительно соблюдаемых договоренностей между странами Центральной Азии по вопросам взаимовыгодного, взаимосвязанного и экологически безопасного использования водно-энергетических ресурсов приводит к появлению новой потенциальной угрозы — вооруженных конфликтов из-за воды. Аспекты вод-

---

<sup>1</sup> Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии: проблемы использования и освоения. Отраслевой обзор, 24 апреля 2008 года / Евразийский банк развития. С. 7.

<sup>2</sup> Казахстан: Северная часть Аральского моря возрождается при помощи Всемирного банка // Фергана.Ру, 19.06.2008. Доступно на: <http://www.fergananews.com/news.php?id=9447>, последнее посещение 05.06.2012.

<sup>3</sup> См.: Водное видение бассейна Аральского моря на 2025 год. ЮНЕСКО, 2000.

ной, энергетической и военной безопасности прекрасно вписываются в концепцию национальной безопасности, в соответствие с которой главными, а то и исключительными, действующими субъектами безопасности признаются государства. Но такой подход не способствует решению проблем и снятию угроз, так как большинство тех и других изначально рассматривается в рамках противостояния государств по вопросам водопользования. А там где есть противостояние, взаимоприемлемое решение найти сложно. Тему противостояния могла бы снять, например, концепция общей или совместной безопасности (*common security*)<sup>1</sup>, где основным мотивом действия широкого круга участвующих субъектов были бы одновременно забота о **достойном** выживании каждого человека, не только национальная, но и региональная и глобальная безопасность. Ибо постоянно утверждаемое всеми государствами региона в их практической политике безусловное верховенство национальной безопасности над любой другой — человеческой ли, региональной ли, глобальной — превращает эту самую, узко толкуемую и однозначно отстаиваемую, национальную безопасность в угрозу — как в части её собственных аспектов (экономический, транспортный, социальный), так и по отношению к безопасности любого другого уровня.

Главный камень преткновения здесь — это вопрос о суверенитете. Решение проблемы совместного использования трансграничных рек требует делегирования части национального суверенитета в некий наднациональный орган. Или, как минимум, отказа от краткосрочных односторонних выгод, наносящих вред другим сторонам. Однако сейчас мы видим иное: когда интересы национальной безопасности делаются самодовлеющими, в противовес и в ущерб безопасности иных уровней, это едва ли не автоматически делает главной, бдительно охраняемой ценностью как раз то, чем надо бы в известных пределах пожертвовать — национальный (государственный) суверенитет.

### **Дикуссия по докладу Е. Борисовой и С. Панарина**

**Кириченко.** Два последних сообщения показывают достаточно своеобразную для истории ситуацию, когда промышленно продвинутые технологии оказываются разьединёнными с продвинутыми социальными технология-

---

<sup>1</sup> Подробно о разных концепциях безопасности см.: Миграция и безопасность в России... С. 16–54.

ми. В условиях распространения индустриализации, капитализма, колониальной экспансии они шли рука об руку. А сейчас наиболее продвинутые и в этом смысле наиболее опасные технологии находятся в руках тех социальных систем, которые в плане своих социальных ценностей и механизмов не принадлежат к переднему краю эволюции. И это новый фактор в картине безопасности мира.

**Панарин.** В концепции нашей будущей конференции предусмотрена целая панель «Противоречия внутри безопасности». В двух последних докладах как раз показывается, как одна безопасность становится поперек другой безопасности. А для Центральной Азии вообще главная угроза безопасности — это национальная безопасность государств, которые образуют регион. На ресурсную политику в Центральной Азии надо посмотреть под специфическим углом зрения — соотношения трех видов ресурсов: человека, энергии, воды. Для того, чтобы это соотношение стало сбалансированным, необходимо ужать национальную безопасность.

**Галиймаа.** Если бы кто-то от этих стран присутствовал на нашем семинаре, он оспаривал бы этот тезис?

**Панарин.** Подозреваю, что да.

**Дмитриев.** Мне кажется, что доклад исчерпывающий, всё сказано, всё понятно, спросить нечего. Я могу только добавить, что с точки зрения проблем воды Центральная Азия является классической иллюстрацией. Регион — водозависимый. Из-за строительства огромных ГЭС в Таджикистане и Киргизии получилась диспропорция. В Китае тоже остро стоит проблема воды. Мне недавно пришлось переводить отчет экспертной компании, заказанный производящим кока-колу заводом в Сычуани. Отчет показал следующие результаты: все окружающие реки вообще непригодны для питья, так как концентрация отравляющих веществ, находящихся в них, превышает допустимую норму в несколько раз, а использование подземных вод без специального разрешения в Китае запрещается. В связи с этим экспертная комиссия предлагает следующее: 1) экономия воды; 2) рециклинг сточных вод; 3) работа с правительством в рамках гражданской обороны (обещание, что в случае необходимости жителям будет бесплатно выдаваться вода) для того, чтобы добиться у китайского правительства доступа к подземным водам. Этот отчет показывает реальную обстановку в провинции, где воды всегда хватало, в том числе из горных источников. «Кока-кола» не может в радиусе нескольких сотен километров от завода найти пригодную для производства воду, и это при том, что санитарные нормы в Китае отличаются от норм, принятых, скажем, в Великобритании, — более «либеральные».

**Панарин.** Говорить о водных проблемах Центральной Азии, не говоря о Китае просто невозможно, поскольку истоки части центрально-азиатских рек находятся в Синьцзяне.

**Дмитриев.** В журнале «Восток», в одном из последних номеров была статья нашего коллеги из Нагорного Карабаха, в которой говорилось, что в Тибете берут истоки реки, которые питают 85% населения Азии. Контролируя эти истоки, Китай может оказывать давление на всех своих соседей.

**Абашин.** Здесь возникает такой парадокс: с одной стороны, концепция национальной безопасности действительно создаёт проблемы (споры по поводу воды и разных уровней безопасности, попытки доминировать через эту проблематику). Но, с другой стороны, понимание этих проблем создаёт площадку для диалога. Если бы не было этого конфликта, то и не было бы площадки, где они вынуждены вести диалог, а диалог тянет за собой разные проекты регионального сотрудничества. И здесь интересно ещё, как внешние игроки во всем этом участвуют. Средняя Азия — это поле борьбы внешних сил. Здесь важно, какую модель регионального сотрудничества предложат внешние игроки, как они через эту модель будут сами влиять на регион. Ещё при Советском Союзе задумывались об этом — напому о проекте переброски в Среднюю Азию сибирских рек. И не факт, что его кто-нибудь опять не предложит, например, в рамках ЕвразЭС или Таможенного союза.

**Панарин.** Мне кажется, этот проект никто не будет осуществлять. Внешней российской власти он просто невыгоден. Кто вахтовым методом работает в Западной Сибири, кто качает нефть, кто создает наш национальный доход, стабилизационный фонд и все наши инвестиционные капиталы? Кто? Там половина работающих — из Средней Азии. Так пускай они лучше у нас работают, чем мы будем проводить воду, чтобы они у себя лучше жили.

**Борисова.** Воды на самом деле в регионе хватало бы, если бы она не терялась в мелиоративных системах. Проекты Европейского союза направлены как раз на улучшение состояния этих систем. Если проблема потери воды будет решена, то проблема нехватки водных ресурсов может быть на некоторое время отодвинута.

**Абашин.** Да, Европа предлагает другую модель. Она предлагает модель экономии и через эту модель с помощью грантов усиливает свое влияние. Это ещё один способ присутствия в регионе.

**Панарин.** На самом деле Европейское Сообщество очень неохотно идет туда, куда ему следовало бы сходить.

**Буданова.** Но его туда пускают?

**Панарин.** Пускают. И Китай пускают. Менее всего туда пускают нас, так как мы до сих пор на них смотрим с позиции метрополии, сверху вниз, а европейцы к ним относятся как к партнёрам.

**Абашин.** Россия не готова вкладывать «долгие» деньги, а Китай готов.

**Панарин.** Да и Китай тоже не очень готов с «долгими» деньгами. Их он вкладывает только в те проекты, которые решают его ресурсные проблемы.

**Абашин.** Например, в Таджикистане китайцы строят дороги.

**Дмитриев.** По поводу поворота рек могу только добавить, что в Китае проблема переброски рек с вододостаточного юга на вододефицитный север находится уже в завершающей стадии перехода от плана к его непосредственному осуществлению.

**Батбаяр.** У нас в Монголии хотели построить гидроэлектростанцию малой мощности, перебросили для этого реку. И теперь там, где раньше протекала река, ничего не растёт, засуха, а вода до ГЭС не дошла. Станция так и не работает.

## ПОВСЕДНЕВНЫЕ ОПАСНОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ

*Сергей Абашиин*

В узбекском языке есть слово *хавфсизлик* — в принятом сейчас написании на латинице *xavfsizlik*, которое в русско-узбекских словарях предстаёт точным эквивалентом русского слова «безопасность»<sup>1</sup>. Встретить его можно главным образом в официальных документах, статьях, книгах. У него арабская по происхождению основа «хавф-». Исходное значение соответствующего слова خوف в арабском языке — «страх», «боязнь», «паника»<sup>2</sup>. Узбекское *хавф* / *xavf*, имея аналогичные смыслы (например, ~ *солмоқ* / *sol moq* — наводить страх на кого-либо), всё же в большей степени близко по значению русским словам «опасность», «опасение», «угроза» (~ *қилмоқ* / *qilmoq* — опасаться, бояться; ~ *остида қолмоқ* / *ostida qolmoq* — находиться под угрозой чего-ли-

---

<sup>1</sup> См., например, «Русско-узбекский-словарь-онлайн». Доступен по адресу: <http://sahifa.tj/default.aspx>, последнее посещение 02.06.2012.

<sup>2</sup> См.: خوف // <http://ru.glosbe.com/ar/ru/%D8%AE%D9%88%D9%81>, последнее посещение 02.06.2012 (я также благодарю за консультацию Владимира Бобровникова). По мнению известного исламского богослова аль-Кушейри, это слово передаёт глубокое внутреннее чувство страха, которое помогает человеку избегать вещей, не угодных Аллаху («Боязнь» и «страх» в жизни мусульманина // Интернет-сайт журнала «Новые грани». Доступно на: <http://www.noviyegrani.com/archives/title/286>, последнее посещение 02.06.2012.



бо, находиться в опасности)<sup>1</sup>. Что касается слова *хавфсизлик* / *xavfsizlik*, то оно образуется путём прибавления к основе аффикса отрицания «-сиз» и указывающего на отвлечённое состояние аффикса «-лик».

Поразительное сходство с тем, как образовано аналогичное русское слово, вряд ли оставляет место сомнению в том, что *хавфсизлик* / *xavfsizlik* — полная калька с русского слова «безопасность», возникшая в советское время под влиянием — отчасти принудительным — русского языка. Это подтверждается и тем, что в повседневной жизни *хавфсизлик* / *xavfsizlik* практически не употребляется, имеет сугубо книжный, канцелярский, официальный характер. В бытовом узбекском языке состояние, близкое к тому, что можно назвать состоянием безопасности, описывается словом *тинчлик* / *tinchlik*. Его основные значения — «тишина», «покой», «мир», «мирный» (характерный пример, «застрявший» в словарях с советских времён: ~тарифдорлари / *tarafdorlari* — сторонники мира)<sup>2</sup>, при этом оно употребляется без привязки к каким-то конкретным опасностям или проблемам.

## I

Сосуществование слов, имеющих одни и те же либо очень близкие значения, но использующихся в разных контекстах, указывает, помимо прочего, на сложность узбекского, шире, среднеазиатского общества. Сложность эта, в свою очередь, производна от его структуры: оно состоит из множества социально и культурно различающихся групп, страт, институтов и сетей, участие в которых обусловлено определёнными поведенческими стратегиями.

Говоря об опасностях / рисках и доверии, на основе которого возникает чувство «онтологической» безопасности, британский социолог Э. Гидденс различает две модели «условий», определяющих отношения

---

<sup>1</sup> См.: **Xavf** // *Азизов О., Ризаева З.* Узбекско-русский словарь / Под ред. И. Хайрулаева. Ташкент: Укитувчи, 1989. Доступно на: <http://www.altai.ca.ru/uzbek.htm>, последнее посещение 02.06.2012; **хавф** // Узбекско-русский, русско-узбекский словарь. Доступно на: <http://fmc.uz/word.php?iduz=15071>, последнее посещение 02.06.2012.

<sup>2</sup> См.: **Tinchlik** // *Азизов О., Ризаева З.* Указ. соч.; **тинчлик** // Узбекско-русский, русско-узбекский словарь. Доступно на: <http://fmc.uz/word.php?iduz=13813>, последнее посещение 02.06.2012.

между ними — досовременную и современную<sup>1</sup>. Опасности для досовременных культур представляют физический мир (болезни, капризы природы), человеческое насилие и «экзистенциальные» страхи, модель же доверия или безопасности основана на родственных и общинных связях, религиозной космологии и традиции, понимаемой Гидденсом как рутинные практики и ритуалы. В современном мире угрозы меняются: экологические, военные, психологические риски связаны больше с развитием индустрии и технологий, соответственно безопасность достигается с помощью «абстрактных систем», которые образуют сеть государственных или надгосударственных институтов<sup>2</sup>. Такое общее различие полезно, как мне представляется, для того, чтобы описать сложность восприятия «опасностей» и дать классификацию способов их предотвращения в узбекском случае.

Узбекское общество на протяжении XX века подвергалось, не без внешнего воздействия, систематическому реконструированию, которое происходило под знаменем модернизации, то есть создания современного (социалистического) общества с полным набором соответствующих государственных институтов и связанных с ними практик. При этом концепции современности и безопасности были тесно увязаны между собой. Первоначально безопасность понималась как борьба с внешними и внутренними врагами — борьба, которая считалась совершенно необходимым элементом и, одновременно, фактором трансформации «старого мира» в «новый». Позже на первый план в концепции безопасности стали выходить идеи защиты здоровья, обеспечения образования и социального минимума, хотя само слово «безопасность» всё ещё имело репрессивный оттенок, ассоциируясь с «комитетом государственной безопасности».

После распада СССР связь между концепциями современности и безопасности претерпела некоторые изменения. Если раньше в основе «безопасности» лежало понятие «социалистическое государство», которое должно было доказать своё историческое превосходство, то с 1991 году его заменило понятие «национальное государство», а место главных ценностей, легитимирующих само его существование, заняли «независимость» и «сохранение нации». Хотя слово «безопасность»

---

<sup>1</sup> Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. С. 232–246.

<sup>2</sup> Там же. С. 261–274.

сохранило советский репрессивный шлейф («комитет государственной безопасности» был переименован в «службу национальной безопасности»), под влиянием международной риторики на темы безопасности понятие *xavfsizlik/ xavfsizlik* стало толковаться в официальном языке очень широко: как поддержание устойчивости государства, его «конституционного строя», «общественного порядка», национальной идентичности. Иначе говоря, как система мер, направленных на противодействие разнообразным внутри- и внешнеполитическим, экономическим, культурным, информационным, экологическим и т.д. угрозам, номенклатура и иерархия которых в Узбекистане почти безраздельно определяется властью<sup>1</sup>. Ибо именно сформированная в советское время и сохраняющаяся сегодня в Узбекистане и в целом в Средней Азии сеть **государственных институтов** и создаёт, собственно, тот современный мир с его рисками и механизмами доверия, о которых писал Гидденс. В этом мире существуют полиция и суд для защиты от насилия, научная медицина — для защиты от болезней, школа и наука — для защиты самосознания и психики и т.д. Узбекское общество приняло эти «абстрактные системы», освоило их, сделало своими, стало применять в своих интересах. Знание «систем», в том числе официального языка «безопасности», и умение ими пользоваться являются условием доступа к различным благам современности.

## II

Сказанное выше означает, что житель Узбекистана мало чем отличается от жителя России или какой-нибудь европейской страны: различие будет в том, насколько в данном случае эффективны «абстрактные системы», но сам факт их наличия указывает на включённость страны и его населения в новую реальность «современности». Но можно ли на этом поставить точку?

---

<sup>1</sup> О каких бы аспектах безопасности ни писали в Узбекистане — вплоть до такого, казалось бы, узко специализированного, как безопасность Центрального банка страны (см.: <http://uzbank.net/npainfobezopasn.php> , последнее посещение 03.06.2012) — все эти тексты, как правило, пестрят ссылками на работы президента страны как на истину в последней инстанции. Из них, пожалуй, наиболее часто цитируемой является: *Каримов И.А.* Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // И.А. Каримов. По пути безопасности и стабильного развития. Т. 6. Ташкент: Ўзбекистон, 1998. С. 29–245.

Внимательное этнографическое изучение узбекского общества показывает, что восприятие в нём рисков и доверия не сводится к «современной» модели. Рядом с современным миром с его «абстрактными системами» продолжает существовать другой мир, где сохраняются названные Гидденсом «досовременными» отношения и институты, которые по-прежнему выполняют функции защиты человека от повседневных рисков и опасностей. В этом мире поведение человека не может быть объяснено только с помощью слова «безопасность» (за которым всё-таки стоит современность): в нём существуют совсем другие слова и логики доверия / защиты, которые я попробую кратко описать.

Начну с религиозной космологии. Условно, для удобства классификации, можно выделить три космологические модели, которые до сих пор популярны в узбекском обществе. Все они в сознании самих людей привязаны к исламу, но имеют разные основания.

Первую модель можно назвать, опять-таки условно, *магической*<sup>1</sup>. Опасности, прежде всего болезни, несчастья, неудачи в делах, она истолковывает как результат действия разного рода сакральных сил, которые находятся вне человека. Единой, кодифицированной и общепринятой, системы этих сил не существует, но есть повторяемости и общие черты. Это могут быть либо невидимо живущие рядом с людьми «плохие» духи — злые демоны *шайтаны*, *джинны* и *дэвы*, коварные женские существа *пери*, *албасты* и *момо*, сопровождающая их армия помощников *лашкар*<sup>2</sup>, — либо «плохие» люди, обладающие способностью сглаза *кинна*. Они незаметно, иногда тайком вредят и вызывают всевозможные беды.

Соответственно, для предотвращения действия этих сакральных сил — предохранения или лечения — используется большой и разнообразный набор магических средств. Это могут быть специальные виды одежды (считается, например, что от сглаза помогает паранджа), амулеты, которые развешиваются на теле человека, в машинах и на стенах дома, очищающий дым определённых растений (*исрык*). В случае,

---

<sup>1</sup> Здесь и далее её описание даётся по: *Басилов В.Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992; *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 5–93.

<sup>2</sup> *Басилов В.Н.* Указ. соч. С. 229–278; *Сухарева О.А.* Указ. соч. С. 11–56.

если какое-то несчастье произошло и требуется от него избавиться, многие отправляются к особым «специалистам» (*бахши, кинначи, перихон* и др.). Чаще всего это женщины, которые проводят нехитрые магические ритуалы изгнания сглаза или «злых» духов. Отдельную категорию таких «специалистов» составляют мужские представители сословия потомков (чаще всего мнимых) пророка Мухаммеда или других известных мусульманских деятелей прошлого — *ходжа, шейхи, ишаны*<sup>1</sup>, совершающие те же, по сути, магические действия, но с чтением мусульманских молитв и более строгим соблюдением исламской логики единобожия. Популярностью также пользуется паломничество к святым местам *мазарам*<sup>2</sup>, где, как считается, сохраняется особая благодать *барака* святых людей, помогающая при невзгодах.

Вторую космологическую модель можно назвать *рационалистической*. В умах людей она освящена традицией, в том числе религиозной, но фактически эти примитивные формы вполне рационального, сложившегося из повседневного опыта и наследуемого из поколения в поколение, восприятия окружающей действительности. Немного огрубляя, это всё, что люди своими силами делают для предотвращения тех или иных вполне конкретных угроз — различные меры предосторожности, защиты семьи, выживания. В плане медицины к ним можно отнести систему диеты, основанной на принципе разделения «холодных» (*совук*) и «горячих» (*иссык*) видов пищи, которые оказывают разное воздействие на те или иные внутренние органы человека в здоровом или болезненном их состоянии<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> О них см. подробнее: *Абашии С.* Ок-суяк // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т.1 / С.М. Прозоров (ред.). М.: Восточная литература, 2006. С. 318–319.

<sup>2</sup> О мазарах см.: Ислам. Энциклопедический словарь / С.М. Прозоров (ред.). М.: Наука, глав. ред. вост. лит-ры, 1991. С. 151; *Абашии С.* Мазар Бобои-об: о типичности и нетипичности святых мест Средней Азии // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р.Р. Рахимова / М.Е. Резван (ред.). СПб.: МАЭ РАН, 2008. С.5–23.

<sup>3</sup> Эта система восходит к медицинским трудам Авиценны (Ибн Сины), а через него — к системе античного медика Галена. О ней см.: *Ершов Н.Н.* Народная медицина таджиков Каратегина и Дарваза // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 349–357; *Greenwood B.* Cold or Spirits? Choice and Ambiguity in Morocco's Pluralistic Medical System // *Social Sciences and Medicine*. 15 В: *Medical Anthropology*. 1981, Vol. 15, No. 3. P. 219–

Наконец, третья космологическая модель — *вероучительная*. В её основе лежат разработанные в исламе, а также частично заимствованные из других религиозных учений представления о несовершенстве человека, неверии и отпадении от веры, несоблюдении человеком предписаний и заветов, грехе и страшном суде, аде и рае. В идеале эта модель подразумевает, что от опасностей, которые таятся в самом человеке, может предохранить строгое соблюдение предписанных верой норм поведения. На первом месте тут стоят пять обязательных для мусульманина норм *аркан ад-дин*: ежедневные пятикратные молитвы *намазы*, пост в месяц *рамадан*, выплата благотворительного налога *закята*, *хадж* — паломничество в Мекку и открытое провозглашение единобожия *шахада*. За ними следует множество других предостережений и норм, в контексте которых тот или поступок оценивается как одобряемый, нейтральный или запретный<sup>1</sup>. Соблюдение всех этих правил предполагает наличие экспертов — богословов *улама* и судей *казиев*, которые в итоге и выносят решение, что можно и чего нельзя, по любому вопросу.

В советское время третья космологическая модель, в прежние времена политически господствовавшая, подвергалась целенаправленному преследованию, поскольку в ней видели опасность для современного светского государства. Многие мусульманские богословы и судьи были тогда репрессированы, соблюдение обязательных правил запрещалось и преследовалось. В результате она потеряла своё прежнее влияние. Однако в последние двадцать лет, начиная с конца 1980-х годов и особенно после обретения Узбекистаном независимости, ислам постепенно возвращает свои позиции и всё чаще рассматривается людьми в качестве основного средства противодействия разного рода угрозам, в первую очередь «экзистенциальным»<sup>2</sup>.

---

235; Kehl-Bodrogi K. «Religion in not so strong here»: Muslim Religious Life in Khorezm after Socialism. Berlin: Lit Verlag, 2008. P. 194–223; Latypov A. Healers and Psychiatrists: The Transformation of Mental Health Care in Tajikistan // Transcultural Psychiatry. 2010, Vol. 47, No. 3. P. 419–451.

<sup>1</sup> См., например: Ислам. Энциклопедический словарь... С. 153, 252, 266, 274 и др.; The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I. Leiden: Brill, 1986. P. 257; Vol. II. Leiden: Brill, 1991. P. 790.

<sup>2</sup> См.: Rasanayagam J. Islam in Post-Soviet Uzbekistan: The Morality of Experience. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011; Louw M. Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia. London, New York: Routledge, 2007. P. 167–176.

Есть и ещё один момент, о котором следует сказать в этой связи. Многие новоявленные мусульманские «эксперты» настаивают на том, что предлагаемые ими рецепты социального устройства должны не только вытеснить все остальные «космологические» модели, но, может быть, даже заменить современные институты с их «абстрактными системами», понимаемые как «западные». Это означает, что ислам может не только обеспечивать воспроизводство досовременных практик и представлений, но и претендовать на реализацию функции усвоения современных моделей индивидуалистического поведения, пусть и через отрицание этой самой современности.

Помимо религиозной космологии Гидденс относит к досовременным формам доверия родство, общину и ритуалы. Всё это действительно играет важную роль в сегодняшнем узбекском обществе, и часто описывается как традиционное мусульманское наследие, но я полагаю, что для анализа удобнее различать «вероучение» и обычаи, которые не сводятся к религиозным мотивам.

Родственные связи, община и ритуалы образуют локальную социальную сеть со своими институтами, иерархиями, циклами. Взаимодействие внутри этой сети регулируется понятием *карз* — долга. Каждый человек должен жениться и вырастить детей, содержать семью и помогать родственникам, оказывать внимание старшим и заботиться о родителях. И каждый человек в узбекском обществе обязан организовывать ритуалы, приглашать на них всех родственников, всех членов своей общины и предоставлять им в ходе этого действия угощение и подарки<sup>1</sup>. Исполнение всех этих видов долга имеет взаимный характер, то есть человек вправе ожидать, что по отношению к себе он получит то же внимание, которое он оказал другим, — и примерно в том же объёме. Другими словами, система иерархий, социальных ролей и ритуалов, скреплённая понятием взаимного долга, является в узбекском обществе условием взаимопомощи, перераспределения ресурсов, заботы о слабых. Эта система регулируется жёстким (само)контролем и социализа-

---

<sup>1</sup> Здесь и далее по полевым наблюдениям автора. См. также: *Pétrie B. Pouvoir, don et réseaux en Ouzbékistan post-soviétique*. Paris: Presses Universitaires de France, 2002; *Абашинов С.Н.* Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности / иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Вестник Евразии, 1999, № 1–2 (6–7) . С. 92–112.

цией. В случае отказа выполнять долг человек рискует выпасть из социальной сети, понизить свой статус и лишиться многих преимуществ, которые он мог бы получить, выполняя долг: связей, полезных для карьеры и в экстренных случаях; помощи родственников и соседей в текущих делах и в знаковых ситуациях жизненного цикла, возможности заключать выгодные брачные союзы и т.д. При этом неисполнение долга одним человеком ставит под сомнение всю сеть отношений и гарантий, поэтому община старается жёстко реагировать на любые такие попытки, подвергая нарушителя санкциям и моральному порицанию.

### III

В заключение я хочу вернуться к рассуждениям Гидденса о моделях безопасности. В них есть, на мой взгляд, слабое место. Предложенное разделение на две модели предполагает, даже по их названиям, что «досовременная» модель постепенно исчезает и на её место приходит «современная». Возможно, в длительной исторической перспективе так оно и будет. Однако в наблюдаемой действительности — в нашем примере в Узбекистане — мы видим, что эти модели сосуществуют и даже дополняют друг друга, не обязательно вступая в конфликт. Достаточно одного житейского примера. Заболев, человек сначала пытается справиться с недугом какими-то своими домашними средствами, а также читает намазы и молится Аллаху в надежде получить таким образом облегчение. Затем он обращается с просьбой о помощи к местной знахарке-бахши, практикующей магические оздоровительные ритуалы. А в конце концов, он обязательно идёт в государственную поликлинику к врачу, надеясь, что тот ему поможет вылечиться. Каждая из этих стратегий могла бы в схеме Гидденса оказаться в отдельной «модели», а вот в повседневной жизни они переплетаются, оказываются одинаково нужными и полезными с точки зрения самого человека.

Не исключено, что эта ситуация консервируется слабостью постсоветской государственности в Средней Азии, её неспособностью продолжать модернизационную интервенцию. Но, так или иначе, для действительно глубокого понимания всех рисков и моделей безопасности необходим более внимательный, комплексный анализ **повседневности** как отдельного и очень важного измерения жизни человека любой культуры.



### Дискуссия по докладу С. Абашина

**Панарин.** Как вы считаете, какова динамика за годы независимости? Действительно, для человека абсолютно нормально комбинировать различные системы, если он с этого получает реальные, пусть даже воображаемые, но им воспринимаемые как реальные, результаты. Но вместе с тем есть какая-то тенденция в смысле предпочтений. Я понимаю, что должно быть различие между городом и деревней, но всё-таки в чём состоит генеральная тенденция в том же Узбекистане?

**Абашин.** Я думаю, что не существует какой-то одной тенденции, а есть несколько разных тенденций, которые парадоксальным образом сосуществует друг с другом. С одной стороны, мы видим продолжение сильной роли государства и идеологии национализма, в которую включено понятие безопасности. Я думаю даже, что по сравнению, допустим, с позднесоветским временем, роль государства усиливается, усилилось стремление государства всё контролировать и репрессировать. С другой стороны, постсоветские государства являются слабыми, прежде всего экономически, и не могут подкрепить своё желание всё контролировать экономическими мерами. В результате большое количество людей выпадает из-под контроля государства. На улицах городов России мы видим людей, которые не находятся ни под каким государственным надзором — ни своих государств, ни государства, в котором они работают. В такой ситуации эти социально и экономически маргинализированные слои, выпавшие из-под воздействия государства, обращаются к разного рода негосударственным моделям.

**Панарин.** Интересно, куда больше крен — к исламской или традиционной модели социальных гарантий, фактически неисламской или доисламской?

**Абашин.** Дело в том, что магия и другие традиционные приёмы в силу маргинализации и массовой миграции разрушаются, потому что все эти практики сильно связаны с локальным местом. Поскольку человек из-за миграции оказывается вне своего локального места, то он перестаёт соблюдать эти практики. Они ещё не разрушены, но разрушаются на наших глазах. Соответственно, относительно растёт значение исламской модели, исламских представлений и исламских практик. Это происходит по разным причинам, в том числе — как способ противопоставления себя государству. Это способ приспособления к новой ситуации через ислам, потому что каких-либо других готовых идеологий и моделей нет.

**Борисова.** Насколько сейчас велика роль махалли в защите человека?

**Абашин.** Махалля как общинность — даже не община, а система взаимных обязательств — сегодня разрушается, чему причиной является опять же миграция. Причём помимо внешней миграции существует ещё и значительная внутренняя миграция из сёл в города, даже пригороды, которая по своим разрушительным последствиям не менее значима.

**Панарин.** В пригородах возникают новые модели солидарности.

**Абашин.** Конечно, возникают новые модели солидарности на исламской идентичности или на какой-то другой основе. Но при этом старые модели разрушаются. В прежних местах проживания при массовой миграции остаются дети и старики. Они, конечно, воспроизводят локальные практики, но значение их уже уменьшается. Сейчас мы видим скорее ситуацию полного разрушения, нежели установления работающих моделей, в социальном и культурном смысле ситуации идёт в разнос.

**Панарин.** То есть мы можем сказать, что ощущение небезопасности в принципе должно возрастать? Оставим в стороне тех, кто находится в России, а в самом среднеазиатском обществе?

**Абашин.** Я бы сказал так, что сами люди формулируют это не языком «увеличения опасности», они скорее будут это формулировать исламским языком — указанием на несовершенство человека и окружающего мира в мусульманском, религиозном понимании, а не в советском или западном понимании этого несовершенства. На этом во многом основаны и арабские революции.

**Панарин.** Тут есть существенный момент. По моему убеждению, важным ферментом арабских революций является ещё то, что люди остро чувствуют угрозу достоинству в его мусульманском понимании, что должно и что не должно человеку. А субъектом агрессии против безопасности достоинства человека было государство, поэтому была такая резкая реакция. И я подозреваю, что поскольку режим Каримова светский и принципиально направлен против ислама, который отрицает этот режим, можно предположить, что наступит такой момент, когда и здесь это сработает. Конечно, все сравнения часто хромают, и я не утверждаю, что в Узбекистане будет так же. Что вы думаете?

**Абашин.** Я думаю, что сдвиг такой происходит. Но чем он завершится, сложно сказать.

**Борисова.** А насколько сейчас важна стабильность в среднеазиатском обществе? Стоит ли она на первом месте?

**Абашин.** В мусульманской доктрине устойчивость и мир — это действительно важные ценности. С другой стороны, в исламе есть и другая ценность: если наши права нарушаются несправедливым правителем, то мы имеем право на восстание. Эти концепты в разных ситуациях используют по-разному, то отдают приоритет одному, то другому. Как и концепт «безопасность», эти концепты служат легитимирующими механизмами тех или иных действий. Вопрос в другом: апеллируют ли в Средней Азии, говоря о личной жизни либо о политических проектах (оппозиционных или не оппозиционных) к западному языку, к правам человека, безопасности и т.д.? Или же они обращаются к каким-то другим словарям, идеологиям, концептам и с их помощью обосновывают свой личный выбор, политические цели? Сейчас, кстати, очень важный момент, что даже экономическая деятельность начинает всё больше

и больше легитимизироваться через исламские концепты, начиная с распределения закята, запрета процентов, через своё понимание частной собственности и наследования. Это мы видели в Андижане, где целая община, состоявшая из бизнесменов среднего уровня, вела свою деятельность через ислам.

**Панарин.** Такой протестантский вариант.

**Абашин.** Это тоже интересная тема — насколько здесь можно вернуться к Максу Веберу и использовать его теорию для понимания того, что происходит в исламе. Многие, даже без отсылок на Вебера, используют такое объяснение.

**Попов.** Если взглянуть со стороны, то кажется иногда, что государства в Средней Азии очень разные. Насколько при этом ситуация схожа в разных странах?

**Абашин.** Специфика отдельных государств — это отдельный разговор. У каждой страны много особенностей на уровне идеологий, как они понимают безопасность, кого они видят врагами и как выстраивают свою политику. Это касается и отношения к исламу. В каждом государстве разные слои общества по-разному формулируют, что такое «мусульманскость». Существуют также попытки сформировать альтернативные модели: через обращение к неопротестантским конфессиям и движениям, через увлечение тенгрианством в одних странах, зороастризмом, в других. Конечно, все государства разные.

**Панарин.** Все эти государства объединяет то, что они принципиально светские, но сидят на двух стульях. Одной половинкой сидят на западных ценностях, адаптированных в первую очередь для выгод правящего класса, правящей элиты. А другой половинкой сидят всё-таки на традициях, потому нельзя же полностью оторваться от населения! И тоже стараются эту традицию адаптировать к своей выгоде. В результате получаются большие проблемы и с внешним миром, и с внутренним.

**Кириченко.** Я понял, что специфика такова: верхи говорят на вполне европейском языке безопасности, а население не очень этим языком владеет, за исключением тех, кто делает карьеру, и в основном обеспечивает безопасность всякого рода ритуальными практиками, если упростить. Неужели эта ситуация одинакова в Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане, которые больше друг на друга похожи, в Казахстане, который экономически более развит, и в Кыргызстане, в котором есть демократическая традиция, пусть и немного в анархическом виде?

**Абашин.** Я бы не испытывал иллюзий по поводу демократичности Казахстана и Кыргызстана. Я не думаю, что в этом смысле там различия существенные и что в этих странах совершенно разные типы обществ. Типы те же самые, ингредиенты везде примерно те же самые, но соотношение этих ингредиентов разное, они в разные реакции вступают. Даже в Казахстане, например, мы сегодня видим исламизацию.

**Панарин.** Это вполне ожидалось, хотя в 1990-е там все говорили, что ислам у казахов — это так, ерунда, поверхностный и т.п.

**Абашин.** Ислам выполняет много разных функций. Его не нужно сводить только к исламистскому радикализму. Я тоже был поражён, сколько за пять лет девочек в Казани надели хиджабы. И это не какое-то влияние Аль-Каиды. У них нет другого языка, чтобы выразить себя.

**Панарин.** Я бы так не упрощал. Потому что случай Казахстана чётко показывает: если брать положение женщины и её выбор, самоопределение её идентичности, то он показывает, что хиджаб одевают отнюдь не всегда по свободному выбору. Есть сильное давление. Мои казахстанские знакомые женского пола говорят: «Проклятый аул, аул пришёл!». Во второй половине 1990-х годов казахская миграция из Казахстана была во многом женской, и, как правило, это были женщины с высшим образованием, потому что аул действительно пришёл и стал навязывать свои нормы и модели поведения в городе. Я хочу сказать, что когда к этому выбору прибегают в городах образованные девушки, то это не обязательно свободный выбор. Они тоже испытывают давление, но давление другого рода, давление как раз этих наступающих исламских моделей безопасности. Они же не в вакууме живут: если ты одела хиджаб, то у тебя меньше шансов подвергнуться насилию со стороны своих же.

**Абашин.** Там много разных мотиваций. Девушка в хиджабе имеет совсем другие шансы более удачно выйти замуж. У нас представление об исламе, что женщина там задавлена. Но как ни странно, ислам даёт довольно существенные гарантии женщине, в первую очередь имущественные. И если девушка позиционирует себя мусульманкой, то она имеет право требовать соблюдения этих гарантий. Допустим, тех же алиментов *махра* при разводе. А эти гарантии она уже не может получить через государственные институты.

**Панарин.** Я понимаю, что здесь масса парадоксов. Когда мы работали по одному проекту, в нашей группе была киргизка, которая доказывала, как замечательно, что распространяется, возрождается ислам, это всё здорово, растёт число мечетей, соборная мечеть вмещает тысячи людей. Но при этом, когда были у нас танцы, надо было видеть, как она там прыгала-скакала. И при этом она ещё была мастером спорта, у неё какой-то там пояс по тэквандо. Такое вот сочетание. На неё никакого давления не было, она действительно добровольно принимала ислам как часть своей идентичности. Но в личном поведении не хотела ничем пожертвовать из того, что она восприняла от советской и западной культуры. А другие девочки рассказывали, что на них давил бывший преподаватель научного коммунизма, который говорил теперь, какой замечательный ислам и что женщина должна знать своё место в соответствии с предписаниями ислама. Они, конечно, открыто ничего ему в ответ не говорили, но шипели: «Вот сволочи старые, чего они от нас хотят?». Какой выход? Эмиграция.

**Дмитриев.** Во многих регионах, в том числе в Африке, мы видим: поскольку в исламе действительно хорошо прописаны все эти неформальные гарантии — взаимопомощь общины, помощь при болезнях — там, где не работает государственная система, ислам имеет очень хорошие возможности, потому что он в значительной степени эти социальные гарантии предоставляет в каком-то объёме.

**Панарин.** Не могу во всём с вами согласиться. Успех ислама в тропической Африке объясняется не только этим. Ведь там эти традиционные социальные механизмы существовали и до ислама.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Абашин** Сергей Николаевич — ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

**Батбаяр** Тудэв — профессор, Монгольский государственный университет науки и технологии, г. Улан-Батор (Монголия)

**Борисова** Екатерина Андреевна — научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Бочкарёва** Ирина Борисовна — доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

**Буданова** Ирина Александровна — доцент, Ивановский государственный университет, г. Иваново

**Галиймаа** Нямаа — профессор, Монгольский государственный университет науки и технологии, г. Улан-Батор (Монголия)

**Дмитриев** Сергей Викторович — научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Есимова** Айгуль Бегеновна — доцент, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, г. Шымкент (Казахстан)

**Кириченко** Алексей Евгеньевич — доцент, Институт стран Азии и Африки при МГУ, г. Москва

**Колганова** Галина Юрьевна — научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Мещеряков** Александр Николаевич — профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

**Микульский** Дмитрий Валентинович — ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Панарин** Сергей Алексеевич — руководитель Центра, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Перси Уго** — профессор, Университет г. Бергамо, г. Бергамо (Италия)

**Петрова Анастасия Андреевна** — научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Попов Фёдор Аркадьевич** — младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Рудакова Мария Валерьевна** — научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Тутнова Татьяна Антоновна** — аспирант, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Филатов Сергей Борисович** — старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва

**Цой Надежда Александровна** — ведущий психолог, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

**Шарипова Раиса Малиховна** — старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва

*Научное издание*

**БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ И НОРМА:  
ОПЫТ РАЗНЫХ ЭПОХ И КУЛЬТУР  
(Материалы Международного семинара,  
г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.)**

Отв. ред. *С. Панарин*  
Компьютерный макет *Н. Паиковской*

Подписано в печать 15.10.2012  
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 17,2. Уч.-изд. л. 17,63.  
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».  
191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд

Отпечатано с диапозитивов в типографии «Ренومه».  
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40